ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ.

№ 4.

АПРЕЛЬ — 1922.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ".
МОСКВА.

Г(Р. П. Москва.) 566. Отпечатано 7000 экз.

20-я Государственная типография (быв. Кушнерева), Пименовская, 1/16.

СОДЕРЖАНИЕ.

Трибуна.

Библиография.

Оуэн и Рикардо.

Роберт Оуэн, великий утопист и провозвестник нового коммунистического строя, и Давид Рикардо, великий экономист и теоретик капиталистического общества—трудно, кажется, представить себе более противоположные фигуры. И все же, несмотря на то, что они так сильно отличаются друг от друга, несмотря на различие их „конечных целей“, их общественных идеалов, не трудно заметить в этих двух современниках целый ряд черт, которые роднят и сближают их меж собой.

Родившись почти одновременно (Оуэн—14 мая 1771 г., Рикардо—19 апреля 1772 г.), они оба в одинаковой степени являются детьми промышленной революции XVIII века. Оба они с ранних лет делаются самостоятельными и смело бросаются в водоворот экономической жизни, оба они, как говорят англичане, self made (самодошлые) люди и оба же дали блестящее доказательство своей „практичности“. Оуэн составил себе огромное состояние, являясь одним из самых предприимчивых и энергичных пионеров хлопчато-бумажной промышленности. Рикардо нажил себе еще более колоссальное состояние смелыми и расчетливыми спекуляциями на бирже, где он один из первых понял „требования нового времени“. И тот и другой одинаково начинают свою общественную деятельность „практическими предложениями“. Оуэн в интересах новой хлопчато-бумажной промышленности, Рикардо—в пользу установления нормального денежного обращения. И оба они в одинаковой степени соединяют самый положительный практицизм с любовью к „теории“, и тот, и другой имеют свои любимые „коньки“.

Но Рикардо воспитался и провел большую часть своей жизни в биржевом мире, вдали от центров непосредственной эксплуатации, в мире неограниченной свободной конкуренции, и, выступив на арену политической деятельности, он все свое внимание устремляет на разрушение всех пережитков старого строя, в которых он видит главное препятствие для полного развития производительных сил, таящихся в недрах буржуазного общества. Наоборот, Оуэн живет и действует в среде молодой, только что созданной промышленности, почти не знающей никаких средневековых оков, промышленности, в которой тенденции машинного производства совершенно свободно раз-

ви

щадную борьбу с „живыми машинами“ и опустошительные следствия крупной промышленности сказывались особенно ярко и сильно.

Когда они впервые познакомились, Рикардо уже был автором целого ряда памфлетов по вопросам политической экономии и работал над своим главным трудом, а Оуэн опубликовал свои четыре „Опыта об образовании человеческого характера“ и приобрел уже громкую известность, как реформатор в области воспитания, творивший чудеса в Ланарке.

На этой почве и произошло между ними сближение. Вопросы воспитания тогда очень сильно занимали кружок утилитаристов, к которому принадлежал Рикардо. Бентам был одним из акционеров Ланарка. Как рассказывает сам Оуэн в своей авто-биографии, он был очень близок и в очень дружеских отношениях с Рикардо, Миллем, Плэсом, хотя коренным образом расходился с ними. В то время, как Оуэн отстаивал необходимость национальной организации воспитания, основанной на всеобщем труде, утилитаристы защищали и в области воспитания принцип свободной и неограниченной конкуренции.

Не менее резко расходились их взгляды и в оценке современного экономического положения. Уже в 1815 г. Оуэн в своих „Замечаниях о влиянии фабричной системы“ указал на те вредные последствия, которые вызваны были быстрым превращением Англии в страну крупной промышленности. Чтобы ввести в известные границы жадность фабрикантов, которая заставляет их жертвовать „в угоду любви к накоплению лучшими чувствами человеческой природы“, он требует парламентского акта, который установил бы для всех рабочих 12 часовой рабочий день с $1^1/_2$-часовым перерывом, запретил бы труд детей моложе 10 лет и сделал бы обязательным для всех них элементарное образование [1]). Такое требование государственного вмешательства не могло, конечно, встретить сочувствия среди утилитаристов.

Их экономические взгляды нашли свое классическое выражение в „Началах политической экономии„ Рикардо, этой „экономической библии утилитаристов“, по выражению их историка, Лесли Стефана „Начала“ были написаны в течение 1815 и 1816 г.г., но вышли в свет в марте 1817 г. [2]) В первом издании (это можно сказать и о втором в 1819 г.), они еще вполне соответствуют той характеристике, которая дана была Марксом в „Нищете философии“.

---

[1]) Отстаивая необходимость фабричного законодательства, Оуэн опирался на свой опыт в Ланарке. По справедливому замечанию новейших историков английского фабричного законодательства он „указывал на порядки на своей фабрике. как на прецедент для всеобщего приложения их“. Hutchins and Harrison, History of factorylegislation, 1903, с. 21.

[2]) См. Letters of Ricardo to Trower. Oxford. 1899. с. 30.

„Задача экономистов, в роде Адама Смита и Рикардо, являющихся историками этой эпохи, состоит лишь в том, чтобы уяснить, каким образом приобретается богатство при отношениях буржуазного производства, возвести эти отношения в законы и категории, и показать, насколько эти законы и категории выгоднее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета является лишь болезнью, сопровождающей всякое рождение, как в природе, так и в промышленности“. Рикардо не видит и никакого понятия не имеет еще о том, что капиталистический строй производства имеет двойственный характер, что он порождает новую, только ему свойственную нищету.

Как и Смит, Рикардо едва только упоминает о хлопчато-бумажной промышленности. Основной, образцовой отраслью промышленности для него все еще является шерстяная индустрия, в которой даже в конце 18 столетия преобладала мануфактура: механическая обработка шерсти развивалась на основе и использовании опыта механической обработки хлопка. В графстве Глостер, где Рикардо купил себе в 1814 г. поместье и где находился один из крупных центров старой шерстяной промышленности, машинная индустрия начала развиваться только в двадцатых годах XIX столетия.

Неудивительно, поэтому, что Рикардо, в первых двух изданиях своего главного труда, совершенно обходит вопрос о влиянии введения машин на положение рабочего класса. Всюду, где он его касается, он придерживается еще взгляда, что применение машин в какой нибудь отрасли производства, по скольку оно сберегает труд, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые, в большинстве случаев, вызываются передвижением капитала и труда из одного занятия в другое. Не только землевладельцы и капиталисты выигрывают, но и рабочие.

„Рабочий класс также, думал я тогда, выиграл бы в одинаковой степени от введения машин, потому что при той же самой денежной заработной плате, рабочие могли бы теперь покупать больше товаров. Я полагал при этом, что заработная плата не понизилась бы, так как капиталист мог бы предъявлять спрос на такое же количество труда и употреблять его, как и прежде, хотя он был бы вынужден приложить его к производству нового или, до некоторой степени, отличного товара... А так как мне казалось, что спрос на труд останется неизменным и что заработная плата не понизится, то я думал, что рабочий класс воспользуется в такой же степени, как и другие классы, выгодами всеобщего удешевления товаров, которое явилось бы следствием применения машин“ [1]).

[1]) Рикардо, „Начала полит. экономии“, перевод Рязанова, стр. 264—5.

Другое явление, характерное для периода крупной промышленности—почти регулярная периодичность всемирных кризисов—то же не было еще известно Рикардо. Те кризисы, которые английская промышленность переживала от 1793 до 1815 г.г., он мог объяснить в духе своей теории повышением цен на хлеб вследствие неурожаев, обесцененнием бумажных денег, обесценением колониальных товаров и т. п. в силу сжатия рынка под влиянием континентальной блокады.

Точно также Рикардо мог найти объяснение и для кризиса, разразившегося после 1815 г. не в сущности самого капиталистического способа производства, а в целом ряде явлений случайного и преходящего характера; частью в неурожае, частью в падении цен на хлеб и переходе от войны к миру. Поэтому, он в своих „Началах" упаминает о кризисах лишь постольку, поскольку ему приходится касаться вопроса о „внезапных переменах в ходе торговли".

А между тем, как раз этот кризис и агитация, которую, в связи с ним, развил самым энергичным образом Оуэн, заставила Рикардо вновь пересмотреть вопрос о значении машин и их влиянии на положение рабочего класса.

II.

Положение рабочих после заключения мира в 1815 г. было действительно ужасно. Заработная плата ткачей местами уменьшилась чуть не в два раза. В 1815 г. налог в пользу бедных составлял 5.418.000 ф. ст., в 1817 г.—5.724.000, а в 1818 г. он достиг рекордной суммы в 7.778.000 ф. ст.

„Вся внутренняя история 1816 г.—говорит очень умеренный английский историк Спенсер Уольполь—представляет почти один только длинный каталог социальных волнений... Труд был вовлечен во всеобщий бунт против условий своего существования". Движение луддитов, систематически разрушавших машины в 1811—1813 г.г., несмотря на новый закон, грозивший смертной казнью за порчу и уничтожение машин, вспыхнуло с новой силой. По всей деревенской Англии опять начал гулять красный петух. В самом Лондоне рабочие устроили несколько бурных демонстраций и сделали попытку даже захватить королевский арсенал.

Великий английский лирик, безвременно погибший, Шелли, беспощадно бичевавший в своих негодующих стихах и беспредельною жадность „беззастенчивых шершней", и рабскую покорность гордых британцев, берегущих, жалко стеня, своих господ, приглашал рабочих „грабить награбленное".

Тот, кто ценой обмана и позора
Богатым стал,—кем загнан был другой,—

Тот может быть ограблен—как мы с вора
Снимаем платье, чтобы он для взора
Предстал в своем бесчестьи и нагой.

Торийское правительство, душой которого был злостный реакционер Аддингтон, ответило усиленными репрессиями и приостановкой Habeas Corpus act-a. Было опять повешено несколько десятков рабочих [1]). Рецепт, говоря словами Байрона, был очень простой:

Ткачи-негодяи готовят восстанье:
О помощи просят пред каждым крыльцом.
Повесить у фабрик их всех в назиданье,
Ошибку исправить и—дело с концом.

Но ограничиться одними только полицейскими мерами правительство все-таки не могло. Палата общин ассигновала 750.000 ф. ст. на организацию общественных работ. Назначена была также новая комиссия для пересмотра закона о бедных.

Но эти меры не могли успокоить „общественное мнение". Имущие классы были сильно встревожены все более нароставшим брожением в массах. Не менее сильным стимулом для возбуждения филантропических чувств служил также рост налога для бедных. И вот, в конце 1816 года, был созван большой митинг под председательством герцога Иоркского для обсуждения мер, которые могли быть приняты в борьбе с безработицей. Выбрана была особая комиссия под председательством архиепископа Кентерберийского. На заседание этой комиссии был приглашен также и Оуэн. Когда он развил свои взгляды на причины безработицы, ему предложено было изложить их в форме особого доклада. Но когда он закончил и представил свою работу, то весьма респектабельная и не менее фешенебельная комиссия „ассоциации для вспомоществования промышленности и рабочим беднякам", по словам самого Оуэна, „остолбенела от неожиданности и, казалось, не знала, что ей делать или сказать".

Дело в том, что богатые классы, аристократия и высшее духовенство, горько ошиблись в Оуэне. Они относились к нему очень сочувственно, пока он оставался чем-то в роде укротителя диких зверей, подлой черни, пока он играл роль искусного педагога, нашедшего безошибочное средство разводить покорных и кротких рабочих. Оуэн был для них только филантропом, которому в Ланарке удалось установить вполне патриархальные отношения между предпринимателями и рабочими. К тому же он совершенно не затрагивал политических учреждений и привилегий, под защитой которых так при-

[1]) „Мне все равно жить или умереть. Старых лент из Дерби уже больше нет". В этих словах повешенного луддита ярко отразился характер этого движе---

вольно жилось лендлордам, епископам и финансистам. Он совершенно равнодушно относился к демократическим реформам, которые выдвигались радикалами того времени.

Сочувственно относились к Оуэну и некоторые сентиментальные фабриканты, которые из его ланаркского опыта видели, что можно совместить высокую прибыль с более или менее гуманным обращением с рабочими, что нет никакой необходимости подвергать себя ежедневному риску поджога или разгрома фабрики.

Оуэн, вероятно, продолжал бы и дальше пользоваться симпатиями высших классов, его ожидала бы такая же блестящая карьера, как в наше время генерала Бутса, если бы он ограничился, как последний, ролью „мародера на арене социальной борьбы" и занимался бы подбиранием погибших душ, если бы он твердо держался принципа, что нельзя лишать народ религии. Но, как мы сейчас увидим, Оуэн был захвачен логикой своих основных принципов и скоро утратил всякую возможность проповедывать в салонах аристократии.

Чтобы избавиться от Оуэна, комиссия предложила ему передать свои дела в комитет палаты общин для пересмотра законов о бедных. Но Оуэна, после целого ряда проволочек, там отказались не только выслушать, но даже присоединить его доклад к работам комитета.

Оуэну не оставалось теперь ничего больше, как обратиться непосредственно к „общественному мнению". Он опубликовал свой доклад в журнале „Philanthropist", а затем выпустил и отдельным изданием. Но он не ограничился только этим. Он устроил несколько собраний, и отчеты о них, печатаемые в газетах, распространял за свой счет в десятках тысяч экземпляров. Несмотря на всю свою политическую наивность, Оуэн, как хороший коммерсант, прекрасно понимал значение, которое имеет для распространения идеи „шум", производимый вокруг нее, и умел пользоваться орудием рекламы не хуже, чем фабриканты мыла, ваксы и целебных пилюль.

В чем состояли главные черты предложенного им плана? В чем видел Оуэн главную причину свирепствовавшей тогда безработицы?

По мнению Оуэна, главная причина кризиса того времени заключалась в обесценении человеческого труда. Это обесценение вызвано было всеобщим введением машин в европейских и американских фабриках, главным образом в фабриках Англии, где этот переворот был ускорен открытиями Аркрайта и Уатта. Одно открытие следовало за другим, и именно это быстрое развитие промышленности дало Англии средства вести с таким успехом войну против Франции в течение почти четверти столетия. Казалось даже, что война дает новый стимул для развития производительных сил Англии. Когда в 1815 г. был заключен прочный мир, Англия в своих машинах обла-

дала колоссальной силой, которую можно оценить в 100.000.000 человеческих рабочих сил. Но в тот же день, когда подписан был мир скончался страшно богатый потребитель, на которого до тех пор работали производители. И вот, когда необходимость заставила сократить производство, оказалось, что механическая сила несравненно дешевле, чем человеческий труд. Машины были оставлены, а рабочих стали увольнять все в больших количествах. Поэтому, человеческий труд можно было получить по цене, которая была несравненно ниже того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни индивидуума. Бороться же с машинами рабочие не имели никакой возможности.

Что же остается делать? Или 1) уменьшать в значительной степени употребление машин; или 2) дать миллионам рабочим умереть голодной смертью; 3) или найти выгодное занятие для бедных и безработных рабочих классов—„машины должны быть подчинены их труду, а не служить для их вытеснения".

Первое немыслимо в силу самих условий современной промышленности, второе—было бы неслыханным актом варварства и тирании. Остается, следовательно, третий выход. Следует устроить так, чтобы не машина порабощала человека, а человек машину.

С этой целью Оуэн предлагает особый план для улучшения положения бедных. Главной задачей его является создание таких условий, при которых молодое поколение приобретало бы хорошие привычки вместо дурных. Детям необходимо дать хорошее воспитание, а взрослым подходящую работу. Эта последняя должна быть так организована, чтобы дать наибольшую выгоду как для отдельных производителей, так и для общества. Люди должны жить при таких условиях, которые об'единяют интересы всех и отстраняют ненужные соблазны. Все производители должны быть соединены в общины, чтобы труд был продуктивен, такая община должна насчитывать ни слишком много, ни слишком мало людей. По расчетам Оуэна, в такой производительной единице должно быть не меньше 500 и не больше 1500 чел.

К своему докладу Оуэн приложил рисунок, изображающий проектируемую колонию. Она представляет собой огромный квадрат зданий, рассчитанных на 1200 человек и окруженных земельной площадью от 1000 до 1500 акров. Внутри каждого квадрата расположен ряд общественных зданий, который делит площадь колоний на два параллелограмма. Это—общая кухня, общая столовая и все приспособления, необходимые для экономического приготовления пищи, затем с левой стороны школа для старших детей, зал для собраний, а наверху библиотека и помещение для взрослых, а с правой—школа для маленьких детей, читальня и молельня. Три стороны главного кор-

пуса разделены на отдельные квартиры, в четыре комнаты каждая. В четвертой стороне корпуса находятся дортуары для всех детей старше трех лет. В центре этого крыла расположены квартиры для надзирателей. Кроме того, с одной стороны больница, а с другой—комнаты для приезжих гостей или родственников. В центре двух других крыльев помещаются квартиры надсмотрщиков, врачей, священников, учителей, а в центре четвертого—склады и кладовыя. Два двора, образуемые рядами построек, засажены деревьями и предназначены для игр и гимнастики. Вся колония окружена садами. В известном расстоянии от жилых помещений расположены по обеим сторонам конюшни, скотобойня, прачечная, белильни, сельско-хозяйственные постройки и фабричные здания. Далее тянутся луга и пашни. Как следует настоящему практику, Робер Оуэн составил подробную смету, во что должна обойтись колония на 1200 человек.

1200 акров земли по 30 ф. за акр	36000
Квартиры для 1200 чел.	17000
Три общественных здания внутри колонии	11000
Фабрика, бойня, прачечная	8000
Мебель для 300 квартир по 8 ф.	2400
Оборудование кухни, школы и дортуаров	3000
Сельско-хоз. постройки (мельница и пивоварня)	5000
Устройство садов и дорог	3000
Живой инвентарь, необходимый для обработки земли	4000
Разные расходы	6000
	96000

Таким образом, при затратах в 4 ф. ст. на „голову", можно было бы безработных поставить в такое положение, при котором они могли бы себя сами прокормить. Лучше всего было бы, по мнению Оуэна, если бы правительство, убедившись в бесполезности всяких паллиативов и в необходимости положить в основу законодательной деятельности the preventive principle (принцип предупреждения), осуществило этот план в национальном масштабе. Тогда был бы положен конец безработице, и подростающему поколению было бы дано хорошее образование. См. Report to the Committee of the Associatin for the relief of the manufacturins and labouring power. Напечатан в приложении к автобиографии Оуэна „The Life of Robert Owen, written by himself London 1858. Vol I Acc. 53—65.

Оуэн, кроме того, напечатал проект своего показания, которое он хотел сделать пред комиссией палаты общин. Неожиданное сопротивление, которое он встретил среди тех, на кого он больше всего надеялся в деле осуществления своего плана, не только не заставило его умерить свой тон, но, наоборот, толкнуло вперед. На втором собрании, имевшем место 21 авг. 1817 г., он заявил, что „бесполезно было

бы устраивать колонии единения и взаимной кооперации" пока существуют религии, сеющие вражду и нетерпимость между людьми.

Конечно, после этой декларации ряды доброжелателей Оуэна из высших классов сильно поредели. И неудивительно! Оуэн выступил с своим обличением всех религий как раз в то время, когда палата общин постановила, по предложению правительства, ассигновать 1000000 ф. ст. на постройку новых церквей, чтобы улучшить религиозное воспитание народа. „Times", который еще в марте поддерживал Оуэна и предоставлял в его распоряжение свои столбцы, сразу отвернулся от него. „Вчера (после декларации Оуэна) над планом Оуэна опустился занавес общественной симпатии, который вряд ли поднимется еще раз. Оуэн обещает людям рай, но всякий здравый ум, воспитанный на догматах христианства, придет в ужас от такого рая".

Поспешили отвернуться от Оуэна и министры, смотревшие на его план, как на любопытный эксперимент, который может отвлечь внимание страны от насущных политических реформ. Поскольку Оуэн относился отрицательно к политическим реформам и не придавал никакого значения изменению податной системы, английские радикалы относились к нему совершенно отрицательно. Недоверие их (Уулер, Гон, Роббет) усиливалось еще тем обстоятельством, что Оуэна оставляли в покое как раз в то время, когда правительство, пользуясь всяким поводом, возбуждало против него процессы.

В 1818 г. Оуэн совершает путешествие на Континент, где он усердно пропагандирует свой план, обращаясь между прочим с особым воззванием сначала ко всем европейским монархам, а после к тем из них, которые с'ехались на конгресс в Аахене. По возвращении в Англию он снова принимается за агитацию. Оуэн все еще не теряет надежду привлечь на свою сторону и аристократию, и рабочих, и правительство.

В апреле 1819 г. в „Star" и в „Examiner" был напечатан его адрес к рабочим классам. „Дайте понять привиллегированным классам и отчетливо заметить, что улучшения, которые вы хотите испробовать, не имеют своей целью нанести какой-либо ущерб им или их потомству, а напротив, что те самые меры, которые исправят в а с, в то же время принесут им существенную выгоду и увеличат их счастье и интеллектуальные наслаждения—и вы сейчас же обеспечите за собой их содействие в деле осуществления ваших предположений". И он напоминает рабочим, что „богатый и бедный, управляющие и управляемые имеют в действительности одни и те же интересы".

Но богатые и управляющие соглашались, что и х интересы в то же время являются интересами рабочих, но не могли понять, что интересы р а б о ч и х в то же время и их интересы. Несмотря на все

усилия, теперь уже очень немногочисленных доброжелателей Оуэна среди высших классов, агитация его оставалась „гласом вопиющего в пустыне".

26 июня 1819 г. устроен был новый митинг под председательством герцога Кентского. Было решено избрать комиссию, которая рассмотрела бы план Оуэна и сделала бы соответственный доклад. Одним из членов этой комиссии был выбран Рикардо.

В 1817 г., в разгар агитации Оуэна, Рикардо путешествовал по Франции, Нидерландам и западной Германии. В письме (от 27 августа 1817 г.) к Троуэру мы находим добродушно—насмешливое указание на беседу с Оуэном, в которой речь якобы шла об устройстве особой колонии для Рикардо и его многочисленного семейства.

„Теперь, когда этот бедный человек покинут всеми и даже издателем Таймса, который таким смешным образом выдвигал его вперед, он будет в состоянии посвятить все свои таланты и весь свой энтузиазм осуществлению такого многообещающего плана". [1])

В 1818 г. Рикардо окончательно разделался с биржей и выступает на арену общественной деятельности. После того как он целый год выполнял обязанности шерифа, он покупает себе место в палате общин, в которой он сразу занял выдающееся положение. В борьбе против недостатков бумажно-денежного обращения, которую он вел весьма энергично в парламенте, а также в борьбе против произвола торийского министерства, проводившего тогда в палате общин знаменитые шесть актов, направленные против всех свобод, Рикардо встречал Оуэна на стороне защитников Английского банка и министерства. Для него это было только новое доказательство, что Оуэн такой же фантазер, как и Содти, который тогда в Quarterly Review (трехмесячное обозрение) громил и проклинал разлагающее влияние крупной промышленности и отрекся от Оуэна только тогда, когда последний высказался публично против всяких религий [2]).

К этому присоединилось и другое обстоятельство. Рост безработицы в промышленных кругах начал замедляться. На митингах в 1819 г. можно было ясно заметить, что речь идет на этот раз гораздо больше о сельско-хозяйственных рабочих, что на первом плане стоял вопрос о кризисе в сельском хозяйстве. Поэтому, когда Рикардо был выбран членом комитета, он сначала отказался, но после уступил настояниям других членов. Почему он так поступил, он объясняет в следующем письме к Троуэру:

„Я вовсе не член комитета для осуществления плана Оуэна. Этот комитет был учрежден только для того, чтобы рассмотреть план Оуэна, а не для того, чтобы одобрить его. Тщетно протестовал я,

[1]) Ricardo's Letters to Trower, с. 37.

[2]) Там же, с 47.

напрасно указывал, что совершенно не согласен со всеми принципами Оуэна. Мне ответили, что это не возражение, так как я обязан только критически исследовать план Оуэна, а вовсе не одобрять его. Очень неохотно я, в конце концов, согласился и принял участие в первом заседании, на котором я подробно изложил, почему я не могу согласиться с выводами Оуэна. Его план рассматривали главным образом с точки зрения организации дома призрения для бедных или хорошо устроенного рабочего дома, но в этих ограниченных пределах он вызывает непреоборимые возражения. Оуэн сам по себе доброжелательный энтузиаст, охотно готовый принести большие жертвы для осуществления любимой цели... Герцог Кентский, Престон и Оуэн повидиму думают, что для поднятия производства и благосостояния чрезмерно увеличенного населения нужна только земля. А так как землю мы имеем, то ее можно сделать более производительной, и поэтому нечего бояться избыточного населения. Может ли какой нибудь рассудительный человек верить, вместе с Оуэном, что проектируемое им общество будет процветать и производить больше чем производило бы равное количество людей, если стимулом их явится не личный интерес, а благо общества? Разве опыт веков не говорит решительно против него? Оуэн в состоянии противопоставить этому опыту один или два плохо засвидетельствованных случая обществ, процветавших на основе общности имуществ, но в которых люди находились под сильным влиянием религиозного фанатизма" [1]).

Комитет высказался за план Оуэна, но внес в него изменение в том смысле, что в основу проектируемых колоний должно было лечь сельское хозяйство. Несмотря на это, новая попытка кончилась опять неудачей. Подписка шла очень вяло, а так как с 1 декабря 1819 г. собрано было всего 8000 ф. ст. из тех 100000, которые нужны были для организации дела, то комитет сложил с себя свои полномочия. Тогда Вилльям Креспиньи, один из членов палаты общин, симпатизировавший Оуэну, внес в парламент новое предложение (16 декабря 1819 г.) назначить особую комиссию „для рассмотрения плана Оуэна об улучшении положения низших классов". В связи с этим предложением в палате общин возникли горячие дебаты, в которых деятельное участие принял и Рикардо [2]).

Прения открылись речью Креспиньи. Он с самого начала подчеркнул, что вопрос, выдвигаемый им, является скорее вопросом филантропическим, а не политическим. Вмешательство государства является необходимостью. Всеобщая нужда необходимо вызывает всеобщее недовольство, а всеобщее недовольство часто приводит к революции. План Оуэна дает лучшую гарантию против этой возможности. Все,

[1]) Там же, с 79—80.

[2]) Hansarh, Parrliamentary Debates, Third Series voc XLI c 1189—1126.

чего хотят защитники и сторонники этого плана—это только, чтобы план Оуэна был испробован на деле. В последние годы машины в значительной степени вытеснили человеческий труд. Их нужно превратить в слуг человека. Когда Адам Смит писал свой труд о „Богатстве народов", его велекой целью было увеличение богатства этой страны. Теперь план Оуэна ставит себе целью координацию производства и потребления, а вместе с этим реорганизацию и нравственное возрождение низших классов.

Ванзиттарт, канцлер казначейства, высказался самым резким образом против „траты государственных средств на осуществление плана, изложенного публике в речи, в которой все религии объявлены ложными". Знаменитый филантроп и поборник освобождения негров, Вильберфорс, отрицавший закономерность эксплуатации рабского труда, но отстаивавший эксплуатацию наемного труда „свободных британцев", выступил против безбожника Оуэна с ярой защитой христианской религии, как главной основы величия Англии и ее нравственного прогресса.

Совсем иначе построена была речь Рикардо. Он заявляет себя решительным противником системы Оуэна, потому что она покоится на теории, несовместимой с принципами политической экономии. Но он не может согласиться с Оуеном и потому, что тот неверно определяет причины бедственного положения рабочих масс. Введение машин не есть главная причина безработицы. В более осторожной форме, чем в первых изданиях „Начала политической экономии" и в „Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала" [1]), Рикардо так излагает свой взгляд на влияние машин.

„В общем нельзя отрицать, что применение машин уменьшает спрос на труд. Они не увеличивают также потребление сельско-хозяйственных продуктов или мануфактурных изделий. Они могут, конечно, быть неудачно применены и вызвать перепроизводство хлопчатобумажных или шерстяных изделий, но как только производство этих предметов—вследствие изготовления их в слишком большом количестве—перестанет оплачиваться, фабрикант посвятит свое время и свой капитал другой отрасли производства".

Рикардо категорически высказывается против предложения Оуэна, который в силу практических соображений рекомендовал обходиться при обработке земли без лошадей и плугов.

Главная причина бедствий, переживаемых страной, заключается по мнению Рикардо, в тех препятствиях, которые ставятся росту производительных сил, накоплению капитала. Именно это обстоятельство вызывает несоответствие между заработной платой и населени-

[1]) „Машины—никто в этом больше не сомневается—вызывают определенно повышение реальной заработной платы труда". Ricardo's Works London 1888, cc 387.

ем. Необходимо, поэтому, устранить все факторы, влияющие на понижение прибыли. Это, во-первых, хлебные законы, вследствие которых цена такого предмета первой необходимости, как хлеб, в Англии несравненно выше, чем в других странах. Во-вторых, нужно снять оковы наложенные на торговлю и промышленность, запрещение ввоза иностранных товаров. Втретьих, нужно отказаться от системы государственных займов и кончить с огромным государственным долгом. Средство, которое для этого предлагает Рикардо—его „любимый конек"—состоит в обложении имущих классов соответствующим налогом и погашении долга по курсу дня. Несмотря, однако на коренное расхождение с Оуэном, Рикардо просит палату, оставляя, конечно, в стороне „деление всей страны на параллелограммы или установление коммунизма", назначить особую комиссию для беспристрастного исследования плана Оуэна.

Вместе с Рикардо в этом же заседании выступал против Оуэна не менее категорически лорд Брум, в котором с легкой руки Маркса [1]) привыкли видеть одного из лучших ценителей автора „Начал политической экономии". Но, несмотря, на весь свой „радикализм", этот виг, как и вся его партия, тогда, с неменьшим негодованием относился и к плану Рикардо и к его борьбе против хлебных законов. Когда речь шла о ренте, тории и виги забывали о всяких разногласиях. Оуэн был для них менее страшен, чем Рикардо: первый просил в сущности только подачку на бедных, второй создал весь теоритический арсенал для борьбы против хлебных законов, против высоких цен на хлеб, следовательно в первую голову покушался на доход ландлордов [2]). А доход был, по выражению Байрона, тем золотым тельцом, которому одинаково поклонялись и виги, и тории.

Нет: к черту все! Устройте лишь доход!
Их счастье, свет, их вера, цель всех забот,
Их жизнь и смерть—доход, доход, доход!

Хотя Креспиньи в своем заключительном слове опять подчеркнул, что Оуэн весьма благонадежный человек, что он решительный

1) „Хотя и стесненный буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономию, которая совершенно иначе выглядит в своих глубинах, чем она кажется по поверхности, с такой теоретической остротой, что лорд Брум мог сказать о нем": кажется, что Рикардо свалился с другой планеты". Marx, Zur Kritik der politischen Oekonomie, 1859, с 39.

2) Если кто нибудь считал Рикардо гениальным экономистом, то во всяком случае не лорд Брум, этот многописавший и многоболтавший „лев" оппозиции 20 годов. Полемизируя против взглядов Рикардо несколько позже, в заседании палаты общин 30 мая 1820 г., он заметил, что Рикардо „аргументирует, точно он свалился с другой планеты" иными словами, черезчур далек от земной действительности. (Hansard New series Vol 1 с 635). В своей биографии Рикардо, Брум нарочно подчеркивает, что не считает его выдающимся экономистом. (Brongham Historical sketches in London 1839, с 172—191.

противник парламентской реформы, предложение было провалено 141 голосом против 16. Рикардо, конечно, голосовал с меньшинством. Историк английской радикальной партии Гаррис называет это голосование „первой постановкой вопроса о социализме в порядке дня современного европейского законодательного собрания“ [1]).

Так же неудачно окончились и все другие попытки Оуэна и его друзей заставить парламент путем петиций рассмотреть его план. „Правда, вежливо, но они отказывались сделать это“—замечает Оуэн меланхолически в своей автобиографии. [2])

IV.

Мы не будем здесь рассматривать подробно парламентскую деятельность Рикардо, хотя только она бросает свет на тот поворот в его взглядах, который намечается после выхода в свет второго издания его книги (в 1812) и нашел себе отчетливое выражение в третьем и последнем издании его труда [3]).

Вопрос о значении машин в производстве сосредоточивает на себе главное внимание Рикардо. То перераспределение между „мертвыми машинами“ и „живым инвентарем“, на которое так настойчиво указывал Оуэн, заставляет его пересмотреть вопрос об отношении между основным и оборотным капиталом и его влиянии на распределение „продукта страны“ между тремя классами.—А вместе с этим все резче выявляется его расхождение с теми учениками, которые хотели быть большими Рикардианцами, чем сам Рикардо.

В письме к Мак Коллоху (4 декабря 1820 г.) мы находим замечание, которое показывает, с каким интересом он следил за переворотом, совершавшимся тогда в шерстяной промышленности. „Фабриканты уверяли меня, что заработная плата их рабочих едва изменяется. Когда дела идут плохо, они не могут найти постоянное занятие для своих рабочих, но они выплачивают ту же самую плату и дают всем одинаково работу, хотя только в течение $^3/_4$ или $^1/_2$ рабочего дня. Но в действительности это является понижением заработной платы“ [4]).

К этому времени взгляды Рикардо уже на столько изменились, что он считал долгом сформулировать свои новые выводы в особой

---

[1]) Harris, History of the radical party in Parliament, London 1885, c 141.

[2]) The life of Robert Owen Vol I c 237.

[3]) Парламентская деятельность Рикардо исследована английским экономистом Каннапом в „Economic Jlurnao (Ricardo in Parliament), но это только первый опыт, далеко неисчерпывающий тему. В распоряжении Каннапа не были еще письма Рикардо к Мак Коллоку и Троуэру, без которых трудно понять эволюцию его взглядов. Лучший биограф Рикардо американский экономист Голлендер, совершенно обходит вопрос об отношениях Рикардо и Оуэна, а также о причинах эволюции его взглядов.

[4]) Ricardo's Letters to Mc Culloch, c 88.

главе „О машинах“ в третьем издании „Начал“ (вышло в свет в апреле 1821 г.). Это была первая брешь в стройном здании классической политической экономии.

Рикардо теперь признает без всяких обиняков, что замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса, что та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, может в то же время вызвать избыток населения и ухудшить положение рабочего.

Этот тезис являлся не только разрывом с теорией перенаселения Мальтуса, он был также несовместим со всем миросозерцанием английских утилитаристов. Говоря словами Маркса, это было признание, что „характер тех отношений производства, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единообразием и простотой, что при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета“.

Неудивительно, что бедный Мак Коллох точно с девятого неба свалился при виде такой „измены“ своего учителя. Он сейчас же написал ему, „что он погубил всю книгу этой главой“, что он нанес серьезный вред науке, как своими взглядами, так и способом, каким он указал на изменение этих взглядов.

В своем ответе Рикардо пишет:

„Я вовсе не утверждал, что если бы всемогущая власть дала нам готовые паровые машины, которые могли бы работать без содействия человеческого труда, то такой подарок был бы убыточен для какого нибудь класса. Как раз наоборот. Но я сказал, что фабрикант обладающий оборотным капиталом, может дать занятие большому числу людей. Если ему выгодно заменить этот оборотный капитал основным капиталом такой же стоимости, то это неизбежно повлечет за собою увольнение части рабочих, так как основной капитал не может дать занятие всему труду, который он должен заменить. Признаюсь, что эта истина кажется мне столь же верной, как и любая геометрическая теорема, и я просто поражен, что я так долго не замечал ее. [1])

А в другом письме к тому же Мак Коллоху Рикардо критикует теорию гармонии интересов: „Вы пишете: интересы отдельных индивидуумов никогда (Sic!) не стоят в противоречии с интересами общества; я не согласен с этим положением. В вопросе о машинах интересы предпринимателей и рабочих сталкиваются очень часто. То же самое наблюдаем мы и в отношениях между землевладельцами.

---

[1]) Ricardo Letters to Malthus, с 184.

Затем я оспариваю, что мы в состоянии найти занятие для всех рабочих, которые вытесняются машиной" [1]).

Вместе с констатированием этого противоречия капиталистического общества Рикардо начинает все яснее понимать и специфические отличия капитализма. Так он выбрасывает из третьего издания своего труда целый ряд примеров, в которых первобытные охотники и рыболовы фигурируют в качестве современных капиталистов, которые, по словам Маркса, для вычисления стоимости своих орудий труда пользуются процентными таблицами, бывшими в ходу на лондонской бирже в 1817 г. [2]).

В очень любопытном письме к Мальтусу 10 октября 1820 года он делает следующее интересное замечание: „если бы какой нибудь высший гений имел под своим контролем распределение капитала данной страны, то он был бы в состоянии в течение короткого времени, опять привести в движение всю промышленность. Люди ошибаются в производстве, в спросе нет никогда недостатка". [3])

Изменив свои взгляды, Рикардо старается проводить их теперь и в ученом мире и в парламенте. В 1821 г. основан был клуб экономистов (Political Economy Club), в который входили все представители новой школы политической экономии. Рикардо возбуждает там несколько раз интересующий его вопрос, но, пишет он, „меня не могло удовлетворить общее мнение об этом спорном вопросе". И Мак Коллох, и Джемс Милль не могли согласиться с его новым взглядом. А ему приходилось вести борьбу не только с утилитаризмом, но и более радикальными представителями политической оппозиции. Так 30 мая 1823 г. при обсуждении петиции ручных ткачей из Стокпорта, он полемизирует с Коббетом и снова подчеркивает, что расширяющаяся утилизация машин имеет для рабочих вредные последствия [4]).

На ряду с борьбой против хлебных законов Рикардо принимает все более деятельное участие в обсуждении всяких предложений и запросов, касающихся рабочего класса и отстаивает свободу собраний, совести и печати для народных масс. И если он, верный своим основным принципам, делает те ошибки, то иногда это вызывается влиянием Оуэна. Когда 17 июня 1822 г. обсуждалась петиция, требовавшая закона против truch system (выплаты заработной платы

---

[1]) Letters to Mc Culloch, с 136.

[2]) Marx, Zur Kritik. '39. Маркс, повидимому, не заметил этих изменений в третьем издании.

[3]) Ricardo's Letters to Malthus, с 174. Как раз в этих словах Рикардо Брентано находил „предчувствие" социал-демократической программы! А затем еще утверждение, что „все выгоды от развития производительности труда достаются не рабочему, а только капиталисту, которое выставлено в первые не Родбертусом и Марксом, а уже Рикардо.

[4]) Hansard, Newseries, Vol IX cc 601—2.

товарами) Рикардо высказался против, ссылаясь на опыт Оуэна в Ланарке, где „Оуэн продавал рабочим из своих лавок самые доброкачественные товары по более дешевым ценам, чем их могли бы покупать сами рабочие. [1])

И чем более Рикардо в его парламентской деятельности убеждался, как, говоря его словами, трудно, „быть понятым теми, которые ничего не понимают, или имеют закоренелые предрассудки, которых они упрямо придерживаются", чем чаще он сам встречал обвинение в утопизме и фантазерстве со стороны даже очень радикальных оппозиционеров, тем мягче и теплее становятся его отзывы об Оуэне.

В одной из своих лучших парламентских речей, которую он произнес в защиту Ричарда Карлейля [2]), издателя „Республиканца", Рикардо доказывает—против Вильберфорса, типичного представителя английского религиозного ханжества,—что отрицание религии вполне совместимо со служением обществу и дает следующую апологию Оуэна:

„Вот, например, Оуэн из Ланарка. Он оказал великие благодеяния обществу, но, судя по некоторым его взглядам, не верит в будущую жизнь. Кто станет утверждать, видя разительное доказательство противного, что религиозный скептицизм сделал Оуэна менее нравственным? Неужели человек, претендующий на честность и прямоту, может сказать, что у Оуэна, посвятившего всю свою жизнь заботам о других, была бы более чистая душа и искреннее сердце, что Оуэн больше сознавал бы необходимость нравственных ограничений и нравственного контроля, если бы он был больше проникнут предписаниями религии" [3]).

Можно себе представить, как шокировала эта речь Рикардо в защиту республиканца и безбожника Карлейля всех защитников религии и трона!

Последний раз Рикардо и Оуэн столкнулись в заседании комитета палаты общин, назначенного 21 июня 1823 г., для исследования положения рабочих классов в Ирландии. 24 июня Рикардо пишет Троуэру: „Среди других схем мы с большим вниманием выслушали план Оуэна, который уверяет нас, что если мы дадим ему 8.000.000 ф. ст., то он сделает Ирландию навсегда счастливой страной".

Через два месяца 11 сентября 1823 г. Рикардо был застигнут

---

[1]) Hansard, VII, с 1123.

[2]) Его не надо смешивать с Томасом Карлейлем. Сын сапожника и сам рабочий, он бесстрашно вел борьбу со всяким произволом, печатал нелегально и распространял революционную литературу. В 1819 г. он начал издавать „Republican" и сейчас же попал в тюрьму, в которой просидел шесть лет, не прекращая однако своей работы. За оскорбление религиозных чувств, он провел еще три года в тюрьме. Умер в 1843 году.

[3]) Hansard, New Series Vol IX с 1386. Заседание палаты общин 1 июля 1823.

преждевременной смертью. Он умер в разгар интенсивной умственной работы, занятый пересмотром своих основных взглядов. Кроме вопроса о влиянии машин, его, в последние годы жизни, сильно интересовал вопрос о мериле стоимости, который еще в 1820 г. был выдвинут Оуэном под совершенно новым углом зрения.

Следы этой работы, в результате которой Рикардо все больше расходился с своими правоверными учениками, сохранились только в его переписке и парламентских речах. Он не успел изложить свои новые взгляды в систематической форме, но его агитация, как в клубе экономистов, так и в парламенте, несомненно произвела сильное впечатление и глубоко повлияла на более молодых экономистов, из которых образовалась после школа так наз. рикардианских социалистов. Главный труд Вильяма Томпсона, на которого Рикардо имел не меньше влияния, чем Оуэн, вышел в 1824 г.

К этому же времени совершается поворот и в жизни Оуэна. Его предложение бороться с Ирландской нищетой, при помощи коммунистических колоний, было отвергнуто.

В январе 1824 г. он расходитя со своим главным компанионом по Ланарку, Алленом и, потеряв всякую надежду осуществить свой план в Англии, он уезжает в Америку, чтобы, по возвращению от туда, превратиться из филантропа в коммуниста.

Уже в 1820 г. Оуэн сделал попытку обратить теорию стоимости Рикардо против капиталистического общества. Его „доклад совету графства Ланарк о плане для устранения общественных бедствий" кладет начало огромной литературе памфлетов, которая в 20-х и 30-х годах XIX-го столетия старалась истолкавать, в интересах пролетариата и против буржуазии, теорию стоимости и прибыли Рикардо. Весь „Оуэновский коммунизм, поскольку он выступает с экономическими аргументами, опирается на Рикардо".

Мак Коллох не напрасно предупреждал своего учителя. Рикардо сам нанес удар системе капиталистической экономии. Оставалось сделать только дальнейшие выводы.

Изгнанный из салонов официального общества Оуэн, ставший коммунистом, нашел убежище в рядах рабочего класса.

Сильно скомпрометированная теми выводами, которые сделаны были защитниками рабочего класса из теории Рикардо, она в свою очередь была изгнана из салонов официальной науки, чтобы найти свое дальнейшее развитие и завершение в трудах теоретиков пролетариата Маркса и Энгельса. И эти теоретики, многому научились также и в школе Оуэнизма.

Д. Рязанов.

* * * * * *

Фридрих Энгельс.

Отрывок из Фурье о торговле [1].

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В наше время, когда так любят, по всякому поводу и без особого повода, справлять различные юбилеи и словословить живых людей, было бы целесообразно вспоминать и юбилеи уже умерших, но вечно живых подготовителей и предшественников современного рабочего движения и коммунизма. Такие юбилеи имеют ту хорошую сторону, что дают возможность знакомить широкие массы с историей нашего движения, что расширяют и укрепляют понимание его исторической необходимости.

7 апреля текущего года исполнилось сто пятьдесят лет со времени рождения Шарля Фурье, одного из тех великих утопистов, который вместе с Оуэном оказал наибольшее влияние на основоположников научного социализма, на Маркса и Энгельса. Я, поэтому, предложил редакции „Под знаменем марксизма“ поместить статью Энгельса, ибо из нее видно, что именно ценили он и Маркс в системе Фурье. В первую очередь это была к р и т и к а капитализма, цивилизации, которая так гордилась своим прогрессом, своей perfectibilité, способностью к усовершенствованию.

В своем издании сочинений Маркса и Энгельса, Меринг напечатал только вступительные и заключительные замечания Энгельса к отрывку из Фурье. А между тем, характерно и то, что выбрано было Энгельсом,—тем более, что его перевод очень субъективен и местами представляет изложение. Суб'ективен и подбор отрывков. Если принять во внимание, что в „Капитале“ встречается несколько ссылок, навеянных чтением этого отрывка, то он приобретает интерес и как комментарий к соответственным местам „Капитала“. И именно этот отрывок имел в виду Энгельс, когда в „Антидюринге“ взял под защиту от филистерски скучных и пресных замечаний Дюринга, великого критика и утописта.

„Фурье дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским

---

1) Перевод Я. А. Витких под редакцией Д. Рязанова.

остроумием. Он ловит на слове вдохновенных пророков до революционной буржуазии и ее подкупленных льстецов новейшего времени. Он беспощадно раскрывает всю моральную и материальную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с блистательными обещаниями наступления царства разума, цивилизации, несущей счастье всем, и бесконечного совершенствования человеческого рода; он показывает, какая жалкая действительность соответствует напыщенным хвалебным речам современных ему буржуа-идеологов и изливает весь свой сарказм на это окончательное фиаско фразы. Благодаря живости своей натуры, Фурье является не только критиком, но и сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Сильными и меткими штрихами рисует он спекуляторские плутни и мелко-торгашеский дух, овладевший французской торговлей послереволюционного периода".

Но эти отрывки из Фурье имеют не только историческое значение. Мы рекомендуем их авторам восторженных статей о всех преимуществах Нэпа над „военным коммунизмом". В характеристике старых французских Нэпманов, всех этих невинных, почтенных, соблазнительных спекулянтов, в изображении „тактиков", „маневрирующих" или „маневренников", „агитаторов", „фальшивых братьев" они найдут „отголоски современности". Теперь, когда у нас трестов больше, чем печальной памяти главков, иерархия банкротов, начертанная мастерской кистью Фурье, приобретает особый злободневный интерес. Да минует нас поскорее чаша сия!

Д. Рязанов.

* * * * * *

Немцы начинают опошлять и коммунистическое движение. Как всегда и здесь последние и самые бездеятельные они думают наверстать свою медлительность пренебрежением к своим предшественникам и философским апломбом. Едва только коммунизм появился в Германии, его захватывает целая стая спекулятивных голов, которые воображают, что совершили чудеса, облекая тезисы, ставшие уже во Франции и Англии тривиальными, в язык Гегелевской ложки, и преподносят миру эту новую мудрость, как нечто небывалое, как „истинную немецкую теорию", чтобы затем вволю поиздеваться над „плохою практикой" и „вызывающими улыбку" социальными системами ограниченных французов и англичан. Эта всегда готовая немецкая теория имела бесконечное счастье понюхать гегелевской философии истории и быть введенной каким-нибудь высохшим берлинским профессором в схему вечных категорий, затем, быть может, перелистала Фейербаха, несколько немецких коммунистических статей и господина Штейна по вопросу о французском социализме; эта немецкая теория худшего сорта, без всякого труда создала себе французский социализм и коммунизм по господину Штейну, определила ему подчиненное ме-

сто, „преодалела“ его, „подняла“ его на „высшую ступень развития“ всегда готовой „немецкой теории“. Ей, конечно, и в голову не приходит хоть до некоторой степени познакомиться с предметом, подлежащим возведению на высшую ступень, заглянуть в сочинения Фурье, Сен-Симона, Овена и французских коммунистов,—для нее вполне достаточно тощих извлечений господина Штейна, чтобы проикламировать блестящую победу немецкой теории над жалкими потугами иностранцев.

Совершенно необходимо, в противовес этой комической спеси немецкой теории, прочесть немцам хоть раз лекцию обо всем том, чем они обязаны за-границе, с тех пор как занимаются социальными вопросами. Среди всей той напыщенной фразеологии, которая теперь, в немецкой литературе выдается за основные принципы истинного, чистого, немецкого, теоретического коммунизма и социализма, нет ни единой идеи, которая бы выросла на немецкой почве. Что французы или англичане сказали уже на десять, на двадцать, даже на сорок лет раньше,—и сказали очень хорошо, очень ясно, очень красивым языком,—немцы, наконец, теперь узнали урывками, за последний год огегельянили или, в лучшем случае, еще раз открыли и опубликовали, как совершенно новое открытие, в гораздо худшей, более абстрактной форме. Я не делаю исключения для моих собственных работ. Для немцев характерна только скверная, абстрактная, невразумительная, и превратная форма, в которой они выразили эти мысли. И как подобает истым теоретикам, они сочли достойным внимания у французов,—англичан они еще почти совсем не знают,—кроме самых общих принципов, лишь самое плохое и самое абстрактное, схематизацию будущего общества, социальные системы. Лучшую сторону, критику существующего общества, истинную основу главную задачу всякого исследования социальных вопросов, они преспокойно отстранили. Нечего говорить, что эти мудрые теоретики единственного немца, который действительно что то сделал, Вейтлинга, также совсем не поминают или понимают с пренебрежением.

Я хочу прочесть этим мудрым господам маленькую главку из Фурье, которая может им послужить образцом. Правда, Фурье не исходил из гегелевской теории и поэтому, к сожалению, не мог прийти к познанию абсолютной истины и даже абсолютного социализма; правда, этот недостаток привел Фурье к замене абсолютного метода методом серий, к превращению моря в лимонад, к couronns boreale ef anstrale, к анти-льву и совокуплению планет. Но, если даже так, то, я все же предпочту вместе с радостным Фурье поверить во все эти чудеса, чем в абсолютное царство духа, где нет никакого лимонада, в тожество бытия и небытия и совокупление вечных категорий.

Французский взор весел, тогда как немецкий скучен и глубокомыслен. Но зато, Фурье подверг существующие социальные отношения такой блестящий и остроумной критике, что ему охотно прощаешь его космологические фантазии, основанные тоже на гениальном миропонимании.

Сообщаемый здесь отрывок был найден среди литературного наследия Фурье и напечатан в первой книжке издаваемой фурьеристами с начала 1845 г.—„Фаланги". Я опускаю то, что относится к положительной системе Фурье, и то, что, вообще, не представляет интереса, словом—свободно обращаюсь с текстом, что по отношению к заграничным социалистам сплошь представляется необходимым, чтобы их статьи, написанные с определенными целями, сделать удобопонятными публике, которой эти цели чужды. Этот отрывок отнюдь не самое гениальное из того, что принадлежит перу Фурье, и не самое лучшее из того, что он написал о торговле,—и все-таки, ни один немецкий социалист или коммунист, за исключением Вейтлинга, не написал еще чего-либо, что хотя бы даже в самой отдаленной степени могло бы сравняться с этим черновиком.

Чтобы сберечь немецкой публике труд чтения самой „Фаланги", я должен заметить, что этот журнал—чистая денежная спекуляция фурьеристов, и помещенные в нем рукописи Фурье имеют очень различную ценность. Господа фурьеристы, издающие этот орган, онемечившиеся надутые теоретики, заменившие юмор, с которым их учитель разоблачал буржуазный мир, напыщенною, основательною, теоретическою торжественностью, были за то во Франции по заслугам осмеяны, а в Германии их ценят. Их изложение воображаемых успехов фурьеризма в первой книжке „Фаланги" могло бы привести в восторг профессора абсолютного метода.

Я начинаю свое извлечение тезисом, который уже был изложен в „теории четырех движений". Таких повторений в предлагаемом отрывке много, но я постараюсь ограничиться только самыми необходимыми.

I.

...„Мы подходим теперь к самому чувствительному месту цивилизации; неприятная задача—подымать свой голос против глупости, которая в моде, против химер, принявших прямо эпидемический характер.

В настоящее время критикою нелепых сторон торговли можно навлечь на себя анафему совершенно так же, как в двенадцатом веке—критикой тирании пап и баронов. Если бы пришлось выбирать между двумя опасными ролями, то, мне кажется, было бы менее опасно уязвить какого-нибудь самодержавца горькою правдой, чем оскорбить дух меркантилизма, который ныне деспотически царит над цивилизацией и даже над самодержавцами.

И, все таки, даже поверхностный анализ показывает, что наши

коммерческие системы унижают и дезорганизуют цивилизацию, и что в торговле, как и во всех других делах, мы, под руководством сомнительных принципов, все более попадаем в тупик.

Спор о торговле ведется едва полстолетия и породил уже тысячи томов, и, все-таки, инициаторы этого спора не замечали, что механизм торговли так устроен, что резко противоречит всякому здравому смыслу. Он подчинил все общество одному классу паразитических и непроизводительных агентов, купцам. Все существенные классы общества, собственник [1]) крестьянин, ремесленник и даже правительство порабощены несущественным, придаточным классом, купцом; ему следовало бы находиться в их подчинении, быть их ответственным агентом, состоящим у них на службе и отрешаемым от должности, и однако, он, по своему усмотрению, движет и тормозит все пружины обращения.

К другим заблуждениям, не в области торговли, общественное мнение и ученые цехи относятся уже более или менее критически; считается до известной степени общепризнанным, что философские системы являются опасными иллюзиями, что опыт опровергает наши претензии на совершенство, что наши теории свободы не уживаются с цивилизацией, что наши добродетели—социальная комедия, наши законодательства—лабиринты; злободневный вопрос, идеология, вызывает даже шутки. Но коммерческая болтовня, с ее теориями торгового баланса, противовеса, равновесия, гарантии стала алтарем, перед которым все склоняется. Эту иллюзию мы должны уничтожить.

Прежде всего нужно будет доказать, что наши торговые системы, к которым теперь относятся с тупым почитанием, находятся в полном противоречии с истиною, справедливостью, а стало быть и с единством.

Трудно доказать нашему поколению, что именно та операция, которую она считает шедевром всякой премудрости, есть не что иное как лежащая на всей его политике печать невежества. Взглянем лишь на известные уже результаты: морскую монополию, фискальную монополию, рост государственных долгов, ряд банкротов из-за бумажных денег, расцвет мошенничества во всех деловых отношениях. Мы теперь же можем заклеймить механизм свободной торговли, т.-е. свободного обмана, эту истинную промышленную анархию, эту чудовищную общественную силу.

Каким образом происходит, что самый лживый класс социального тела находит вящшую защиту и „апостолов истины?“ Каким образом ученые, проповедующие презрение к низменному богатству, в наши дни прославляют только тот класс, который всеми средствами гонится за богатством, класс биржевых игроков и скупщиков? Раньше философы единогласно осуждали известные корпорации, с гибкою совестью утверждавшие, что „брать“ и „красть“—разные вещи. Каким же образом те самые философы стали теперь защитниками класса, утверждающего, гораздо более бессовестно, что барышничество—не обман, что об'егоривание покупателя не есть обкрадывание, что ажиотаж и скупка ни в коем случае не равнозначны грабежу производительного класса, словом, что следует работать

---

[1]) Не следует забывать, что Фурье не был коммунистом.

Фурье называл существенный признак каждого периода в истории человечества его pivot его средоточием, центральным, узловым пунктом. Ср. „Капитал“—Средства сношений и транспорта такого общества, узловыми пунктами которого, употребляя выражения Фурье, являлись мелкое земледелие с его подсобной домашней промышленностью и городское ремесло и т. д. и т. д. (Д. Р.)

только из-за денег, отнюдь не из-за славы ибо купцы припевают хором: „мы делаем дела не „славы ради!“ Нужно ли удивляться, что новейшие науки сбились с пути, когда они выступили в защиту людей, открыто исповедующих такие принципы.

Торговля имеет различные формы на различных ступенях социальной жизни; будучи ее фокусом, она существует, пока есть вообще на-лицо социальное состояние. Народ становится социальным телом, образует общество с того момента, как начинает обменивать. Поэтому, торговля существует уже при диком состоянии, когда носит форму прямого обмена. При патриархате она получает форму косвенного обращения; в эпоху варварства основу коммерческого метода образуют монополии, максимальные и регламентированные цены принудительные правительственные реквизицию, в цивилизованном обществе—индивидуальная конкуренция и лживая и беспорядочная борьба.

О прямом обмене дикарей, не знающих денег, не приходится много говорить. Одному посчастливилось на охоте, он обменивает штуку дичи на стрелы, заготовленные другим, который не был на охоте и нуждается в продовольствии. Такой процесс еще не торговля, это—обмен.

Второй способ—косвенное обращение, есть торговля в настоящем смысле слова. Она осуществляется посредником, который становится собственником того, что он не произвел и не собирается потребить. Этот метод, как он не плох, сколько не оставляет простора произволу, однако, в высшей степени выгоден в следующих трех случаях:

1) в молодых странах, где существует только земледелие, без промышленности; в таком состоянии находятся сначала все колонии;

2) в бесплодных странах, как напр., в Сибири и в африканских пустынях; купец, который борется с зноем стужей, чтобы доставить в далекие страны нужные предметы, очень полезный человеку;

3) в диких порабощенных странах, где бедуины грабят караваны, вымогают с купца выкуп и часто его убивают,—человек, идущий на встречу таким опасностям, чтобы доставить запасы в отдаленную страну, заслуживает всяческой защиты. Если такой купец разбогатеет, он того заслужил.

В этих случаях, купцы не биржевые игроки, не скупщики; они не перепродают, один спекулянт другому,—предназначенные для потребления предметы. Прибыв в страну, они предлагают их открыто потребителю на базаре или на публичном рынке; они ускоряют промышленное движение. Они хотят заработать—нет ничего более законного в цивилизованном мире; кто посеял, заслужил жатву. Но купцы очень редко довольствуются этою своей функцией; по одиночке или сообща, они интригуют, чтобы тормозить обращение товаров и гнать вверх цены.

Торговля становится вредной с того момента, как посредники, благодаря чрезмерному количеству, становятся паразитами на социальном теле и, по соглашению, прячут товары, повышают их цены под предлогом искусственно вызванного недостатка предложения, словом, обирают одновременно производителя и потребителя с помощью спекулятивных приемов, вместо того, чтобы служить обоим в качестве простого, открытого посредника. Такое открытое посредничество можно еще видеть на наших маленьких рынках в деревнях и городах. Кто покупает сотню телят или баранов, является полезным посредником для двадцати

крестьян, которым в противном случае пришлось бы потерять целые рабочие дни, чтобы доставить их в город на рынок. Когда по прибытии на место, он открыто выставляет на рынке свой скот на продажу, он оказывает этим точно также услугу потребителям; если же он, помощью бог знает каких уловок, входит в стачку с другими „друзьями торговли", чтобы спрятать три четверти баранов, об'явить мясникам, что бараны стали редкостью, что он может снабдить лишь немногих друзей, чтобы, продать их под таким предлогом на половину дороже, вызвать среди покупателей тревогу, затем начать по немногу выводить спрятанных баранов, продавать их, в связи с поднятой раньше тревогой, по вздутым ценам и таким образом собрать потребителей высокий выкуп,—это не будет больше простое обращение, открытая бесхитростная выставка товара, это будет сложное обращение, с его бесконечно разнообразными ухищрениями, порождающее всю массу характерных пороков нашей торговой системы и равносильное правительственной монополии. Если хитростью завладеть всем продуктом, чтобы его удорожить, то такие интриги вызовут больше хищений, чем принудительная монополия.

Я не буду больше останавливатся на методе варварского периода. Он обнимает максимальные ставки, принудительные реквизиции и монополии, которые практикуются сплошь и рядом в цивилизованном обществе. Как я уже говорил в другом месте, различные методы действия отдельных периодов переходят один в другой; поэтому, не следует удивляться, что цивилизация носит отдельные симптомы высших, как и низших ступеней развития. Таким образом, торговый механизм нашей цивилизации представляет амальгаму признаков всех периодов, в которой, однако, преобладают признаки ступеней цивилизации,—а эти последние еще гораздо более отрицательные, чем признак варварского состояния, ибо наша торговля не что иное, как организованное и легитимированное под личиною законности хищническое хозяйство в котором барышники и посредники могут стакнуться, чтобы вызвать искусственное вздорожание новых жизненных припасов и так обобрать производителя, потребителя, чтобы на спех сколотить скандальные пятидесятимиллионные состояния,—еще будут жаловаться, что торговля не пользуется покровительством, что купцы не могут существовать, что не принимаются никакие меры, что государство погибнет, если купец будет доведен до того, что не сможет заработать больше пятидесяти миллионов.

Вместе с тем, новая наука поучает нас, что этим людям следует дать полную свободу. Предоставьте купцам действовать, говорят нам; без этой свободы, тот самый скупщик, который заработал только пятьдесят миллионов, сколотил бы, может быть, всего лишь один какой нибудь миллион, его почтенная семья была бы принуждена ограничиться рентою в пятьдесят тысяч франков.

Боги, отвратите от них такую судьбу!

Презрение к торговле, чувство, присущее всем народам, господствовало у всех наций с установившеюся моральною репутацией; кроме нескольких прибрежных племен барышников, извлекавших пользу из коммерческих вымогательств. Афины, Тир и Карфаген, которые пользовались такого рода выгодами, не могли выражать им презрения; никто не станет осмеивать способы собственного обогащения, менее всего финансист станет издеваться над искусством приписывать в счете нули или забирать у противника деловые документы, ставить свою наличность вне пределив досягаемости, пустив одновременно слух, что ее забрал противник.

На самом деле, как у древних народов, так и в новейшее время, торговля была презираема всеми почтенными классами. Как уважать насквозь мошенническую профессию, как уважать класс людей, которые на каждом шагу обманывают и этим опрятным искусством зарабатывают миллионы, тогда как честный земельный собственник, при всем своем богатом опыте, с трудом и напряжением едва добывает небольшой доход с своего земельного участка.

Однако, за последнее столетие, новая наука, именуемая экономией, вознесла на вершину почестей барышников, биржевиков, скупщиков, ростовщиков и банкротчиков, монополистов и торговых паразитов. Правительства со дня на день все более и более задолженные, непрерывно изыскивающие способы, как бы занять денег, принуждены был замаскировать свое презрение и щадить этот класс меркантилистских пиявок, который держит под запором денежный ящик цивилизации и выкачивает все сокровища земледельческого и промышленного труда, под предлогом их обслуживания. Нельзя отрицать, что торговля обеспечивает транспорт, продовольствование и распределение, но она это делает, как слуга, который производит фактически работу стоимостью 1000 франков в год, и за то крадет у своего хозяина 10.000 франков, в десять крат больше того, что заработал.

Подобно тому, как юный мот втайне презирает еврея, к которому ежедневно бегает, чтобы дать себя обирать, и все же постоянно очень вежливо ему кланяется, так современные правительства заключили с торговлей военное перемирие, полное видимого презрения, причем, однако торговцы устраиваются тем лучше, что умеют смешаться в одну кучу с теми самыми промышленниками, которых обирают. Экономисты приобрели в этом торговом хаосе рассадник новых догм, горнило систем, они опрокинули мораль и отказались от своих мечтаний об истине, чтобы посадить на трон своих любимцев, биржевых игроков и банкротчиков. Все ученые изощрялись наперерыв в самоуничтожении; сперва наука допустила в свой круг этих „друзей торговли“, как себе равных—Вольтер посвятил одну свою трагедию какому-то английскому купцу. В настоящее время биржевики хорошо бы посмеялись над ученым. который бы пожелал посвятит им драму! Ажиотаж снял маску, он не нуждается больше в фимиаме ученых; он хочет тайного,—а скоро потребует оффициального участия в правительстве. И, ведь, мы видели, как на Амиенском конгрессе не могли прийти ни к какому решению, пока не явились два банкира.

Экономические системы, как они не воспевали золотого тельца торговли, не могли, однако, уничтожить инстиктивное презрение, которое к ней питают нации. Она остается в презрении у знати, духовенства, собственника, юриста, ученого, ее презирают художник, солдат и всякий достойный уважения класс. Напрасно она им доказывала бесконечною цепью софизмов, что следует почитать пиявок ажиотажа,—к этому классу авантюристов сохраняется постоянно инстиктивное пренебрежение. Все уступают всепобеждающему догмату, и, однако же, все продолжают в тайне презирать гидру меркантилизма, которая нисколько этим не смущается и шествует путем своих завоеваний.

Каким образом наш век, разоблачивший преступления стольких классов, даже федералистов, просуществовавших какой нибудь месяц в 1815 году, этот век, не пощадивший в своем перечне преступлений ни королей ни пап, не додумался ни разу разоблачить преступления купцов? И все же, писатели в один голос жалуются на недостаток

материала. Чтобы показать им обилие этого материала я подвергну здесь методическому анализу только один из тридцати шести смертных грехов—торговли в цивилизованном обществе. Вот эти тридцать шесть пороков нашей торговли при господстве индивидуальной конкуренции и хаотически—обманной борьбы.

Синоптическая таблица характерных черт торговли в цивилизованном обществе.

Узловые пункты: Посредническая собственность и раздробленность сельского хозяйства:

1) Двусторонность торговли.
2) Произвольное определение стоимости.
3) Свобода обмана.
4) Недостаток солидарности, взаимной связности.
5) Хищение, устранение капиталов.
6) Уменьшение заработной платы.
7) Искусственное закрытие источников снабжения.
8) Разорительный избыток.
9) Злонамеренное вмешательство
10) Разрушительная политика.
11) Застой или всеобщее отсутствие кредита. (реакция, обратное отражение)
12) Фиктивные деньги.
13) Финансовый хаос.
14) Эпидемические преступления.
15) Обскурантизм.
16) Паразитизм.
17) Скупка.
18) Ажиотаж,
19) Ростовщичество.
20) Бесплодный труд.
21) Промышленные лоттереи (азартные спекуляции).
22) Косвенные корпоротивные монополии.
23) Фискальная монополия, вынужденная подделками государственных предприятий.
24) Экзотическая или колониальная монополия.
25) Морская монополия.
26) Феодальная, кастовая монополия.
27) Беспричинная провокация.
28) Убыток.
29) Подделка.
30) Разрушение здоровья.
31) Банкротство.
32) Контрабанда
33) Морской разбой.
34) Максимальные цены и реквизиции.
35) Спекулятивное рабство.
36) Всеобщий эгоизм.

Из этих тридцати шести особенностей мы рассмотрим подробно только одну, банкротство; предварительно я скажу еще несколько слов о некоторых других.

II.

Ложность экономических принципов.

Касательно обращения (доказывается на примере трех особенностей таблицы № 7, 8 12: искусственное закрытие источников снабжения, разорительный избыток, фиктивные деньги.)

Наш век, столь плодовитый теориями промышленного движения все еще не умеет отличать обращение от переполнения. Он смешивает непрерывное обращение с прерывистым, простое со сложным. Оставим, впрочем, эти сухие различения; пусть говорят факты, пусть они послужат нам основою для установления принципов, прямо противоположных принципам экономии.

Правительства, как и народы, согласны в том, что следует наказывать смертью подделывателей как денег, так и государственных бумаг. Осуждают на смертную казнь подделывателей банкнотов и кредитных билетов. Очень мудрая мера предосторожности. Но почему торговля пользуется этим правом подделки, за которую другие люди попадают на виселицу?

Каждый выставленный купцом вексель таит в себе зародыш подделки, так как совершенно неизвестно, будет-ли он когда-нибудь оплачен. Всякий, кто спекулирует на свою будущую несостоятельность, наводняет обращение своими векселями по которым и не думает когда-либо платить. Этим он фактически сфабриковал и распространил фальшивые деньги.

Могут возразить, что всякий иной пользуется тою же привилегией, что и собственник, подобно купцу, может пускать в обращение векселя?

Это неверно. Собственник этого не может. Право есть только иллюзия если его нельзя осуществлять, пример—конституционное право народа на суверенитет, пышная прерогатива, при которой плебей даже не в состоянии пообедать, когда у него в кармане ни одного су. И, ведь, очень далеко от притязания на народовластие до претензии на обед. Многие права существуют, таким же точно образом, на бумаге, но не в действительности, и их предоставление является насмешкою над тем, кто не может даже обеспечить за собою права во сто крат меньшего значения.

Точно так же обстоит дело у собственника с выпуском векселей. Он имеет право выставлять векселя, как плебей—требовать суверенитета; но владеть правом, и осуществлять его—две очень различные вещи. Никто не примет у собственника векселя без обеспечения, к нему отнесутся, как к фальшивомонетчику. Потребуют закладной на совершенно свободную от долгов недвижимость, да в придачу еще ростовщических процентов. Такою ценою его векселя были бы помещены, при таком покрытии они стали бы деньгами с действительною стоимостью, а не фальшивыми деньгами, как векселя торгаша, который в силу своего титула „друга торговли", находит пути пустить в обращение „хороших" векселей на миллион, не имея за душой, в качестве гарантии за этот миллион, и сотой его части, каких-нибудь 10.000 франков.

Как ловко дают себя надувать правительства, гарантируя купцу такую способность, на которую сами не претендуют. Купец, владея обеспечением в десять тысяч франков, выпускает векселей на целый миллион, в любой момент он получает на это право и уполномочие он имеет право, пустить в оборот эту массу бумаг, и закон не вправе исследовать, как он помещает свой капитал, каким обеспечением располагает. Фиск, представляющий, по моему, десятимиллионную гарантию, имел бы в такой пропорции право на выпуск бумаг на один миллиард. Но если какое-нибудь правительство попытается так поступить, не справившись с общественным мнением, не сделав мотивированного представления, оно разрушит свой кредит, оно под-

вергнет свою страну политическим смутам; и, всетаки, оно бы сделало только то же самое, использовало бы ту же привиллегию, которою злоупотребляет так много интриганов, зачастую не представляющих и сотой доли этих гарантий и совершенно не умеющих справиться с своими делами.

Скажут, что эти интриганы умеют уговорить дураков втереться в их доверие; этим самым выводится в коммерческий принцип, что искусство одурачивать добродушных и доверчивых людей заслуживает всяческой защиты, при чем эта защита должна быть ограничена купцами и не распространяется на правительство. Я не утверждаю, что это благородное искусство должно быть предоставлено обоим, наоборот, что его следует запретить и купцам, не только правителям.

Из сказанного следует, что купец имеет возможность выпускать фиктивные деньги в форме векселей, (двенадцатая особенность), преступление равнозначное подделке монеты, за что мошенники других классов идут на виселицу,—и что торговая система цивилизованного общества узаконяет и защищает соревнование в обмане (третья особенность).

На обвинение в подделке и на другие пункты обвинения возразят, что купцы необходимы для реализации обращения и что дела станут невозможны, если связать агентов; что государство разрушит тогда государственный кредит и поставит на карту всю свою промышленность.

Совершенно верно, что торговля имеет свойство сильнее зажимать нас в колодки, когда социальное тело начинает обнаруживать признаки сопротивления. Как административная мера стесняет махинации торговли, так и обратно, она ограничивает кредит, парализует обращение, и государство, желавшее устранить старый недуг, в конечном счете присоединяет к нему новые. Это влияние обозначено в таблице названием „обратного отражения“ (одинадцатая особенность.)

Ссылаются на эту опасность, чтобы утвердить принцип: предоставьте поле действия купцам, их полная свобода обеспечивает обращение. В высшей степени ложный принцип, ибо именно эта полная свобода порождает все столь вредные для обращения махинации ажиотаж, скупку, банкротство и т. п., откуда вытекают две дальнейшие особенности.

7) Искусственное закрытие источников снабжения,

8) Разорительный избыток.

Посмотрим, какое влияние имеют обе эти особенности на обращение.

Торговля не довольствуется тем, чтобы передать товары из рук производителя в руки потребителя, она интригует посредством скупки и биржевой спекуляции, чтобы вызвать искусственное вздорожание тех жизненных припасов, которые в данный момент не в большом изобилии. В 1807 г. биржевой маневр повысил внезапно в мае месяце цену сахара на пять франков, а в июле тот же сахар упал до двух франков, хотя никакого нового привоза не было. Не ажиотажу был противопоставлен ложный слух, и таким путем сахар был низведен к действительной своей стоимости; интриги и искусственная паника, будто не будет больше подвоза, были устранены. Такие интриги и искусственная паника ведут ежедневно свою игру с каким-нибудь предметом продовольствия и достигают своей цели, при чем редко существует действительный недостаток. В 1812 г., когда жатва была обеспечена, и скупщики были обмануты в своих на-

деждах, из амбаров потекли огромные количества зерна и муки. Значит никакого недостатка не было и не было абсолютно никакой опасности голода, лишь бы только эти жизненные припасы были разумно распределены. Но торговля имеет свойство, еще до наступления опасности, в предвидении ее возможности, отводить подвоз, застопоривать обращение, создавать панику и искусственную нужду.

То же влияние имеет место и в случае избытка, когда торговля тормозит подвоз, из искусственно раздуваемого страха перед избытком. В первом случае, она действует положительно, скупкою и задержкою жизненных припасов; во втором случае, она действует отрицательно, не скупая и понижая цены настолько, что крестьянин даже не может вернуть себе своих издержек производства. Отсюда вытекает восьмая особенность, разорительный избыток.

Торговля отвечает, что ей не зачем покупать, раз не предвидится прибыли, и, что, она не настолько безумна, чтобы перегрузить себя хлебом, когда не представляется абсолютно никакой вероятности надбавки на цену, тогда как она может с гораздо большею пользой вложить свои капиталы в такие товары, скупкою которых легче сократить предложение и увеличить прибыль.

Не правда ли, удобные и приятные принципы в социальной системе, где говорят только о взаимных гарантиях? Итак, торговля, когда ей только заблагорассудится, освобождается от обязанности служить общественному организму. Похоже на то, как если-бы армии было позволено уклоняться от боя в момент опасности и нести службу, считаясь только со своими интересами, а не с интересами государства. Такова политика меркантилизма, так односторонне она определяет все обязательства.

В 1820 г. в разных провинциях, где цена в 4 франка покрывает только издержки, хлеб упал ниже трех франков. Этого бы не случилось, если бы французская торговля, как бы следовало при системе взаимности, приспособляющейся к интересам обоих сторон, заранее закупала шестимесячное продовольствие на 30 мил. населения. Эта резервная масса, извлеченная из обращения и запертая в амбарах, поддержала бы цену остального продукта, и крестьянин не был бы разорен обесценением своих припасов и невозможностью их продать. Но наша торговая система действует как раз наоборот; она усиливает гнет от избытка и ужаса голода и, таким образом, действует разрушительно в обоих направлениях.

Я избрал восьмую особенность, разорительный избыток, чтобы показать, что существующий метод торговли таит в себе отрицательные, как и положительные пороки, и что он часто грешит невмешательством, не оказанием легко для него возможной услуги. Ибо, когда во время голода нужны 500 миллионов для закупки хлеба, то они сейчас же оказываются на-лицо; если же эта сумма нужна для принятия мер предосторожности, для наполнения амбаров во избежание избытка, то не найдется и пятисот франков, нет ни взаимности, ни гарантии в договоре заключенном между социальным организмом и торговым. Торговый организм служит только своим собственным интересам общества, и поэтому выходит, что многочисленные применяемые им капиталы похищены у промышленности, взятой в целом. Это хищение я назвал в таблице (особенность пятая): „устранение капиталов".

Таким образом, на обоих полюсах торговли не существует ни малейших обязательств к социальному организму, который связан по рукам и ногам, отдан на произвол молоху и гарантирует ему дей-

ствительную власть над капиталами и жизненными припасами. Да, деспотическую власть,—столько ораторствовали против деспотизма и до сих пор не открыли действительного деспотизма, а именно **деспотизма торговли**, этого истинного сатрапа цивилизованного мира.

Из всего сказанного следует, что механизм цивилизации обеспечивает купцам полную безнаказанность за преступление подделки, наказываемое у других классов смертью,—и что эта безнаказанность мотивируется помощью, которую они, будто оказывают обращению; на самом деле, однако, они ему в этой услуге отказывают, в положительном смысле—искусственным закрытием источников снабжения, в отрицательном—разорительным избытком.

К этим ложным результатам присоединяется еще отсутствие всяких принципов. Экономисты признаются, что их наука не имеет абсолютно никаких определенных принципов. И это, во-истину, верх беспринципности—предоставить классу столь развращенных агентов, каковы купцы, полную свободу.

В результате всего этого получается, что коммерческое движение протекает толчками, судорожно, с неожиданностями и всякого рода эксцессами, как это можно ежедневно наблюдать в современном торговом механизме, который дает лишь прерывистое обращение, лишенное правильных переходов, равновесия и гарантии. Замечательный результат такого беспорядка заключается в том, что народ решается упрекать правительство в финансовых злоупотреблениях, которых никогда не осмеливается ставить в вину торговли. Пример—оба банкротства банкнот Ло и ассигнатов. Это не были внезапные несостоятельности, их приближение чувствовалось давно; можно было от них спастись своевременной частичной жертвой. Несмотря на это смягчающее обстоятельство, публика не дала пощады. Она справедливо об'явила билеты Ло и ассигнаты фальшивыми деньгами, вооруженным грабежом.

Но почему та же публика добродушно терпит со стороны купцов такой же выпуск фальшивых денег, которого не прощает правительствам даже тогда, когда последние достаточно осторожны, чтобы подготовить к банкротству медленным обесценением, дающим владельцам бумаг возможность избежать краха? Такая возможность не существует для владельцев торговых бумаг. Банкротство постигает их, как удар грома. Человек засыпает сегодня с тремя стами тысяч франков и просыпается завтра всего со ста тысячами, из за несостоятельности. Национальный конвент подражал этому маневру в операции консолидирования трети номинальной стоимости ассигнатов; ему неустанно ставилось это в укор, как вполне доказанное воровство. И однако любому купцу представляют право совершать еще более разорительные хищения и, при об'явлении несостоятельности, украсть две трети того, что он получил, между тем как конвент не заплатил две третих сумм, никогда им не полученных. Сколь возмутительны становятся преступления торговли, если сравнить их с прочими, даже величайшими политическими мерзостями.

Дальнейший разбор покажет, что современная политика, предоставив торговлю купцам, совершенно свободным от всяких обязательств, тем самым пустила волка в овчарню и провоцировала всякого рода разбой.

Перейдем теперь к банкротству, чтобы описать его несколько подробнее.

III.

Иерархия банкротства.

Когда преступление становится очень частым, к нему привыкают и становятся равнодушными зрителями его. В Италии или Испании смотрят очень хладнокровно, как убийца поражает кинжалом намеченную жертву и спасается в церковь, где находит безнаказанность. В Италии родители калечат своих детей, чтобы усовершенствовать их голос, и служители „бога мира" поощряют эту жестокость, чтобы получить хороших церковных певчих. Такие мерзости вызвали бы возмущение у всякой другой цивилизованной нации,—зато в ее среде существуют другие возмутительные обычаи, от которых у итальянца закипела бы кровь.

Если в пределах цивилизаций у разных наций такие различные обычаи и мнения, то как должны они различаться у народов, принадлежащих разным социальным эпохам, какими отвратительными должны будут показаться на высших социальных ступенях пороки, терпимые в цивилизованном обществе! Люди не поверят, что в странах считающих себя благоустроенными, могли терпеть, хотя бы на один момент, такие мерзости, как банкротство.

Банкротство представляет собой самое утонченное и бесстыдное мошенничество, какое когда-либо существовало: оно обеспечивает каждому купцу возможность нагреть публику на определенную сумму, соответствующую его состоянию или кредиту, так что всякий богатый человек может сказать: „в 1808 году я об'являю себя купцом; к такому то дню 1810 года я хочу заполучить в свое распоряжение столько то чужих миллионов".

Оставим в стороне новый французский кодекс и его попытку преследовать банкротство по суду. Так как мнения об успехе этой попытки расходятся, и уже указывают пути обхода новых законов, то предоставим практике решение этого вопроса, и пока положим в основу нашего рассуждения известные до настоящего времени факты; рассмотрим непорядки, являющиеся последствием философской системы и принципа: предоставьте купцам полную свободу, не требуя никакой гарантии за умелость, добросовестность и платежеспособность каждого отдельного купца.

Отсюда проистекает, на ряду с другими злоупотреблениями, банкротство, т.-е. грабеж хуже уличного. Однако, к нему привыкли и так хорошо его терпят, что даже признают еще **честные банкротства**,—такие, при которых спекулянт крадет только половину.

Перейдем к детальному изображению этого малоизвестного у древних геройства. Оно с тех пор получило блестящее развитие. Оно даст аналитикам ряд стадий развития, свидетельствующих о прогрессе нашей способности к совершенствованию.

Иерархия банкротства. 31-ая особенность. Преступления торговли. Свободная серия в трех отрядах, девяти родах, тридцати шести видах. Правая или восходящая ветвь. Легкие разновидности.

I) Невинные.

1) Детское банкротство.
2) Отчаянное банкротство.
3) Замаскированное банкротство.
4) Посмертное банкротство.

II) Почтенные.

5) Простецкое банкротство.
6) Сумасбродное банкротство.
7) Беспринципное банкротство.

III) Соблазнительные.

8) Милое банкротство.
9) Банкрот хорошего тона.
10) Галантное банкротство.
11) Банкротство из благоволения.
12) Сентиментальное банкротство.

Центр серии. Грандиозные разновидности.

IV) Тактики.

13) Жирное банкротство.
14) Космополитическое банкротство
15) Многообещающее банкротство.
16) Трансцендентное банкротство.
17) Постепенное банкротство.

V) Маневрирующие.

18) Банкротство беглым огнем.
19) Банкротство сомкнутой колонной.
20) Банкротство походным маршем.
21) Банкротство рассыпным строем.

VI) Агитаторы.

22) Банкротство в большом стиле.
23) Размашистое банкротство.
24) Банкротство à la Attила.

Левая или нисходящая ветвь. Грязные разновидности.

VII) Коварные плуты.

25) Банкротство с целью обеспечения.
26) Банкротство вне ряда.
27) Банкротство crescendo (возрастающим темпом)
28) Ханжеское банкротство

VIII) Мелюзга.

29) Банкротство фантазеров.
30) Банкротство инвалидов.
31) Азартное банкротство.
32) Свинское банкротство.

IX) Фальшивые братья.

33) Мошенническое банкротство.
34) Злостное банкротство.
35) Банкротство на утек.
36) Комическое банкротство.

IV.

Восходящая ветвь банкротов.

Выступить, в очень развращенный и низменный век, против привычных пороков, напр., против банкротства, в тоне школьного учителя, значило бы выставить себя на всеобщее осмеяние. Гораздо разумнее будет настроиться в господствующем тоне и рассматривать социальные преступления с забавной их стороны. Итак, я докажу, что банкротство еще гораздо более потешное мошенничество, чем полагают его приспешники и защитники, которые в его меркантилистских грабежах видят лишь милые пустячки.

Все на свете относительно в пороках и добродетелях. И разбойники имеют свои понятия о справедливости и чести. Не следует, поэтому удивляться, что банкроты имеют свои принципы и различаются по степени негодяйства, что я и положил в основу своей таблицы. По привычному правилу, я подразделил ее на три отдела, из коих первый заключает в себе легкие, грациозные оттенки, второй—внушительные, возвышенные характеры, третий—посредственные, низменные разновидности. Откроем обозрение с правого крыла.

Невинные.

1) Детское банкротство—это банкротство желторотого юнца, который дебютирует в своей карьере и необдуманно, без подготовительной тактики выкидывает коленце, об'являет себя несостоятельным должником. Нотариус быстро приводит дело в порядок. Он изображает его, как юношескую глупость, и говорит: „юность расчитывает на вашу снисходительность, господа кредиторы". Досадная история разрешается всеобщим весельем, несостоятельности таких юнцов всегда разнообразятся забавными инцидентами: одураченные ростовщики, мистифицированные скряги и т. д.

Несостоятельность этого рода изобилует всякими мошенничествами; упрятывание товара, скандальные займы, обкрадывание родных, соседей, все смывается предстательством какого-нибудь кума, который заявляет обозленным кредиторам: „чего вы хотите, это ребенок, не имеющий понятия о деле, приходится смотреть сквозь пальцы, со временем он еще станет на ноги".

Детские банкроты имеют на своей стороне большую поддержку—насмешку. В торговом деле много зубоскальства. Публика гораздо более склонна высмеять одураченных, чем осуждать мошенников, и если несостоятельный должник имеет на своей стороне насмешников, то он может быть уверен, что большинство его кредиторов сдадутся, и буря разрешится благополучно.

2) Отчаянное банкротство—свойственное некоторым начинающим людям, закусившим удила, хозяйствующим и спекулирующим сломя голову; они тратят громадные деньги, разыгрывают большого барина, чтобы добиться натиском временного кредита, который они обеспечивают за собой маленькими тайными даяниями. Раз кинувшись в спекуляцию, они делают промах за промахом и заканчивают обычно крахом. Дело извиняют, как грязную пачкотню, и оно легко устраивается, так как дает пищу насмешке, как в первом случае.

Такие сорви-головы во Франции попадаются очень часто и получают здесь почетный титул спекулянтов. Они ведут очень верную игру, настолько ускоряя развязку, что выкидывают свое коленце в

тот момент, когда окружающие полагали, что они только начинают входить в азарт, когда всякий дает им кредит на первое дело и про себя думает: „не кувырнется же он в первый же год, с места в карьер“.

3) Замаскированное банкротство, под сурдинку, такое при котором находящийся в затруднении должник предлагает „маленькое регулирование“, скидку в 25% или покрытие товарами, расцененными на 25% слишком высоко. Посредник раз'ясняет кредиторам, что это для них очень выгодно, ибо если теснить имярека и довести его до об'явления несостоятельности, то это пахнет потерею минимум в 50%.

В торговле очень принято опираться на такого рода проблематические расчеты. На каждом шагу попадаются мошенники, обокравшие вас на 30% и потом доказывающие вам, что вы заработали массу денег, так как они не накрыли вас на целых 50%. Другие утверждают, что терпят тяжелые убытки, так как зарабатывают на вас не более 40%, а на самом деле следовало заработать 60%. Такая смешная манера считать – в торговле общепринята; полного успеха она достигает в таком банкротстве под сурдинку. Доказывают, что эта маленькая скидка в 25%—чистая прибыль по сравнению с теми 50%, которых бы стоило банкротство. Потрясенные силою аргументации, кредиторы соглашаются на „маленькое регулирование“. Кому причиталось 4000 франков, получает 3000, при этом говорится, что это не имеет ничего общего с несостоятельностью.

4) Посмертное банкротство, которое об'является после смерти героя; им пользуются для защиты памяти покойника: „он надеялся, дескать, опять привести в порядок свои дела, и вне всякого сомнения, почтил бы вас полною оплатою, если бы остался жив“. Затем начинают славославить его отменные качества, сердечно оплакивают его бедных сирот. Не захотят же кредиторы беспокоить неутешную вдову! Особливо, если она красива, это было бы окончательное варварство! Тем временем вдовица, при помощи нескольких доверенных лиц, произвела перед опечатанием изрядную утайку. Недочеты приписываются вине покойника, не имевшего—де времени привести дела в порядок, благо он не вернется, чтобы разоблачить это дельце. Если было 25% дефицита, его умеют довести до 50%, было бы нелепостью ограничиться 25%, пока 50%-ные несостоятельности считаются еще приличными,—особенно если эта вина почтеннейшего покойника, компрометировать память которого было бы отвратительно.

Почтенные.

Описанные четыре вида принадлежат к разряду фиктивной невинности. Теперь мы выпустим на сцену действительную невинность. Было бы несправедливо заклеймить всю массу несостоятельных должников за, то что девять десятых из них негодяи. Я приведу сейчас три класса, которые можно действительно оправдать. У нас впереди еще очень много виновных; поищем, поэтому, с самого начало хоть несколько честных людей среди этой братьи, которая со времен революции так размножилась, что в некоторых городах уже не спрашивают, кто обанкротился, а кто не обанкротился.

5) Простецкое банкротство постигает несчастного должника, который не крадет ни гроша, все отдает кредиторам и без всякого обмана сдается на их милость или не милость. Остальные банкроты насмехаются над ним и считают его простофилей, не умею-

щим выйти сухим из воды; и в самом деле, такой лойяльный человек недостоин нашего века непрерывного совершенствования.

Сумасбродное банкротство об'являет тот, кто в отчаянии, считает себя обесчещенным и иногда стреляется или кидается в воду. Это человек, который отнюдь не на высоте положения,—честный человек в девятнадцатом веке, да еще в торговом деле!

Во всяком случае, я считаю своею прямою обязанностью сказать, что такие люди в области торговли еще попадаются, правда—очень редко, rari nantes in gurgite vosto [1]. Всякий им предсказывает их судьбу,—на столько известно, что из девяти мошенников, броющихся на торговлю, все девять находят свое счастье, между тем как из десяти честных людей девять разоряются.

7) Беспринципное банкротство об'являет простофиля, который допускает вмешательство юстиции, постановления, опозоривающие его и отнимающие до последней копейки, вместо того, чтобы устроиться подобно большинству ловких людей, умеющих выйти из такого затруднительного положения с честью и выгодой.—Эти три добровольных рыцаря так недостойны всей честной братии, что я спешу их покинуть. Перейдем к ассортименту, более достойному внимания знатока.

Соблазнительные.

Почему бы не давать банкротам вводить себя в соблазн, подобно тому, как распространяют соблазны другие порочные классы? Мы рассмотрим сейчас котегорию, полную всяких прелестей и созданную для покорения всех сердец.

8) Милое банкротство устраивает сладкий как мед, господинчик, который желает только добра своим кредиторам и был бы в отчаянии ввести их в расходы; он убеждает их согласиться на 50%, чтобы избежать вмешательства юстиции, которая поглотила бы все. Он божится и клянется, что относится к ним как к друзьям, интересы которых ему дороже всего. Проникнутый благодарностью за оказанные ему дружеские услуги, он дрожит при мысли причинить им судебные издержки. Одни дают себя соблазнить гладкими словами и иными подводами; а другие уступают из боязни перед всепоглощающей юстицией.

9) Банкротство хорошего тона проводится людьми, принятыми в лучшем обществе, которые до последнего момента содержат свой дом на отличной ноге. Это люди вполне comme il fout, у них много протекций, и если они дадут 60%, то легко получают согласие; особенно, если хозяйку и дочек дома можно пустить в ход как просительниц, в особо важных случаях—в очень прозрачном корсаже.

10) Галантное банкротство устраивают красивые женщины; неприлично жаловаться на это, прекрасный пол требует своей дани. Красивая женщина имеет свое дело, становится несостоятельным должником, обкрадывает вас на тысячу франков, и если вы ее шокируете, то это доказывает лишь, что у вас нет savoir vivre, она вправе жаловаться на строптивых. Я однажды слышал, как одна из таких дам отзывалась о своем кредиторе: „Что за человек! Говорят, что он еще ворчит; право, я бы ему посоветовала пожалеть о своих пятидесяти луидорах, мне следовало нагреть его вдвое!“ У него с этой дамой были маленькие интимности, и она была вправе третировать его, как неблагодарного.

11) Банкрот из благоволения; здесь идет речь о том, что-

[1] „Редкие пловцы в безбрежной пучине“.

бы дать заработать кредиторам; как же это происходит? Несостоятельный должник ограничивается скромным грабежом, всего 40%, а на остальную сумму дает в обеспечение очень солидный залог. Это такое счастье, что нотариус поздравляет собравшихся кредиторов с великолепным гешефтом, с „истинным подарком“ фортуны. На десять тысяч франков потерять только четыре и шесть тысяч получить обратно, это настоящая прибыль. Кто не привык к торговле, не умел бы оценить это счастье; он требовал бы свои десять тысяч франков полностью и думал бы, что его обокрали на четыре тысячи. Что за неприличные манеры! Утверждать, что человек вас обкрадывает, когда он берет с вас учет в 40% и поступает с вами во всем остальном, как друг!

12) Сентиментальное банкротство случается у людей известного сорта, которые своими речами трогают вас до глубины сердца и обливают кредитора такими потоками благородных чувств и добродетели, что он был бы варваром, если бы не сдался моментально, не почел бы счастливым оказать услугу таким славным людям, которые нежно любят всех тех, чьи деньги пускают по ветру. Эти люди платят великолепными аргументами и самыми лестными похвалами, они действуют на чувство кредитора, занимают его разговорами только об его и своих добродетелях; к концу беседы чувствуешь в себе массу добродетелей, которые с избытком покрывают похищенную сумму. Если у вас стало на несколько тысяч франков меньше, зато добродетелей прибавилось на много больше, бесспорная прибыль для прекрасных душ.

Один из таких артистов сказал мне однажды—„мне было очень жаль господ N. N. и V. V., это очень славные, очень почтенные люди“—и, милый мальчик, в доказательство своего уважения, он их обокрал, с места в карьер, при первом же деле, помощью преподнесенного им векселя. Через месяц он об'явил несостоятельность. Какая была для этих господ радость,—получить его уважение, как покрытие за свои десять тысяч франков!

Я сдержал свое слово; я обещал соблазнительное общество. Мы видели только дружеские отношения, благосклонность, хороший тон и нежные чувства у всех банкротов этой истинно милой галлереи. Но если эти люди созданы покорять сердца, то другие вызовут восхищение, дадут пример блестящих порывов, возвышенных характеров, дадут образ героев своей группы.

Центр. Грандиозные разновидности.

Мы переходим теперь к великим достижениям духа торговли, к грандиозным операциям, знаменующим прогресс века – возрождения и непрерывного совершенствования. Банкрот развернет здесь все свое мастерство и будет действовать по далеко вперед рассчитанным планам, разбор которых докажет мудрость принципа: „дайте купцам действовать, предоставьте им полную свободу в их возвышенных концепциях обмана и грабежа.“

Тактики.

13) Жирное банкротство свойственно спекулянтам высокого полета, обладающим гением торговли. Банкир Дорант имеет два миллиона и хочет возможно скорее какими-либо средствами сколотить состояние от четырех до пяти миллионов. На указанный свой капитал он получает восьмимиллионный кредит в векселях, товарах и пр. и может, следовательно, играть на десятимиллионный фонд. Он бросается на

крупную спекуляцию, на игру товарами и государственными бумагами. Быть может, он к концу года потерял два свои миллиона, вместо того чтобы удвоить—их; вы считаете, что он разорился,—ничуть не бывало, он дополучит, все равно эти четыре миллиона, как если бы дела его шли хорошо; ведь у него остаются те восемь миллионов, которые он заполучил, и с помощью „честного" банкрота он устраивается так, чтобы выплатить половину их в несколько лет. Так и выходит, что, потеряв два своих собственных миллиона, он оказывается владельцем похищенных у публики четырех миллионов. Какая прекрасная вещь, эта свобода торговли! Теперь вы поняли, почему приходится ежедневно слышать о купце: „со времени его банкротства, дела его очень хороши?"

Еще один шанс для банкрота: Дорант, после утайки четырех миллионов, сохраняет вполне свою честь и общественное уважение, не как счастливый мошенник, а как несчастный купец. Раз'ясним это.

Дорант завоевал уже общественное мнение, когда обдумывал свое банкротство; его городские празднества, его поездки за город доставляли ему горячих приверженцев; золотая молодежь за него; красавицы соболезнуют его несчастью—несчастье в наши дни синоним банкротства; расхваливают его благородный характер, достойный лучшей участи. Послушать его апологетов, может показаться, что банкрот хуже пострадал, чем те, чье состояние он растратил. Вся вина сваливается на политические события, тяжелые условия и прочий словесный арсенал, на который нотариусы такие мастера, чтобы сдержать атаку разгневанных кредиторов. После первого штурма, Дорант пускает в ход несколько посредников, рассовывает своевременно некоторую сумму денег, и скоро общественное мнение так обработано, что всякого, кто бы выступил против Доранта, об'являют канибалом. К тому же, те, кому он причинил наибольшие убытки, находятся на расстоянии ста или двух сот миль, в Гамбурге и Амстердаме; они своевременем успокоятся, да они и не играют важной роли, их отдаленный ропот не влияет на общественное мнение Парижа. Кроме того Дорант растратил лишь половину их денег, а обычай установил, что тот кто уворовал только половину, больше несчастен, чем виновен; таким образом, Дорант с первого момента очищен в общественном мнении. Через месяц общественное внимание отвлечено другими банкротствами, более сенсационными, при которых улетает в трубу от двух третей до трех четвертей. Новый ореол для Доранта, который растратил только половину; к тому же, это уже старая забытая история. Уже дом Доранта начинает вновь по немножку открываться для публики, его товар вновь достигает былого своего господства над душевным состоянием публики, и незамеченным замирает крик некоторых желчных кредиторов, которые не сочувствуют несчастью и не умеют считаться с хорошим обществом.

Так заканчивается меньше, чем в шесть месяцев, операция, при помощи которой Дорант и ему подобные похищают у публики миллионы разоряют семьи, состояния которых имеют в своих руках, и ввергают честных купцов в несостоятельность, приравнивающую их к мошенникам. Банкротство есть единственно социальное преступление, распространяющееся эпидемически и покрывающее честного человека таким же позором, что и мошенника. Честный купец, затронутый несостоятельностью двадцати негодяев, бывает, сам, в конце-концов, принужден приостановить свои платежи.

Отсюда проистекает, что банкроты-мошенники, т.-е. девять десятых всей братии, выдают себя за честных людей, с которыми приклю-

чилось несчастье, и кричат хором, что больше заслуживают сожаления, чем порицания. Послушать их это все маленькие святые, совсем как каторжные на галерах, которые все утверждают, что ничего злого не сделали.

В противовес сказанному, приверженцы свободной торговли будут говорить о репрессивных законах, о трибуналах; да в самом деле! Трибуналы для людей, похищающих в один присест несколько миллионов! Впрочем, пословица, что мелких воров вешают, а крупных отпускают, к торговле не приложима, так как даже самый мелкий банкрот под защитой купцов спасается от суда.

14) Космополитическое банкротство. Это комбинация коммерческого духа с философским. Банкрот становится настоящим космополитом, когда использовав одно государство, устраивает банкрот в нескольких других подряд. Это верная спекуляция.

По прибытии в новую страну, человека не знают, в случае надобности, он меняет фамилию, как это делают евреи, и, благодаря собранным на предыдущей несостоятельности капиталам, получает сейчас же кредит. Современной политике принадлежит блестящая идея предоставить общее управление продуктами промышленности людям, не скованным со своим отечеством какою-нибудь прочною связью, крупным земельным владением; как космополиты, они могут спекулировать на полдюжины дальнейших банкротов подряд, в Париже, Лондоне, Гамбурге, Триэсте, Неаполе и Кадиксе. Этого рода банкротство, в фокусе которого находится космополит, я изображу в параграфе о беглом огне.

15) Многообещающее банкротство—оно появилось, собственно говоря, только со времени революции и существует едва полстолетия. Прежде молодые люди не дебютировали так рано в торговле, они никогда не становились шефами моложе тридцати лет. Теперь в восемнадцать лет они уже стоят во главе торгового дома и в двадцать лет могут уже проделать новое банкротство, которое дает право на большие надежды в будущем. Есть такие, которые до тридцати лет провели уже три несостоятельности и не один раз с'ели деньги своих доверителей. Про них говорят: „Он очень молод для такой славы, но мы живем в век молодых людей".

16) Трансцендентное банкротство требует обширного плана, головокружительного полета, конторы с тридцатью или сорока служащими, многочисленных кораблей, колоссальных связей во всех странах; затем наступает внезапный крах, ужасное крушение, толчки которого отдаются во все четыре страны света, и хаос ликвидаций, около которых деловые люди кормятся десяток лет. Эта операция, в которой гений меркантилизма развертывается в полном своем блеске; она должна дать потерю по крайней мере на три четверти, так как на этой грандиозной картине все должно быть в большом масштабе.

17) Постепенное банкротство. При мудром ведении своей операции, спекулянт может дойти до семи-восьми следующих одна за другой несостоятельностей. В этом случае он должен повести дело совершенно иначе, чем когда рассчитывает на одно или два банкротства.

Принципы должны быть следующие:

1) При первой несостоятельности грабить умеренно. Довольно пятидесяти процентов, не следует с самого начала озлоблять людей, а то второе банкротство выйдет слишком затруднительным, если дискредитировать себя при первом опыте черезмерною жадностью.

2) При втором банкротстве лишь очень мало, не больше 30%,

чтобы доказать, что несостоятельный должник развился, что он оперирует уже искуснее и осторожнее, и что, когда он оправится от второго удара, он будет законченный купец, достойный „друг торговли".

3) При третьей несостоятельности грабить во всю, по крайней мере 80%, оправдывая себя тем, что это не обыкновенный дефицит, а вызванный исключительным стечением обстоятельств; провести его с помощью нескольких критических временных обязательств, подчеркнуть свое хорошее поведение при втором банкротстве, чтобы убедить, что вся вина во внешних условиях.

4) При четвертом банкротстве грабить только 50%, чтобы доказать свою осторожность и свое уменье держаться в должных границах, когда обстоятельства не вынуждают нарушить их.

5) При пятой несостоятельности можно уже дойти до 60%, потому что публика привыкла; 10% больше или меньше не портят подобной спекуляции, общественное мнение уже приучено и знает, что человек, проделавший четыре краха, проведет и пятый и шестой. Я знавал одного такого молодца, над которым после четвертой несостоятельности потешались, что он носит аббатскую шапку в знак набожности и добрых нравов; он этим не смущался и подготовлял пятое банкротство.

Пятое и шестое банкротство предоставляются ad libitum [1]), их проделывают лишь при приближающейся старости и когда уже подумывают опочить на лаврах. Нет ничего легче, как оправдать шестое банкротство, человек уже слишком стар, чтобы измениться, никто больше не удивляется. Впрочем, ворчат немного на правительство, которое не хочет защищать торговлю и виновно в этих маленьких замешательствах честных деловых людей.

Не следует удивляться, если я здесь привожу несколько принципов для применения при банкротстве; это совершенно новое искусство, которое, подобно экономии, от которой оно произошло, не имеет еще твердых принципов, ни даже методической номенклатуры. Так, в постепенном банкротстве только первые четыре степени получили название.

Первую несостоятельность проделывает простой „рыцарь".

При второй он получает прозвище „принца".

При третьей титул „короля".

При четвертой—„императора".

Для пятой, шестой, седьмой степени профессионалы еще не придумали названия. Истинный „друг торговли" должен возвыситься до пятой октавы. Чтобы быть „гармоническим" банкротом, нужно иметь за спиной семь „честных банкротств" с 50% убытка в среднем, а затем усиленное, полное банкротство, как венец всего ряда, при чем позволено ограбить по меньшей мере на 80%, в возмещение за умеренность, проявленную во всех предыдущих; ведь 50%—это лишь приличный тариф, совсем маленькая дань, не дающая никому права на порицание; это принятая ставка при несостоятельностях, твердая цена, в роде извозчичьей таксы или цены пирожного.

Маневрирующие.

В этом разделе мы рассмотрим эволюции масс, которые требуют взаимодействия разных банкротов на благо торговли и во славу великой истины. Эти коллективные маневры дадут нам четыре вида мастеров эволюции.

---

[1]) По желанию

18) **Банкротство беглым огнем.** Оно вызывается обычно взаимными толчками, сплетением несостоятельностей, влекущих за собою одна другую. Я опишу одно такое банкротство среднего сорта, в буржуазном жанре, как наиболее удобопонятное для массы читателей. Как тип тактики беглым огнем, мы возьмем одного из тех космополитических мастеров, описание которых я отложил.

Иуда Искариот приезжает во Францию с капиталом в 100.000 франков, которые он заработал первою своею несостоятельностью. Он устраивается в каком-нибудь городе, где имеет конкурентами шесть уважаемых и пользующихся кредитом домов. Чтобы отнять у них клиентуру и доброе имя, Искариот сразу начинает с того, что продает товары по себестоимости, верное средство привлечь массу. Скоро конкуренты громко начинают его проклинать на все лады, но он и в ус себе не дует и продолжает продавать по собственной цене.

Народ в восторге: да здравствует конкуренция, да здравствует философия и братство! Все товары подешевели с появлением Искариота, и публика заявляет его конкурентам: „милостивые государи, это вы подлинные евреи, вы хотите слишком много заработать, один Искариот честный человек, он довольствуется скромным заработком, потому что не парадирует с таким блеском, как вы".—Напрасны все представления старых домов, что Искариот переодетый мошенник, который рано или поздно лопнет; публика обвиняет их в зависти и клевете, и все больше и больше бегает к Искариоту.

Расчет грабителя следующий: продавая по себестоимости он теряет только проценты со своего капитала, пусть—10.000 франков в год, за то образует себе значительный рынок для сбыта, создает себе в портовых городах имя крупного потребителя и, при краткосрочных платежах, получает большой кредит. Такой кунштюк проводится два года, за которые Искариот ничего не заработал, хотя продавал массами.

Когда все созрело, Искариот пускает в ход весь свой кредит дает громадные поручения во всех портовых городах, скупает товаров на срок на 5—6 сотен тысяч франков. Он направляет свои товары за границу, а все наличие своего склада продает за бесценок. Когда все превращено в деньги, бравый Искариот исчезает со своим портфелем и возвращается в Германию, куда направил свои купленные на срок товары, быстро их продает и оказывается в момент от'езда из Франции в четыре раза богаче, чем при приезде; он имеет 400.000 франков и отправлятеся в Лондон или Ливорно, чтобы начать плести паутину для третьего банкротства.

Теперь вдруг падает завеса, и в городе, где он устроил свой эксперимент, приходят в себя. Убеждаются, как опасно допускать в торговлю не имеющих почвы бродяг. Но банкротство Искариота—только первый акт фарса; проследим беглый огонь.

Искариот имел шесть конкуррентов; назовем их А, Б, С, Д, Е, Ф.

„А" был уже давно в стесненных обстоятельствах и держался кое как без средств, благодаря своему доброму имени; но потеряв с приездом Искариота всю свою клиентуру, он мог выдержать гонку только один год, и не созрев для этих новых философских систем, берущих бродяг под свое покровительство, А видит себя вынужденным преклониться перед тактикою Искариота и **об'явить банкротство.**

„Б" выдержал удар больше; он с самого начала уразумел мошенническую подоплеку Искариота и ждал, пока пройдет буря, чтобы восстановить свою клиентуру, захваченную жуликом Искариотом. Но тем временем он запутывается в одну заграничную несостоятель-

ность; этого достаточно, чтобы ускорить его крах; он надеялся выдержать два года, и уже на 15-тый месяц, вынужден об'явить себя банкротом.

„С“ был в компании с одним заграничным домом, который был разорен другим Искариотом, таковые имеются в каждом городе; „С“ захвачен крахом своего компаниона, и после того как он в течение восемнадцати месяцев приносил жертвы, чтобы выдержать конкуренцию негодяя и он принужден об'явить себя банкротом.

„Д“ был больше с виду, чем на самом деле добросовестный купец. Он имеет еще возможность держаться, хотя уже 20 месяцев страдает от конкуренции Искариота; но озлобленный причиненными ему убытками, он уступает соблазну порока, чему видит вокруг себя столько примеров. Он видит, что трое из его братии открыли поход, и ему придется примкнуть четвертым под предлогом действительных или мнимых несчастий. Двадцатимесячная борьба с Искариотом ему приелась, и он приходит к заключению, что не остается ничего умнее, как об'явить себя банкротом.

„Е“ авансировал крупные суммы своим четырем, впавшим друг за другом в несостоятельность коллегам; он считал их всех платежеспособными, какими они и были, пока маневр Искариота не испортил их дела. „Е“ чувствует себя разоренным крахом этих четырех домов; к тому же он остался без клиентов; вся публика бежит к Искариоту, который распродает по себестоимости. „Е“ остается без средств, кредит его разрушен; на него наседают, и, не будучи больше в состоянии выполнять свои обязательства, он кончает тем, что об'являет себя банкротом.

Ф имеет достаточно средств, но благодаря пяти предыдущим несостоятельностям, которые дают право заключить, что он скоро последует за ними, он потерял во всех портовых городах кредит. К тому же некоторые из несостоятельных должников, покончив соглашением, продают теперь за бесценок, чтобы быть в состоянии платить при наступлении первых сроков. Чтобы ускорить продажу, они теряют десятую долю стоимости и, все-таки зарабатывают четыре десятых, потому что они сошлись на 50%. Этим Ф окончательно раздавлен, и ему не остается ничего другого, как последовать примеру конкурентов и об'явить себя банкротом.

Итак, достаточно появиться какому-нибудь одному бродяге или еврею, чтобы дезорганизовать все купечество, большинство города и вовлечь в преступление честнейших людей; ибо каждое банкротство в большей или меньшей степени преступление, как бы не оправдывать его разными блестящими доводами, вроде тех, какими я расписал эти шесть банкротств; и во всех этих доводах почти никогда нет ни одного слова правды. Правда заключается в том, что всякий хватается с жадностью за возможность ненаказуемого воровства.

Временами беглый огонь действует рикошетом, на расстоянии, и поражает одновременно дюжину торговых домов в разных странах. Они имеют общие интересы, и крах главного дома взрывает все заинтересованные второстепенные дома, как падает ряд оловянных солдатиков, у которых взводный получил щелчок. Это серьезная комбинация, достойная фигурировать среди больших маневров и, во всяком случае, такое рикошетирование на расстоянии должно будет образовать в более точной классификации отдельный род.

19) Банкротство сомкнутой колоной требует благоприятной кон'юнктуры, которая служит оправданием и побуждает значительные массы купцов решиться на роковой прыжок. В этом случае

они опираются друг на друга, спасаются своей массою, подобно отряду, который строится в сомкнутую колонну, чтобы штыками пробить себе дорогу. Так и банкроты должны, при благоприятных обстоятельствах, смыкать свои ряды, каждый день об'являть ряд несостоятельностей и так быстро проводить их одну за другой, чтобы спутать общественное мнение и легко провести соглашения, ссылаясь на тяжелые времена. Этого рода банкротства повторяются в Лондоне периодически; и Париж сделал в 1800 году прекрасный опыт сомкнутой колонны, который окончился очень счастливо для многих „друзей торговли".

20) Банкротство в походном порядке. Есть ряд несостоятельностей, связанных между собою, но разражающихся через правильные двух-трех месячные интервалы. В противоположность сомкнутым колоннам, следующим одна за другою день за днем, здесь приходится построиться в походный порядок, чтобы банкротиться, когда подойдет очередь, в тот самый момент, когда предшественник заключил мировую. Например, А сошелся окончательно через три месяца после банкротства, и моментально В должен об'явить себя несостоятельным, ибо теперь посредники найдут публику расположенной и смогут сказать: „это та же история, что и с А, одна должна была повлечь за собой другую, нужно закончить такою же сделкой". Та же история с С, который обанкротился через три месяца, затем с Д, Е, Ф; если они сумеют как следует провести свое сотрудничество и соблюсти интервалы, они получат для всех одинаковое регулирование. Походный порядок—очень верный маневр, при искусном руководстве; но он не подходит для всех обстоятельств, и лишь гений банкротства один может определить, в каких случаях он применим.

21) Банкрот в рассыпную открывается мелкими банкротиками, которые идут впереди большого движения и устраивают там и сям мелкие банкротства в своей мелочной торговле. Отсюда приходится заключить, что наступила тяжелая полоса и предстоит жаркая кампания. Действительно, вскоре начинает громыхать тяжелая артиллерия, разражаются миллионные банкротства, которые долго занимают общественное внимание. Наконец, движение заканчивается арьергардною стрельбой мелких банкротиков, бакалейных торговцев маленьких городов.

Агитаторы.

Как! Неужели мало еще огорчения, и вы можете продемонстрировать нам картины еще хуже предыдущих?

Я показал только самых честных. Теперь мы приближаемся к нисходящей отрицательной ветви, и можем сюда поставить банкротов, которые действуют по дальновидному плану, но пренебрегают моральными методами и компрометируют великолепную корпорацию.

22) Банкротство в большом стиле действует на все классы вплоть до совсем маленьких людей, прислуг и пр., которые откладывают свои мелкие сбережения у лицемерного благодетеля. Банкротство скоро распространяет свой грабеж на сотни земельных собственников, мелкоту средних классов и всякий доверчивый люд. Весь город оказывается впутанным. Вообще говоря, такого рода банкротство поражает в особенности неторговые слои общества и очень вредит корпорации, так как вызывает народ и мелкую буржуазию на размышления, отнюдь не лестные для честной братии купцов.

23) Размашистое банкротство — дело какого-нибудь темного проходимца, которому удается без средств, без доверия кинуться в крупное дело, где он устраивает такое же огромное банкротство, как высокие и могущественные банкиры. Все спрашивают себя, как могло удасться такому ничтожеству завязать столько сношений и организовать такой жирный банкрот.

Этот суб'ект—противоположность предыдущему; другим образом он достигает той же цели, а именно, возбуждает общественное мнение против махинаций купцов и нелепых законов, предоставляющих полную свободу этим торгашам.

24) Банкротство Атиллы возносит славу банкротов до небес и опустошает страну, как если бы по ней прошла целая орда вандалов. Я могу привести в этом жанре знаменитое банкротство, осуществленное в 1810 году в Орлеане неким любителем Т. Он об'явил несостоятельность с дефицитом в 10 миллионов, которые были распределены по злочастному Орлеану так мастерски, что город был буквально разгромлен. Все классы горожан были разорены. Беглецы разнесли вплоть до Лиона молву: „Орлеан уничтожен, все мы разорены, Т. ограбил всех до чиста". По подробным донесениям, он провел свой план так, что оплел и ограбил все классы, от богатых капиталистов до бедных прислуг, сберегших за всю жизнь несколько франков, чтобы сложить их у меркантилистского торгоша и дать ему украсть их, под сенью прекрасного принципа: „предоставьте купцам действовать, они отлично знают, что в их интересах".

Какой грабеж! Какое разнообразие преступлений в одной только отрасли коммерческих подвигов! Одной единственной, ибо не следует забывать, что банкрот только тридцать первая особенность этой обманной торговли, для которой наука требует полной свободы под тем предлогом, что купцы знают отлично, что в их интересах,—да, они это знают слишком хорошо, но они знают слишком плохо, в чем заключается интерес государства и промышленности, и, таким образом, мистифицирует нас наука с ее теорией абсолютной свободы купцов.

VI.

Нисходящая ветвь. Грязные разновидности.

От изображения великих геройских подвигов мы перейдем к описанию более скромных трофеев. Не все величественно в банкроте, как описанные три категории центра. Однако, мы еще и в левой ветви соберем замечательную коллекцию банкротиков средней марки, людей, которых более буржуазные добродетели и пороки будут здоровее для наших глаз, после ослепительного блеска столь многих героических дел, мы встретим еще кампании, которые развеселят читателя,—особенно последняя, фальшивые братья, бросающие тень на воинство банкротиков.—Начнем с более серьезной разновидности.—

Коварные плуты.

25) Банкротство для обеспечения практикуется, чтобы возместить себе какой-нибудь убыток. Примерно спекулянт проигрывает сегодня процесс, лишающий его 100.000 франков; завтра он об'являет банкротство, приносящее ему 200.000.—Таким образом, вместо того, чтобы потерять спорную сумму, он ее выигрывает. Эта способность торговли вознаграждать себя за неудачи, есть одно из

прекраснейших ее свойств; она умеет извлечь пользу из всякой напасти, на суше и на море. Судохозяин узнает о кораблекрушении, на следующий день он восстановляет свои дела хорошим банкротством; такого рода несостоятельности проходят без ропота, ибо нотариус заявляет: „Это не его вина, обстоятельства принудили его к банкротству, его следует больше пожалеть, чем порицать".

На это землевладелец, которого вклад, таким образом, улетает в трубу, возразит: „я не могу себя вознаградить, когда град или наводнение уничтожает мою жатву, мне не на кого переносить убыток".— Удивительный аргумент! Разве землевладельцы не знают, что, при существующем порядке вещей, они представляют собою подчиненный класс, зависимый от непроизводительной группы, именуемой купцами, которые вонзают свои когти во всякий продукт промышленности и оплачивают себя за счет масс, как войско наемников, которое за отсутствием врага, грабит собственных своих друзей и добрый народ? Таков купец, истинный промышленный казак, с девизом: „я работаю не pour la gloire [1]), мне нужно что-нибудь „поскоблить". Каждому купцу хочется „поскоблить", а если думают его поскоблить, с помощью процесса или как-нибудь иначе, он непременно как-нибудь извернется и при помощи такого—банкротство обеспечения поскоблит другого.

26) Банкротство вне ряда устраивает умник, который предусмотрел все случайности и отложил кое-что, с чем может противостоять бурям и укрощать строптивых; он забирает 300.000 из которых одну треть употребляет на полезные цели, подарки и пр.; он умеет успокоить самых отчаянных крикунов, парализовать правосудие; кое куда сунет малую толику денег, словом, дело его идет бойко, и банкротство, в конце концов, доставляет ему много друзей, получивших свою долю пирога и утверждающих, что он человек comme il faut и знает дело до тонкости.

27) Банкрот crescendo (возрастающим темпом) разыгрывает водевиль в нескольких актах, с постепенно растущим интересом. Сначала говорят о маленьком замешательстве, вызванном трудным извлечением возложенных капиталов, и о необходимости уступить 30%, чтобы избежать краха. Кредиторы испытывают беспокойство и совещаются в тиши, так как дело может принять дурной оборот, и человека нужно поддержать. Однако, через три месяца, новая тревога. Опять отправляются к кредиторам и говорят о возможности краха; признаются, что положение дел хуже, чем предполагалось и что нужно согласиться на 50%. Некоторые кредиторы начинают сердиться, дело запутывается, и об'является несостоятельность; все так хорошо обставлено, что вместо 50% должно быть потеряно от 80 до 90%, и остаток может быть выплачен лишь через несколько лет. Но соглашение все еще может быть легко достигнуто, так как кредиторы, искусстно обработанные и постепенно приученные к потере 30, а потом 50 и 70 процентов, утомленные борьбою, подписывают и считают окончательно потерянным проклятое дело, в котором сначала говорилось о потере лишь 30%. Этот метод не из наихудших и может быть рекомендован тем спекулянтам, которые придают значение принципам.

28) Благочестивое банкротство—дело святоши, участвующего во всех братствах и несущего в процессиях кисть балдахина. Он легко находит кредит и вкладчиков, и может устроить под сурдинку изрядное банкротство. Я видел таких, которые давали 90% убытка. Преимущество этого способа заключается в том, что банкрот

[1]) „Не славы ради"

находит еще достаточно людей, которые его оправдывают: „Ах, ведь это очень богобоязненный человек; если он не имел счастья в своих торговых делах, это происходит от того, что он пренебрегает благами этого мира“.—Выезжают на его благочестии, чтобы ускорить соглашение, при котором благочестивый апостол сохраняет за собой изрядную толику земных благ, с надеждою на блага мира потустороннего

Плохие мастера.

Во всякой профессии есть невежды, которые работают без правил и при наилучшем материале дают плохую работу. Точно так же среди банкротов попадаются головотяпы, которые умеют только превращать долото в камень и глупейшим образом разоряются там, где другой устроил бы себе великолепнейшее дело. Я приведу и кратко охарактеризую четыре вида, ибо в этой действительно честной категории нет ничего назидательного. Я вывожу их на сцену только для полноты анализа.

29) Банкротство фантазера,—банкротство одураченных, сбитых с толку модными разговорами, попытавшихся заняться торговлей, не зная ее махинаций и, естественно, сжегших себе крылья, как мотыльки на свече. С 1789 года было много крупных собственников, которым никоим образом не следовало путаться в этот хаос, в котором они спускали богатое наследство и кончали банкротством, теряли состояние и честь. Следует заметить, что при банкротстве только честный человек теряет свою честь, тогда как мошенник, знающий великие принципы торговли, умеет так провести свою несостоятельность, что завоевывает богатство и честь. Но большие баре, попавшие в осиное гнездо коммерции, хотели работать честным путем; они были окружены интригами, стали игрушкою в их руках и принуждены были кончить банкротством. Многие мелкие собственники впали в ту же ошибку. Охваченные меркантилистической горячкой, они покидали поле, продавали свой маленький земельный участок, чтобы открыть в городе лавченку и пойти навстречу верному разорению.

30) Инвалидное банкротство. Это банкротство неисправимого, который хочет умереть с оружием в руках. Попадаются не один, которому пора бы удалиться от дел, который, под бременем возраста, делает одни только промахи, не знает новейших усовершенствований, теряет на старости лет медленно накопленное состояние и так долго упрямо борется, пока повторные ошибки не сделают неизбежным банкротство. Как назвать человека, в восемьдесят лет, холостяка и обладателя двух миллионов. чего для старого бобыля, право, достаточно, который, тем не менее, продолжает торгашествовать, в возрасте, когда бы ему следовало успокоиться и замаливать грехи. Если такой человек разоряется и теряет в восемьдесят лет свое блестящее состояние, это, поистине фанатик меркантилизма. Таков был инвалидный банкрот послуживший типом настоящего параграфа; ибо для каждого вида я могу продемонстрировать соответствующий тип [1]), чтобы меня не обвинили в преувеличении. Впрочем, в каждом городе можно встретить много таких фанатиков, глубоких стариков, которые упорно продолжают свою торговлю и заслуживают в ней бесславной гибели; ибо в наши дни, когда все доводится до квинт-эссенции, в торговле, как и на войне, требуются молодые люди, воспитанные на новой тактике и если банкротство счи-

---

[1]) Фамилии этих прототипов приведены в оригинале у Фурье.

тается у молодых людей ловкой игрой, то оно во всяком случае, позорно для богатых стариков, которым уже, давно следовало в оставку.

31) Отчаянное банкротство, вызванное отчаянными конкурентами, которые сознательно спешат навстречу своему разорению и разоряются, лишь бы отнять у соперника малую крупицу прибыли. Попадаются масса таких, которые работают в убыток, в надежде разорить конкурентов и остаться победителями на поле сражения. Такой хаос царит в особенности на мануфактурных ярмарках, как Beaucaire, где побежденные принуждены об'явить себя несостоятельными.

32) Свинское банкротство устраивает простачек, который вместо того ,чтобы действовать по правилам, разоряется вкупе с женой и детьми и вдобавок отдает себя в когти правосудия, на посмешище, „друзьям торговли", питающим уважение только к сильным и правоверным банкротам. На коммерческом воровском жаргоне говорят о таком банкроте, пустившем по миру свою семью: „Это подлинное свинство."—Если бы он устроил жирное банкротство, его назвали бы ловким парнем, умной головой.

Фальшивые братья.

Я называю фальшивыми братьями тех, кто подвергает почтенную братию банкротов презрению публики. Одни из них вызывают возмущение, другие насмешку. Я не включаю в этот класс акул, грабящих миллионы,—эти всегда внушают почтение и не компрометируют братии; к крупному вору в цивилизованном обществе никогда не относились с презрением, мелкие воры—вот материал для виселицы, и когда они возбуждают общественное дело против мошенничества и мелких банкротов, они становятся недостойными приема в корпорацию и заслуживают эпитета „фальшивые братья".

33) Мошенническое банкротство свойственно мелким пройдохам, которые, при своей несостоятельности, совершают такие возмутительные мелкие кражи, что соседи начинают говорить о приготовлении для них веревки. Грабеж на 100.000 франков не вызвал бы таких толков; но кража 100 франков наводит мысль на виселицу, что, впрочем, для воришки не опасно: орден банкротов не позволит тронуть своего члена, ибо правосудие скоро сочло бы себя вправе перейти от мелких воров к крупным, что было бы очень неудобно для тех, кто действовал согласно великим принципам и был принят в хорошее общество после „честного" банкротства.

34) При банкротстве—висельника герой, кроме грязных проделок, совершает еще „ученые" подвохи, напр., обкрадывает самого себя и потом пускает в ход сентиментальную тактику.

Скапен, содержатель уличного кабачка, устраивает мелкое банкротство, всего на 40.000 франков; он утаивает 30.000 франков, чистую прибыль операции, и затем преподносит кредиторам остаток, 10,000 франков. На вопрос о недостающих 80 000 франков он отвечает, что не умеет вести книг, подобно крупным купцам, и что его постигло „несчастье". Вы думаете, что Скапена накажут, как мелкого воришку, укравшего всего лишь 30.000 франков, но разве кредиторы не знают что если правосудие вмешается в дело, то оставшиеся 10.000 франков пойдут на один только завтрак. И когда эти 10.000 франков растают, не будет еще ничего определенного, а если Скапена повесят, то придется может быть, потратить еще 10.000 франков, а то и больше, Лучше, во всяком случае, принять эти 10.000 франков, чем потерять их и еще столько же в придачу. Скапен, через посредство сво-

его нотариуса, пускает в ход этот аргумент, и, таким образом, сам банкрот грозит своим кредиторам правосудием. И чего ради кредиторам Скапена возмущаться? Одни думают последовать его благородному примера, другие его уже предупредили, и так как волки между собою не перегрызутся, Скапен скоро находит некоторое число согласных на его предложение; другие подписывают из боязни вмешательства правосудия, но некоторые строптивые говорят, что пожертвуют всем, лишь бы отправить мерзавца на галеры. Тогда Скапен посылает к ним жену и детей, которые с хорошо заученным воем молят о пощаде; таким путем, Скапен и его нотариусы получают в несколько дней большинство подписей, после чего ярость колеблющихся, которые больше не нужны, вызывает только насмешку. Над ним потешаются, Скапен отвечает им вкрадчивыми речами и глубокими поклонами, и после счастливого исхода первого банкротства, обдумает уже новое.

35) Банкротство на утек практикуется в больших городах мелкими арендаторами, которые бесшумно прогорают при приближении срока платежа и „в ночи и тумане“ упрятывают свой жалкий скарб. Этот способ банкротства очень распространен среди шелковых ткачей Лиона; сюда нужно также причислить всех франтов обоего пола, которые себе заказывают в ресторане, у портного, у сапожника все самое лучшее и очень сговорчивы насчет цены, так как намерены заплатить красивыми словами и прогореть, как только кредиторы начнут надоедать.

Это смешной вид банкротства, бросающий тень на корпорацию. Когда злословят о человеке, нагревшем двадцать мелких лавочников, привыкают легко злословить и о человеке comme il faut, разорившем, своею несостоятельностью двадцать семейств, а такие критические вольности нужно устранить, чтобы не нарушить должного почета, воздаваемого честным несостоятельным „друзьям торговли“.

36) Комическое банкротство проделывает мелкий лавочник, который об'являет несостоятельность in optima forma [1]), совсем как великие и могущественные банкиры и предлагает своим кредиторам не более пяти процентов. Среди других, такое банкротство устроил в Лионе один актер, отличный комик и любимец публики. Он предложил своим кредиторам, с соблюдением всех нужных формальностей, три процента. Некоторые возмутились и хотели послать к нему судебного пристава; но он мистифицировал правосудие, подобно тому, как делал это на сцене в „Avocat Paxeliu“ [2]) и вся публика была на его стороне. Его банкротство было забавнейшим фарсом, давшим несколько великолепных сцен: сколько кредиторы ни неистовствовали, публика их высмеяла, как Гильома в „Avocat Paxeliu“.

Я окончил свой беглый обзор. Однако, мой список так не полон, что его следует рассматривать лишь как набросок, в котором всякий может добавлять недостающие характеры. Таких характеров, и замечательных, масса. Еще совсем недавно парижские газеты приводили блестящий случай банкротства некоего У, который с какими-нибудь 10.000 франками устроил широковещательную агентуру. Это было, кажется, „бюро возрождения торговли“ или что-то многоговорящее в этом роде, с помощью чего он выудил у нескольких ротозеев миллион, оплаченный, как следовало ожидать, хорошеньким банкрот-

---

[1]) „По всем правилам“.

[2]) Знаменитый фарс старинного французского театра.

ством. Словом, сопоставленное мною число видов банкротства очень легко будет удвоить.

VII.

Заключение.

Если подумать, что банкротство только одна из тридцати шести особенностей торговли, то очень трудно себе об'яснить, почему это столь плодородное поле преступлений, почему этот механизм торговли до сих пор не был подвергнут анализу, в наш век, так решительно выступающий против преступлений всех классов общества, не останавливающийся перед обнародованием преступлений королей и пап.

Если прочесть этот синодик купеческих грязных проделок, то сейчас же является вопрос, каким образом век, называющий себя другом возвышенной истины, может взять под свое покровительство эту обманную торговлю, под предлогом, что без торговли ведь нельзя обойтись; как будто из за этого становятся приемлемы и обманы и грабежи, подобные тем, которые мы насчитали в одном лишь роде преступлений торговли, в банкротстве.

Закончим, однако, нашу тему о банкротстве.

Пословица, что правосудие карает только мелких воришек, в области торговли оказывается неверной. Банкрот даже самый мелкий спасается от судебных преследований под защитою самих купцов. Мы это видели при рассмотрении последней категории, „фальшивых братьев", банкротчиков в миниатюре.

Напрасно было бы приводить случаи наказания нескольких злостных банкротов; девяносто девять проскакивают благополучно, и если сотый терпит крушение, то это наверное набитый дурак, который не умеет повести дело; ибо в наше время эта такая верная операция, что уже давно забыли о старых мерах предосторожности. Прежде несостоятельный должник спасался в Триент, Льеж или Каруж. Но, со времени возрождения 1789 г, этот обычай вышел из употребления. Всякий устраивает теперь банкротство в семейной обстановке. Спокойно подготовляют дело, а когда наступает крах, отправляются на месяц на дачу, на лоно родных и друзей; а пока нотариус все приводит в порядок. Через несколько недель виновник торжества появляется вновь, и публика так привыкла к этой истории, что рассматривает ее, как милую шутку; это называют „разрешением от бремени" и говорят очень хладнокровно: „А, такой то опять появился, он только что оправился после родов".

Я уже заметил, что банкротство—единственное социальное преступление, носящее эпидемический характер и увлекающее силой честного человека по путям мошенника. Если присоединить к банкротству ажиотаж и столько иных мерзостей то станет ясно, что я был прав, утверждая, что никогда цивилизованное общество не совершало такой массы нелепостей, как с тех пор, когда увлеклось торговлей. Философы, которые только и думают о всяких противовесах и гарантиях, ни разу не подумали о том, чтобы оставить социальному организму ту гарантию, которой правительства требуют, довольно предусмотрительно, от своих агентов фиска. Владетельный князь обеспечивает себе добросовестность своего сборщика податей денежным залогом и перспективою неизбежного наказания, если бы он осмелился играть на собранные общественные деньги или растратить их. Почему нам не случается видеть, чтобы сборщики общественных денег присвоили себе доход от пошлин и обратились к правитель-

ству с слезницею, в таком, примерно роде: „Тяжелые времена, критические обстоятельства, насчастные случаи и пр., словом об'являю банкротство, несостоятельность, называйте, как хотите. В вашей кассе должно быть десять миллионов; предлагаю вам половину, пять миллионов, с уплатою в течение пяти лет. Пожалейте несчастного сборщика; сохраните за мной ваше доверие и управление вашею кассой, иначе я не смогу вам уплатить и половины, которую сейчас предлагаю; но если вы оставите за мною должность и доходы, я постараюсь честно выполнить свои обязательства, т.-е. угостить вас вторым банкротством, как только касса опять наполнится".

Такова вкратце суть всех письменных заявлений о несостоятельности. Если сборщики податей не следуют этому примеру, то потому что, как им известно, никакая философская теория не может защитить их от наказания, от которого банкрот спасается под сенью принципа: „Предоставьте купцам полную свободу, не требуйте гарантии против их злоупотреблений".

Так пишет Фурье. Продолжение его статьи во второй книжке „Фаланги" заключает три главы об ажиотаже, скупке и паразитизме, которые были однако, в большей своей части, напечатаны в „четырех движениях". Частью по этой причине, частью потому, что помещенного выше отрывка вполне достаточно для моей цели, я здесь прерываю.

Ученые господа немцы, которые с таким усердием плавают по „безбрежному морю бездонных теорий" и охотятся прежде всего за „принципом социализма" могут взять себе пример с купеческого приказчика Фурье. Фурье не был философом, он питал сильную ненависть к философии, жестоко ее осмеивал в своих сочинениях и по этому поводу сказал массу вещей, которые нашим немецким „философам социализма" очень следовало бы принять к сердцу. Правда, они мне возразят, что и Фурье точно также был „абстрактен", что со своими сериями он строил бога и мир вопреки Гегелю, но это их не спасает. Гениальные, несмотря ни на что, чудачества Фурье не опраздывают сухих, как подошва, так наз. построений сухой немецкой теории. Фурье строит себе будущее, после того как верно познал прошлое и современность; немецкая теория строит себе сначала по своему усмотрению прошлую историю, а затем предписывает точно также и будущему, какое ему принять направление. Сравните, например, эпохи социального движения Фурье (дикость, патриархат, варварство, цивилизацию) и их характеристику с Гегелевскою абсолютной идеей, которая с таким трудом протискивается сквозь лабиринт истории, чтобы в конце-концов, не смотря на четыре мировые государства, соорудить, охая и кряхтя, некоторую видимость трихотомии,—не говоря уже о после Гегелевских конструкциях. Ибо, если у Гегеля конструкция еще имеет смысл, хотя и превратный, то у фаб-

рикантов теории развития после-Гегелевского периода она лишена уже всякого смысла.

Немцам пора бы уже, наконец, перестать так много носиться с своей основательностью. С самым тощим материалом они в состоянии построить вам все, что угодно, не только само по себе, но и в связи с мировою историей. На основании любого факта, заимствованного из третьеразрядного источника, о котором им доподлинно даже неизвестно, как он произошел, они вам докажут, что он должен был произойти так и не иначе. Кто в Германии писал о социальных вопросах и не сказал о Фурье чего нибудь такого, чем немецкая основательность основательнейшим образом не была бы посрамлена! Вот среди них г. Кайзер, который сейчас же использовал „отличное сочинение Л. Штейна“ для всемирно-исторической конструкции: жалко лишь, что все положенные в ее основу факты неверны. По отношению к Фурье, немецкая теория уже, по крайней мере, двадцать раз определяла его „место в развитии абсолютной идеи“—и всякий раз другое место—и всякий раз, в отношении фактической стороны дела, немецкая теория ссылалась на г. Штейна или другие сомнительные источники. Поэтому-то и немецкий „абсолютный социализм“ так ужасающе жалок. Немножко „человечности“, по новейшей терминологии, немножко „реализации“ этой человечности или, скорее животности, кое что о собственности из Прудона,—из третьих или четвертых рук—немного вздохов о пролетариате, организация труда, панацея ассоциаций для под'ема низших классов народа, рядом с безграничным невежеством в области политической экономии и подлинного обществознания, вот и вся история, которая к тому же, благодаря теоретическому беспристрастию, „абсолютному покою мысли“, теряет последнюю каплю крови, последний след энергии и силы. И с таким бедным арсеналом хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, побудить массы к мысли и действовать?

Если бы наши немецкие полукоммунистические и коммунистические доценты задали себе труд немного познакомиться с главными произведениями Фурье, которые им также легко было бы достать, как любую немецкую книгу,—какой они бы там обрели обильный источник материала для конструирования и прочих надобностей! Какая бы им там представилась масса новых идей и ныне еще новых для Германии! Добрые люди до настоящего момента не знают, что поставить в упрек современному обществу, кроме положения пролетариата, да и об этом они умеют сказать не бог весть сколько. Конечно, положение пролетариата центральный пункт, но разве им критика современного общества кончается. Фурье, который только еле касается этого пункта в позднейших сочинениях, дает доказательства, как независимо от этого пункта можно признать существующее

общество абсолютно негодным, как можно только критикой буржуазии и в частности ее внутренних взаимоотношений независимо от ее позиции по отношению к пролетариату—придти к необходимости социальной реорганизации. По отношению к этой стороне критики Фурье доныне занимает единственное место. Фурье неумолимо вскрывает лицимерие так называемого „приличного" общества, противоречие между его теорией и его практикой, скуку его существования; он осмеивает его философию его стремление к perfection de la perfectibilité parfectibilisante [1]) и к auguste verité [2]) его „чистую мораль", его однобокие социальные институции, клеймит его практику, милую коммерцию, которую он подвергает мастерской критике, его разнузданные наслаждения, — мнимый, в сущности проституционный брак, всеобщую путаницу. Обо всех этих сторонах существующего общества в Германии еще совсем не было речи. Правда, говорили о свободе любви, о положении женщины, ее эмансипации; но чего добились? Несколько путанных фраз, несколько синих чулков, немного истерии и добрая доля немецкой семейной неурядицы,—гора родила мышь. Немцам следовало бы сперва познакомиться с социальным движением за границей в литературе и в жизни—последнему принадлежит вся история Англии и Франции за последние восемьдесят лет, Английская промышленность, французская революция, — затем им следовало бы сделать столько же, сколько соседи сделали в литературе и в жизни, и лишь тогда будет уместно ставить такого рода праздные вопросы, как о больших или меньших заслугах различных наций. Но тогда не найдется больше аудитории для таких хитроумных исследований.

А пока самое лучшее было бы немцам прежде всего познакомиться с тем, что сделано иностранцами. Все появившиеся до сих пор об этом книги без исключения плохи. Такого рода краткие конспекты могут дать в лучшем случае только критику источников, но не самые источники. Последние частью редки и в Германии недоступны, частью слишком об'емисты, частью смешаны с материалами, сохранившими лишь историческое и литературное значение и для немецкой публики в 1845 г. потерявшими интерес. Чтобы сделать доступными эти источники, ценное содержание которых для Германии еще и по ныне ново, необходимы выбор и обработка, как это делают со всем поступающим из за границы материалом французы, и в этих делах гораздо более практичные, чем мы. Такая обработка выдающейся социалистической иностранной литературы вскоре

[1]) Непереводимый каламбур, касающийся бывших тогда в моде философствований о способности человека к совершенствованию. („Усовершенствование совершенствующейся способности совершенствованию").

[2]) „Возвышенная истина".

начнет выходить. Несколько немецких коммунистов, между ними лучшие умы движения, которые так же легко могли бы дать оригинальные труды, соединились для этого предприятия, которое, нужно надеяться, покажет мудрым немецким теоретикам, что вся их мудрость—устаревшая, уже давно по ту сторону Рейна и Ламанша прожеванная pro et contra [1]). Когда они узнают что было сделано до них, они найдут случай показать, что они умеют делать.

Брюссель.

Ф. Энгельс.

* * * * * *

[1]) За и против.

К. Дж. Дарвин.

Строение атома [1]).

§ I. Атомное число.

Открытие электрона Дж. Дж. Томсоном около двадцати пяти лет тому назад положило начало изучению внутреннего строения атома. Электроны—это частицы отрицательного электричества с зарядом $4{,}77.10^{10-}$[2]) электрических единиц и массой $9{,}0\,.\,10^{-28}$[3]) грамма, они являются составной частью материи любого вида. Несколько лет раньше Томсон показал на теоретических основаниях, что всякое заряженное тело должно обладать добавочной массой за счет своего заряда [4]) и эти два факта, взятые вместе, подали мысль о возможности создания электрической теории материи, по которой вся масса

---

[1]) Эта статья К. Дж. Дарвина (внука знаменитого Чарльза Дарвина) появилась в сентябре 1920 года в журнале Nature на ряду с целым рядом других статей по текущим вопросам современной науки, предназначаемых для не специалистов, интересующихся тем, что делается сейчас в разных областях знания. В этой статье излагаются современные взгляды физиков на строение вещества в связи с новейшими экспериментальными исследованиями. Все эти вопросы самым живым образом обсуждаются философами разнообразных толков и часто бывают использованы как оружие против материализма. Поэтому всякому, кто хочет разоблачать эти хитросплетения, необходимо познакомиться прежде всего с фактической стороной дела. Хотя автор видимо считает свою статью вполне популярной, однако в некоторых местах она может представить затруднения для мало подготовленного читателя, а потому редакция поручила А. К. Тимирязеву снабдить эту статью примечаниями, раз'ясняющими наиболее сложные рассуждения автора. Перевод, выполненный В. Семенченко был приготовлен для сборника статей под заголовком Естественно-Научные основы материализма—часть: физика, который вскоре должен появиться в издании Научно-популярного отдела Госиздата.

[2]) Символ $4{,}77.10-^{10}$ означает, что число 4,77 надо разделить на 1 с десятью нулями, т.-е. взять от 4,77 одну десятимиллиардную часть. Электростатической единицей называется такой электрический заряд, который отталкивает равный ему заряд, помещенный на расстоянии одного сантиметра с силой в одну дину т.-е. приблизительно в одну тысячную долю одного грамма.

[3]) Т.-е. 9, деленное на единицу с двадцатью восемью нулями.

[4]) См. статью А. Тимирязева „Опровергает ли современная электрическая теория материи материализм“?

вообще должна быть электромагнитного происхождения и все свойства материи могут быть представлены посредством взаимодействия электронов и положительных зарядов (последние в то время совершенно не были известны)[1]. Здесь нет возможности рассматривать более ранние модели атома (такие, как модели Томсона и Ритца), которые были придуманы по этому образцу. Они имели известный успех в выяснении некоторых свойств материи; но теперь мы видим, что экспериментальных данных того времени было недостаточно, а кроме того выяснилось, что невозможно создать теорию, основанную на старых классических идеях динамики, так как они бессильны для разрешения проблемы атома[2].

Так как известно, что электроны являются общей составной частью всякой материи, то, естественно спросить, сколько их содержится в атоме каждого рода. Масса одного электрона составляет около 1 1840 массы атома водорода и, следовательно, этот атом не может содержать больше чем 1840 электронов. Таким образом, оставлено очень обширное поле выбора. Разрешение этой проблемы не было возможно раньше, чем развитие учения об рентгеновских лучах и радиоактивности[3] не достигло известной степени совершенства, потому что обыкновенные физические и химические методы совершенно неспособны проникать далее поверхностных слоев атома, между тем, как рентгеновские и радиоактивные лучи настолько могущественны, что они могут проходить прямо через атом и по их поведению, во время прохождения через атом мы можем вывести некоторые заключения об его внутренности. Как с теми так и с другими лучами метод состоит в наблюдении явления рассеивания; то-есть, узкий параллельный пучек лучей пропускают через пластинку, и находят количество частиц, летящих под различными углами. Теретически нам известно, насколько должен рассеивать один электрон, известно довольно точно число атомов в пластинке, поэтому мы можем вычислить число электронов в каждом атоме, если мы предположим, что рассеивание производится одними электронами. Когда этот метод прилагался или к рентгеновским лучам или к β—„частицам“ (последние представляют просто электроны, движущиеся

---

[1] Не было известно как велики заряды наименьших положительно заряженных частиц.

[2] Намек на так наз. теорию „квант“, которой удачно пользуются при изучении структуры атома. Большие успехи в этом направлении сделаны недавно в России професс. Д. С. Рождественским.

[3] Радиоактивные вещества дают три рода лучей: a) α-лучи—правильнее потоки заряженных положительным электричеством атомов гелия, одного из так наз. благородных газов, b) β-лучи—потоки электронов, заряженных отрицательным электричеством и, наконец c) γ-лучи—лучи Рентгена, только эти лучи заслуживают, строго говоря, названия лучей, так как и α-β-лучи представляют собой поток заряженных частиц.

с большой скоростью), некоторые теоретические усложнения делают результат несколько неточным, но в обоих случаях опыты ясно указывают, что число электронов в атоме было того же самого порядка, как атомный вес. Это было найдено для многих элементов, атомные веса которых находятся апомными весами между углеродам и золотам. Таким образом наш первый верхний предел для числа электронов в атоме слишком велик, только незначительная доля массы атома приходится на электроны.

Опыты с α-частицами были более определенными. α—частица есть просто атом гелия, несущий положительный заряд, равный заряду двух электронов, и движущийся с очень большой скоростью. Так как атомный вес гелия равен 4, α частицы в семь тысяч раз тяжелее чем электрон. Когда частица проходит мимо электрона, притягательная сила ее приводит электрон в движение, а реакция этой силы сообщает α-частице слабое отклонение и незначительно уменьшает ее скорость [1]. В виду малости этого эффекта для отдельного электрона в среднем достигается большая однородность, и число электронов в этом случае может быть вычислено или посредством наблюдения рассеивания луча, или по степени потери частицами их скорости. Оба способа дают тот же самый результат, что число электронов в атоме приблизительно равно половине его атомного веса [2].

Но опыты с рассеиванием α-частиц содержали в себе зачаток гораздо более важных сведений. В течение этих опытов наблюдали, что определенная небольшая часть α—частиц претерпевает сильное отклонение. Некоторые из них были отброшены прямо назад. Эта часть, небольшая сама по себе, была во всех отношениях больше сравнительно с той, которая могла бы произойти от совместного действия большого числа столкновений с электронами. Рутерфорд показал, что единственной рациональной гипотезой для объяснения рассеивания такого типа было бы предположение, что это большое отклонение происходит сразу. Таким образом, он был принужден выдвинуть нуклеарную [3]) теорию атома, теперь признаваемую всеми. По этой теории вся масса атома практически заключается в ядре очень малых размеров (диаметром не более $_{10}$-^{12} сантиметра [4]), которое имеет заряд положительного электричества равный некоторому це-

---

1) Здесь явление аналогично отдаче при выстреле орудия или винтовки; чем меньше масса снаряда по отношению к массе орудия, тем меньше отдача (при данной скорости полета снаряда). Точно также, если два тела, притягивают друг друга, как в данном случае, то тело меньшей массы (электроны) сильнее смещается, чем пролетающий мимо электрона—атом гелия (α-частица).

2) Так, например, атомный вес кислорода 16, а число электронов в его атоме, равное атомному или порядкову числу для кислорода будет 8.

3) От слова нуклеус (nucleus)—ядро.

4) Миллионная доля миллионной доли сантиметра.

лому кратному заряда одного электрона. Это ядро окружено целым облаком электронов, число которых таково, что они точно нейтрализуют его заряд. Каждый элемент имеет иной заряд ядра (нуклеарный заряд) и (предваряя некоторые результаты, к которым мы придем позже) величина этого нуклеарного заряда определяет весь химический характер элемента. Радиоактивные свойства так же, как и масса, принадлежат ядру, в то время как химические и спектральные свойства относятся к окружающим электронам и зависят от ядра лишь косвенно, так как оно определяет число и расположение этих окружающих электронов. Динамическая структура этой планетной системы осталась неопределенной, и до настоящего дня почти неизвестной.

Рассмотрим теперь отношение этой теории к вопросу о рассеивании. Сама α-частица является ядром атома гелия. При прохождении через материю большинство частиц не будут подходить особенно близко к ядрам и таким образом все будет происходить таким же путем, как мы уже рассмотрели. Но пути немногих из них будут направлены вблизи ядер и тогда между двумя положительными зарядами будут развиваться огромные отталкивательные силы. Большая часть атомов гораздо тяжелее чем α-частицы, следовательно по закону Ньютона, последние будут описывать гиперболы и будут удаляться в новом направлении. По величине начальной скорости и заряду ядра нетрудно вычислить число частиц, которые должны отклониться от первоначального направления. Сравнение с опытом, во-первых, дало критерий правильно ли применен здесь закон силы, а во-вторых, позволило определить величину заряда ядра. В обоих случаях, опыт вполне подтверждает правильность наших предположений. Было найдено, что заряд ядра (отнесенный как к единице к заряду электрона) [1]) равен почти половине атомного веса для легких элементов и несколько менее половины для тяжелых. Этот метод определения числа электронов в атоме является самым прямым из всех придуманных до сих пор, так как при истолковании этих опытов не пользуются очень сложным средним статистическим выражением, необходимым для учета суммарного действия рассеивания, производимого отдельными электронами.

Теперь, если мы составим таблицу всех элементов, расположенных в порядке атомных весов, как это делается химиками см. таб. I, для изучения периодического закона, и если мы перенумеруем их, начиная с водорода—1, гелия—2, и так далее, в том же порядке, как на стр. 62, то мы увидим, что получающиеся номера всегда приблизительно равны половине атомного веса. Гипотетически ну-

---

[1]) Т.-е. принимая заряд электрона за единицу: иначе измеряя заряд ядра числом зарядов электрона только с обратным знаком, так как заряд ядра положительный.

Водород 1. H. 1,008 1,008.			
Литий. 3. Li, 6·94.	Бериллий. 4. B, 9·1.	Бор. 5. B, 10·9, 10,11.	Углерод. 6. C, 12·00, 12.
Натрий. 11. Na 23 00.	Магний. 12. Mg, 24·32.	Аллюминий. B. Al, 27·1.	Кремний. 14. Si, 28·3 28;29.
Калий, 19. K, 39·1. Медь. 29. Cu, 63·57.	Кальций. 20. Ca, 40·07. Цинк. 30. Zn, 65·37.	Скандий. 21. Sc, 44 1. Галлий. 31. Ga, 69·9.	Титан. 22. Ti, 48 1. Германий. 32. Ge, 72·5.
Рубидий. 37. Kb, 85·45. Серебро. 47. Ag, 107·88.	Стронций. 38. Sr, 87 83. Кадмий. 48. Cd, 112·4.	Иттрий. 39. I, 88·7. Индий. 49. In, 114·8.	Цирконий. 40. Zr, 90·6. Олово. 50. Sn, 118·7.
Цезий. 55. Cs, 132·81. Самарий. 62. Sa, 150·4. Тулий. 69. Tu, 168·5. Золото. 79. Au, 197·2.	Барий. 56. Ba, 137·37. Европий. 63. Eu, 152·0. Иттербий. 70. Yb, 173·5. Ртуть. 80. Hg, 200·6. 197—204.	Лантан. 57. La, 139·0. Гадолиний. 64. Ga, 157·3. Лютеций. 71. Lu, 175. Таллий. 81. Th, 204·0. IV.	Церий. 58. Ce, 140·25. Тербий. 65. Tb, 159·2. Кельтий. 72. Ke. Свинец. 82. Pb, 207·2. XI.
87.	Радий. 88. Ra, 226 0 IV.	Актиний. 89. Ac. II.	Торий. 90. Th, 232·15. VI.

› большей части были определены непрямым методом Moseley, который будет атомное число 17 атомный вес определенный химическими методами 35,46 цествовать элементов. Номенклатура некоторых из редких земель (69—72) еще ским спектрам, никогда еще не были выделены. Интересно, что в трех слу- ь химических свойств соответствует атомному числу. Заметно также пять от- ческому закону. Интересно соотношение, указанное Ridberg'ом, что атомные ывается на каком-нибудь члене.

Таблица 1.

Азот. 7. N, 14·01 14.	Кислород. 8. O, 16·00 16.	Фтор. 9. F, 19·00. 19.			
Фосфор. 15. P, 31·04 31.	Сера. 16. S, 32·06 32.	Хлор. 17. Cl, 35·46 35, 37.			
Ванадий. 23. Va, 51.06. Мышьяк. 33. As, 74·96 75.	Хром. 24. Cr, 52·00. Селен. 34. Se, 79·2.	Марганец. 25. Mn, 54·93. Бром. 35. Br, 79·92. 79, 81.	Железо. 26. Fe, 55·85.	Кобалт. 27. Co, 58·97.	Никкель. 28. Ni, 58·68.
Ниобий. 41. Nb, 93·5. Сурьма. 51. Sb, 120·2.	Молибден. 42. Mo, 96·0. Теллур. 52. Te, 127·5.	43. Иод. 53. Id 126·92.	Рутений. 44. Ru, 101·7. "	Родий. 45. Rh, 102·9. "	Палладий. 46. Pd, 106·7. "
Празеодин. 59. Pr, 140·6. Диспрозий. 66. Ds, 162·5 Тантал. 73. Ta, 181·5. Висмут. 83. W, 208·0. V.	Неодим. 60. Nd, 144·3. Хольмий. 67. Ho, 163·5. Вальфрам. 74. W, 184·0. Полоний. 84. VII.	61. Эрбий. 68. Er, 167·7. 75. 85.	Осмий. 73, Os, 190·9.	Иридий. 77. Ir, 193·1.	Платина. 78. Pt, 195.2
Уран. XII. 91. II.	Уран. 92. U, 238·2. II.				

описан дальше. Для удобства „изотоны" (также рассматриваемые дальше) тоже даны в этой таблице. состоит из двух изотопов 35 и 37. В случае радио-элементов обозначение иное: римские цифры не установлена. Обозначения здесь тоже что и у Moseley'я. Некоторые из этих элементов, открытые чаях (A и K, Co и Ni, Te и I) замечено, что последовательность атомных весов неправильна, в то сутствующих элементов 43, 61, 75, 85, 87, свойства которых с достаточной уверенностью могут быть числа всех инертных газов представлены рядом изображающимся так: $2(1^2 + 2^2 + 2^2 + 3^2 + 3^2 + 4^2 + ...)$

клеарный заряд является некоторым кратным зарядом одного электрона, экспериментально он есть половина атомного веса, и, следовательно, мы почти принуждены предположить, что порядковый номер элемента в таблице равен числу электронных зарядов его ядра. Мы не можем предвидеть точного соответствия во всей таблице, потому что там могут быть (и есть в действительности) пробелы, соответствующие до сих пор не открытым элементам. Но, исключая это, мы приходим к понятию „атомного числа" для каждого элемента. Атомное число элемента определяется как число положительных электронных зарядов, несомых его ядром, или, что то же самое, как число электронов, окружающих это ядро [1]).

§ 2. Атомное число. (Продолжение).

Потребовалась бы очень продолжительная работа, чтобы получить посредством прямых опытов с рассеиванием α-частиц точные атомные числа. К счастью, это не требуется, так как существует более удобный непрямой способ их определения. Открытие могущественного метода изучения рентгеновских спектров позволило Мозли [2]) исследовать спектры целого ряда элементов. В то время, как видимый спектр имеет очень сложную структуру и обнаруживает ту же самую периодичность, как и химические свойства, для рентгеновских лучей эта периодичность исчезает и заменяется совершенно правильной последовательностью в изменении от элемента к элементу. Уменьшением длины волны по простому правилу каждый спектр можно получить из предыдущего. Таким образом, изучение последовательности спектров раскрывает настоящий порядок элементов и пропуски там могут оказаться лишь благодаря недостающим членам в этом ряду. Оказывается, что метод Мозли дает только разности атомных чисел, а не самые числа. Чтобы определить их, мы должны найти хотя бы одно из них каким-нибудь иным способом. Это не трудно, потому что мы знаем, что гелий должен иметь атомное число 2; и хотя рентгеновские лучи не были наблюдаемы для первых двенадцати элементов, периодическая система вполне правильна в этой области и невозможно думать, что она может заключать здесь какие-нибудь пробелы. Еще более замечательно, что, если экстраполировать формулу для длин волн ренгеновского спектра вплоть до водорода, то она дает

---

[1]) Точнее атомное число равно избытку положительных зарядов ядра, так как в состав ядра входят и электроны. Если в ядре, например, 12 положительных зарядов и 4 электрона, то атомное число будет 12—4=8.

[2]) Талантливый английский физик, убитый при осаде Дарданельских укреплений.

главную линию знаменитой Бальмеровской серии [1]. Поэтому, числа, данные в этой таблице, являются, несомненно, правильными. Формулируя принцип атомного числа, мы сказали, что оно, а не вес, вполне определяет химический характер элемента. Это предположение подтверждается рядом доказательств, которые мы должны теперь рассмотреть. Процесс радиоактивных превращений состоит в испускании ядром α и β—частиц, и это испускание превращает атом радиоактивных тел в атом нового элемента; на основании изучения химических свойств этих производных элементов заключают, что испускание α-лучей смещает элемент на два места влево в периодической системе [2], между тем, как испускание β—лучей смещает его на одно место вправо [3]. Это вполне согласуется с понятием атомного числа, потому что, когда ядро теряет одну α—частицу (то есть ядро гелия с атомным числом 2), его собственное число должно уменьшиться на два, в то время, как потеря ядром β—частицы должна повысить его число на единицу, так как β—частица есть электрон и имеет отрицательный заряд [4]. Изучая все радиоэлементы, мы можем представить несколько цепей превращений, как это показано на таблице 2. Начинаясь с урана 92 и тория 90, эти цепи, насколько мы знаем, все кончаются свинцом 82. Мы увидим, что большинство атомных чисел принадлежит одновременно нескольким элементам. Например, номер 90 имеет ионий, предок радия, так же как и торий и многие другие. Было найдено, что спектры иония и тория совершенно одинаковы и что все химические методы совершенно бессильны отделить их друг от друга. Химически они тождественны, потому что они имеют одно и то же атомное число, но они отличаются природой своих ядер, как это видно из различия их радиоактивных свойств [5]. Такие вещества называются изотопами [6]. Существование изотопов впервые было подтверждено доказательствами из области радиоактивности.

---

[1]) Для рентгеновских спектров установлена была Мозли формула, в которую надо подставлять атомные числа элемента для того, чтобы определить положение его спектральной линии. Если подставить в эту формулу единицу (атомное число водорода), то получается главная линия в серии спектральных линий водородного спектра, установленной Бальмером еще в семидесятых годах XIX века.

[2]) Т.-е. в сторону убывающих атомных чисел.

[3]) В этом состоит так называемый „закон смещения“ Фаянса Содди. Прим. пер.

[4]) При радиоактивном распаде отрицательно заряженный электрон вылетает из ядра атома и следовательно освобождает один нейтрализованный им положительный заряд— атомное число становится в результате на единицу больше.

[5]) Одно и то же атомное число можно составить различным образом, скажем 8 можно составить из 10 положительных и двух отрицательных или 12 положительных и 4 отрицательных.

[6]) Изотоп значит занимающий одно и то же место, подразумевается в периодической системе Менделеева.

92	Уран, Uп			92
91	U_{XII}	Протоактиний		91
90	U_{X_1}, Ионий	U. Y, Радиоактиний	Торий., Радиоторий.	90
89		Актиний	Мезоторий II.	89
88	Радий	Ac. X.	Мезоторий I., Th. X.	88
87				87
86	Эманация радия	Эманация актиния	Эманация тория.	86
85				85
84	Полоний. Ra. C'. Ra. A	Ac. C_2, Ac. A.	Th. C_2., Th. A.	84
83	Ra. E. Ra. C.	Ac. C.	Th. C.	83
82	Pb. Ra.D. Pb. Ra. B.	Pb. Pb. Ac. B.	Pb. Pb. Th. B.	82
81	Ra. C_2.	Ac. D.	Th. D	81

Радиоактивные превращения. В каждом случае продвижение на два номера вниз сопровождается испусканием одной α—частицы, на один номер вверх—β—частицы. Актиний происходит от урана или его изотопа, но эта связь довольно гадательно. Торий С имеет третью ветвь про которую пока мало что известно. Во всех случаях окончательным продуктом считают свинец, но так как он нерадиоактивен, то остается неопределенным сколько изотопов он имеет на самом деле. В таблице I атомных чисел все указанные на этой таблице вещества считались различными, но один был прибавлен чтобы показать возможность существования обыкновенного свинца. По одному было прибавлено также для 81 и 83, чтобы показать существование не радиоактивных типов таллия и висмута.

Ядру, кроме радиоактивной характеристики атома, принадлежит его масса, и это позволяет думать, что изотопы могут различаться массой. Первое указание на это можно получить при изучении таблицы 2. Например уран 92 выбрасывает одну α и две β—частицы и таким образом возвращается вновь к 92; но потеря α—частиц должна уменьшить его вес с 238 до 234 [1]). Тот же самый принцип был экспериментально подтвержден открытием, что атомный вес свинца из радия заметно разнится от атомного веса обыкновенного свинца [2]). Мы увидим в следующем параграфе, что обыкновенные не радиоактивные элементы также имеют изотопы; для удобства они были даны в таблице 1 постольку, поскольку они пока найдены. Здесь, может быть, нужно было бы упомянуть, что теоретически простая разница в атомном весе предполагает также незначительную разницу в химических свойствах, но можно показать, что они во всех отношениях меньше, чем разница между веществами с разными атомными числами, так что отделение изотопов обыкновенными физическими и химическими методами является почти непосильно трудной задачей.

Поэтому, общим следствием наших доводов будет, что атомное число, а не атомный вес, является фактором, определяющим свойства элемента. Есть исключения из этого правила, например: теплоемкость зависит прямо от веса атома, но, помимо этих исключений важная роль, которую химики и спектроскописты придавали в прошлом атомному весу, должна в будущем перейти к атомному числу.

§ III. Ядро.

В предыдущих параграфах мы рассматривали ядро главным образом в связи с понятием атомного числа. Теперь мы вернемся к свойствам самого ядра; но перед этим необходимо сказать кое-что об атоме, как целом. Сравнительно мало известно об электронах, окружающих ядро—не решено даже, вообще, движутся ли они или остаются в покое—но успешное начало было положено спектральной теорией Бора, которая прилагается главным образом к особенно простому случаю водорода. В этой же области Зоммерфельд имел некоторый успех по отношению к спектрам рентгеновских лучей [3]). Хорошо из-

[1]) Изменение же вследствие потери двух электронов ничтожно, так как электрон имеют очень малую массу.

[2]) Теперь установлено, что свинец, взятый из руды, содержащей уран и радий имеет несколько меньший атомный вес, чем свинец, взятый из руды, содержащей торий, и обыкновенный свинец есть смесь того и другого.

[3]) Д. С. Рождественский добился значительного успеха идя в том же направлении; ему удалось установить сходство между спектрами щелочных металлов и спектром водорода; а также вычислить с большой точностью орбиты электронов у атома лития. По его инициативе организована „атомная комиссия“ с участием физиков и математиков производящая вы-

вестно, что здесь, как и во всех вопросах теории атома, недостаточно законов классической механики, и теперь главный метод исследования состоит в осторожном соединении этих законов с теорией квант. Эта теория совершенно несовместима не только с законами механики [1]), но также и почти со всеми допустимыми изменениями их, и ее главное и вполне достаточное оправдание заключается в поразительном успехе, с которым она применяется во многих областях физики.

Мы не будем здесь иметь дело с этими спектроскопическими вопросами, но будет полезно иметь определенное представление о масштабе, в котором построен атом. Размеры его частей так различны, что никокой рисунок не может представить его. Мы здесь будем иметь дело с величинами малости 10^{-16} см. и так как все эти большие отрицательные показатели дают уму мало определенного, то будет удобнее при описании атома увеличить весь масштаб в 10^{-13} раз. В этом масштабе одному сантиметру соответствовала бы длина около двух третей расстояния от земли до солнца. Наружные электроны атома в этом масштабе были бы на расстоянии около километра от ядра, а для более тяжелых элементов внутренние были бы приблизительно на 10 метров от него. Что касается самого ядра, тут есть определенные указания, что оно радиусом меньше чем 30 см. и в то же время, во всяком случае, больше чем 2 см. Другие, требующиеся для нас физические величины будут иметь более гипотетический характер. Мы можем вычислить радиус электрона по теории, что вся его масса исключительно электромагнитная, так как мы знаем его заряд и массу. Этот радиус равен почти 2 см. (в действительности 1,88. 10^{-13} см.) По подобным же вычислениям ядро водорода имеет радиус около одной сотой миллиметра. По той же причине можно было бы предположить, что радиусы более тяжелых ядер также малы как и этот, но это было бы неправильно, потому что мы увидим, существуют определенные указания на то, что большая часть этих ядер обладает сложный строением и построена из электронов и ядер водорода. При чрезвычайной малости тех размеров, которые мы только что рассматривали, не будет неожиданным заключение, что опыты, выясняющие

числения путей электронов, задачи этой комиссии имеют много общего с задачами астрономов, вычисляющих пути планет и комет, поэтому в камиссию были привлечены также астрономы.

[1]) Очень смелое утверждение автора. Здесь речь идет о переходах одного устойчивого движения в другое через ряд неустойчивых типов движения. Этот вопрос в механике еще мало разработан. В электро-магнитной механике атома теперь с успехом применяют т. н. теорию „квант", которая представляет собой замечательное полуэмпирическое правило, смысл которого до сих пор не разгадан, но которое приводит к блестящим результатам. Говорить, что эта теория аблолютно несовместима с механикой, в достаточной мере неосторожно.

строение ядра, должны быть очень трудными. Обратимся теперь к этим опытам.

В первом параграфе, впервые описывая ядро, мы видели, что, если α—частица проходит вблизи него, она описывает орбиту, которая может быть вычислена так, что мы можем найти наименьшее расстояние между ними при встрече. Так как предсказанный закон рассеивания был подтвержден опытом, мы можем заключить, что на расстоянии наибольшего сближения ($3 . 10^{-12}$ см. для золота, по принятому выше масштабу 30 см.) закон силы все еще—закон обратных квадратов [1]. Следовательно, сумма радиусов α—частицы и ядра должна быть меньше, чем это расстояние. Но иной случай был весьма детально изучен Рутерфордом, когда α — частицы проходят через водород, отталкивательные силы между ядрами здесь много слабее, чем у других веществ, так как атомное число водорода равно только 1 (т. е. ядро водорода содержит положительный заряд равный всего одному электрону. Прим. Ред). и поэтому ядра могут сблизиться друг с другом гораздо теснее. Но здесь есть и другая разница, так как у водорода масса ядра составляет только четверть массы α—частицы. Следовательно, если здесь происходит „лобовое" столкновение, водород движется вперед со скоростью большей, чем ударившая его α—частица, а последняя следует сзади с уменьшенной скоростью. Этот новый тип частицы: Н-частица [2]) потом проходит через любое вещество на своем пути, теряя скорость, так же как и α—частицы, и можно вычислить, что, тогда как самые быстрые α—частицы проходять только через 7 см. воздух, быстрейшие из Н—частиц должны проходить через 28 см. (рис. 3) [3]). Опыт подтвердил это предсказание, но когда вычисления были продолжены, чтобы узнать, сколько частиц должно было бы пройти различные расстояния от 28 см. и меньше, была найдена очень большая разница между теорией и экспериментом. Это указывает, что в теории есть что то ошибочное, действительно, сближение между ядрами настолько тесно, что обычный закон отталкива-

---

[1]) Элекрическия притяжения и отталкивания подчиняются закону Кулона; если расстояние между взаимодействующими центрами увеличивается в 2, 3, 4 и т. д. раз, то сила взаимодействия уменьшается в 4, 9, 16 и т. д. раз.

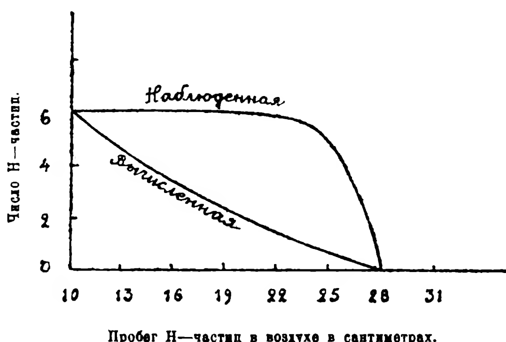
[2]) Н-частица—разогнанный ударом α частицы атом водорода; Н—химический знак водорода.

[3]) А частица обнаруживает свое действие в воздухе при атмосферном давлении на расстоянии 7 сантиметров от своего источника (в данном случае радия С), т.-е. от места где произошел взрыв атома. При прохождении через воздух частица постепенно теряет свою скорость и, пройдя путь в 7 сантиметров, она теряет способность производить какие бы то ни было заметные действия. Потеря способности вызывать заметные действия, например, вызывать заметную глазу вспышку при ударе о слой сернистого цинка, происходит внезапно при достижении некоторой предельной скорости и соответствующей ей величине пробега хороший пример того, как количество переходит в качество.

ния оказывается неприменимым. Этот обычный закон дал бы, как расстояние наибольшего сближения 2. 10^{-13} см. и поэтому мы заключаем что сумма радиусов ядер водорода и гелия больше этого. Теперь, радиус электрона равен почти 2. 10^{-13} см. и совпадение этих двух чисел служит опорой для взгляда, что в ядре атома гелия есть электроны.

Обращаясь теперь к строению ядра, мы видим, что наши первые сведения основываются на изучении радиоактивности. При последовательных радиоактивных превращениях из ядра выбрасываются α и β-частицы. Следовательно, оно должно содержать и те и другие то-

Рис. 3.

Пробег H—частиц в воздухе в сантиметрах.

Из статьи E. Rutherford'a „Столкновение L—частиц с легкими атомами" („Phil. Mag" XXXVII, стр. 549). Значительная разница между наблюденной и вычисленной кривой показывает, что принятый нами закон сил, действующих между α—частичами и H—ядрами, не правилен. В действительности это показывает, что для величины ядра был получен нижний предел (т.-е. ядро должно быть несколько больше, чем мы предполагали, истолковывая результаты измерений с помощью обычного закона взаимодействия заряженных частиц, этот закон на малых расстояниях, повидимому, неприложим). *Примеч. Ред.*

есть ядра гелия и электроны. Потом, мы имеем сведения из Рутерфордовских опытов с превращением элементов, опыты при которых оно происходит, заключается в бомбардировании различных элементов α-частицами. При испытании азота он наблюдал, что получается некоторое количество H-частиц [1]). Так как водород отсутствовал, то мы принуждены заключить, что эти частицы были выбиты из ядер атомов азота; таким образом, мы можем быть уверены, что эти ядра содержат ядра водорода. В позднейшей работе Рутерфорд пошел еще дальше, потому что он нашел другой, совершен-

[1]) Т.-е. атомов водорода.

но новый тип частиц, которые иногда можно выбить из азота и кислорода. Эти частицы имеют массу 3 и атомное число 2 [1]), так что, если бы они были получены в большем количестве, это был бы просто гелий с плотностью на 25% меньше, чем обыкновенный гелий. Остается неизвестным, что происходит с остатком ядра после разрушения последнего. Чрезвычайно интересно в этой работе, что новые частицы двигаются дальше, т.-е. с большей энергией, чем бомбардирующие α-частицы. Если мы перенесем в эту новую область язык химии, мы должны сказать, что эта реакция экзотермична и азот находится в метастабильном состоянии [2]).

До сих пор мы обсуждали особенные свойства отдельных элементов. Следующее указание имеет несравненно более общий характер. Оно заключено в недавней работе Астона о положительных лучах. Эта работа была предпринята, чтобы узнать, какие из обыкновенных элементов составлены из изотопов. Он нашел, что это является верным по отношению к большинству рассмотренных им элементов (его числовые результаты даны в таблице I), но с нашей теперешней точки зрения самым важным результатом является то, что во всех этих элементах атомный вес каждого изотопа был почти точно целым числом: Астон исследовал до сих пор 18 элементов и нашел это правило верным, поэтому мало вероятно, что оно допускает исключения. Но, если это так, то единственной причиной может быть, что все ядра построены из ядер водорода. Что касается массы, то они удовлетворяют нашим требованиям, а чтобы сделать правильными атомные числа, мы должны предположить, что водородные ядра связаны между собою электронами. Например, хлор имеет атомное число 17. Определенный химическими методами, его атомный вес равен 35,5, а Астон нашел, что он состоит из двух изотопов 35 и 37. Поэтому, три четверти атомов хлора имеют ядра, составленные из 35 ядер водорода и 18 электронов, в то время, как для остальной четверти, эти числа соответственно 37 и 20. Это есть возрожденная форма знаменитой гипотезы Проута [3]).

Опыты Астона до сих пор не были достаточно точны для определения некоторых отклонений от закона целых чисел, исключая случая водорода. В этом случае его работа подтверждает результаты,

---

[1]) Существование этих частиц еще не вполне установлено: в последних работах 1921 года Rutherford о них умалчивает.

[2]) Экзотермический—происходящий с выделением тепла; метастабильный—находящийся в относительно устойчивом положении, но при достаточно сильном воздействии переходящий в другое более устойчивое состояние. Избыток энергии выбиваемых частиц свидетельствует об освобождении внутри-атомной энергии.

[3]) Вилльям Проут в начале XIX столетия высказал предположение, что атомы всех элементов состоят из атомов водорода, образуя соединения этих атомов исключительной прочности.

полученные по химическим способам, что атомный вес, вместо того, чтобы быть равным 1, равен 1,008. На первый взгляд это, казалось бы, совершенно подрывает прочность нашего истолкования правила целых чисел, но это не так, и можно, пользуясь аргументами, основанными на трудах Эйнштейна в области относительности, получить ценные указания о возможности уклонения от целых чисел [1]). Теория Эйнштейна предполагает, что всякая энергия должна иметь массу (и также, что всякая масса должна иметь вес). Таким образом, масса ядра гелия (атомное число 2, атомный вес 4) не будет простой суммой масс четырех Н - частиц и двух электронов, но будет содержать в себе массу энергии его образования. Так как гелий легче, чем сумма весов этих частиц, мы заключаем, что эта энергия отрицательна, то-есть атом гелия имеет меньше энергии, чем его отдельные части. Ленц вычислил эту разность и нашел, что она почти соответствует энергии трех быстрейших α - частиц. Таким образом, гелий является чрезвычайно устойчивым веществом, и нет ничего неожиданного в том, что его ядра, когда они выбрасываются в качестве α - частиц, могут переносить, не разрушаясь, очень сильные столкновения [2]). Поэтому же естественно, что при радиоактивном распаде выделяется не водород, а гелий. Кроме того, хорошо известно, что атомные веса многих элементов ближе к целым числам, если мы примем за единицу гелий с его атомным весом, близким к 4, чем тогда, когда мы примем водород с атомным весом 1. Это указывает на то, что во многих атомах большая часть водородных ядер связана между собою в подгруппу гелия.

Таким образом, видно, что в изучении ядра сделано многообещающее начало. Мы знаем, что оно построено из ядер водорода и электронов, что первые имеют сильную склонность образовывать подгруппу гелия. Мы знаем число ядер водорода и электронов в ядрах многих элементов и можем надеяться в недалеком будущем узнать это число у большинства. Ободренные всем этим, мы можем ожидать, что скоро будет создана определенная теория структуры ядра, основанная на точном знании энергии образования различных элементов.

Если при каком либо химическом соединении выделяется много энергии то это соединение отличается большой устойчивостью большой прочностью.

* * * * * *

---

[1]) Это не совсем так; еще задолго до Эйнштейна Дж. Дж. Томсон дал теорию, которая крайне просто об'ясняет излагаемое здесь автором явление; см. статью А. К. Тимирязева: Опровергает ли современная электрическая теория материи материализм?

[2]) Если при каком либо химическом соединении выделяется много энергии, то это соединение отличается большой устойчивостью большой прочностью.

Опровергает ли современная электрическая теория материи—материализм?

За последние двадцать пять лет, благодаря целому ряду новых открытий, возникла и развилась совершенно новая наука—наука о строении атома. Этот выдающийся успех истолковывается присяжными философами, занимающими кафедры во всех университетах Западной Европы и Америки и, в значительной степени, в Р.С.Ф.С.Р как полное крушение старой науки, как окончательное раскрепощение человеческой мысли от, приводящего в содрогание всякого „порядочного" человека, материализма!

В научно-популярной литературе, почти всегда находящейся под исключительным влиянием философов, и очень далеко стоящей от живых источников самой науки, эта точка зрения самым ревностным образом поддерживается и распространяется в широких кругах читателей.

Нельзя не отметить, что и сами представители науки—сами авторы новейших исследований, хотя они в своей работе и остаются почти без исключения последовательными материалистами, сплошь и рядом поддаются общему настроению и в своих, весьма ценных исследованиях, немногими заключительными фразами присоединяются к хору философов буржуазного мира. Что эти заключительные фразы и выводы противоречат содержанию самого исследования, может заметить тот, кто хорошо знает суть дела; а, тот кому хочется во чтобы то ни стало услышать эти выводы, понятно будет всегда утверждать, что перед ним не уступка требованиям „приличия" современного культурного общества, а строго-логические выводы из строго-научного исследования и притом высказанные не кем нибудь, а самими авторами этих ценных исследований.

В самом деле, как часто приходится слышать, что атомная теория окончательно опровергнута, так как ученые делят теперь атомы на части; что материя вообще не существует, потому что теперь выяснено строение атома, состоящего из электрически заряженных частиц, а масса этих частиц не материальная, а электро-магнитная! Наконец, энергия имеет массу, следовательно масса есть свойство энергии, а не материи, бесследно исчезнувшей с горизонта изумленного физика.

Последнее соображение на счет массы энергии затронуто в статье Дарвина, напечатанной в переводе на страницах настоящего журнала. Дарвин излагает дело так, как-будто понятие о массе энер-

гии вытекает только из современного принципа относительности [1]), в дальнейшем мы увидим, что это далеко не так.

Попытаемся дать ответ на все эти возражения. Начнем с самого нелепого; будто раздробление атома опровергает атомную теорию? Если мы заглянем в историю химии, то мы увидим, что великие умы, вводившие в начале XIX века в науку атомную теорию и поставившие эту теорию впервые на прочную почву меры и числа, мыслили, как и подобает всем крупным ученым диалектически, а не метафизически. Приняв, для объяснения основных химических законов—закона постоянства состава и закона кратных отношений существование неразложимых обычными приемами частиц или атомов, они вовсе не предполагали абсолютной неделимости атома; наоборот, уже в 1815 году Вилпам Проут высказал предположение, что атомы всех т.-н. элементов составлены из атомов водорода, который являются чем-то в роде первичной материи и, что кажущаяся неразложимость элементов на составляющие их атомы водорода обусловлена исключительной прочностью этого рода соединений. Эту мысль пытались тогда доказать тем, что атомные веса всех элементов являются кратными атомного веса водорода; как известно, это не удалось. За-то опыты Рутерфорда 1919—1921 года, в которых искусственно были разложены атомы азота, бора, фосфора, натрия и аллюминия, причем в качестве одного из продуктов распада был обнаружен водород, возвращают нас снова к взглядам Проута. О других доказательствах гипотезы Проута в связи с опытами Астона, см. статью Дарвина, напечатанную на стр. (58).

Является ли поэтому современная наука опровержением смелых взглядов основателей научного атомизма, как это хотят изобразить буржуазные философы и их легковерные последователи, предоставляем судить читателям [2]).

---

1) Для характеристики настроения современного ученого мира любопытно отметить статью философа проф. Г. Вильдон'а Карр'а „Метафизика и Материализм", напечатанная в „Nature" 20 октября 1921 года в этой статье доказывается, что преимущество принципа относительности перед всеми другими теориями физики состоит в том, что он наносит „смертельный удар материализму".

2) Как относились великие ученые к вопросу о неделимости атома еще задолго до открытия расщепления атомов лучше всего показывают слова, написанные Д. И. Менделеевым в его знаменитых основах химии: „Для нас ныне атом есть неделимое не в геометрическом, абстрактном смысле, а только в реальном, физическом и химическом. А потому лучше было бы назвать атомы индивидуумами—неделимыми. Греческое атом=индивидууму латинскому по сумме и смыслу слов; но исторически этим двум словам придан разный смысл. Индивидуум механически и геометрически делим и только в определенном реальном смысле неделим. Земля, солнце, человек, муха суть индивидуумы, хотя геометрически делимы. Так атомы современных естествоиспытателей, неделимые в физико-химическом смысле, составляют те единицы, с которыми имеют дело при рассмотрении естественных

Гораздо сложнее вопрос об электро-магнитной массе. В самом начале упомянутой выше статьи Дарвина есть указание, что много лет тому назад Дж. Дж. Томсону удалось показать, что всякое заряженное электричеством тело, должно обладать добавочной массой в силу своего заряда.

Первое указание на эту добавочную электро-магнитную массу встречается в обстоятельном теоретическом исследовании Дж. Дж. Томсона, напечатанном в журнале „Philosophical Magazine“ в апреле 1881 года, т.-е. более чем сорок лет тому назад. Впоследствии Томсон все более и более подробно развивал эти взгляды в своих двух книгах „Новейшие успехи в области учения об электричестве и магнетизме“ [1]), „Электричество и материя“ [2]), а также в речи, произнесенной на годичном собрании Британской ассоциации в Винипеге в 1909 году [3]). И, наконец, в статье „Масса, энергия и излучение“ в 1920 году [4]). Хотя обо всех этих работах знаменитого физика везде отзываются с большим почтением, но их почти никогда и нигде не излагают. Даже более того, когда речь заходит об электро-магнитной массе—основном понятии в современной теории атома, почти никогда не упоминают о том, что это понятие было установлено Томсоном, который, по общему признанию, является едва ли не самым выдающимся из живущих теперь физиков на всем земном шаре. Почему? Потому что даваемое им объяснение электро-магнитной массе и все изложение этого учения ведется с точки зрения самого строгого материализма—о чем вероятно и сам Томсон не подозревает и если бы ему сказали, что он материалист, он может-быть с негодованием стал бы возражать.

В силу своего материалистического характера картина, даваемая Томсоном, очень проста и понятна, а между тем в новейших исследованиях, где на первый план выдвигается формальная математическая сторона, совершенно затушевана физическая картина явления—она по-просту отсутствует, за то в выводах красуются фразы: электромагнитная масса электронов не материальна; электромагнитная масса есть масса энергии, а не материи, как раньше думали, потому что материи вообще больше не существует!

явлений вещества, подобно тому, как при рассмотрении людских отношений человек есть неделимая единица или как в астрономии единицей служат светила, планеты, звезды... (Основы химии стр. 164, 5 издание 1889 г.)

[1]) Recent researches in Electricty and Magnetism Oxford 1898 г.

[2]) Electricity and Matter London 1903 есть немецкий перевод в серии „Wissenschaft“ Vieweg, Braunschweig 1904 г.

[3]) Эта речь имеется в переводе на русский язык, Петербург 1919 г. Исправленный и дополненный перевод этой речи войдет в сборник „Естественно-научные основы материализма“, I часть—физика, издаваемый Госиздатом.

[4]) „Philosophical Magazine,“ June 1920 г.

Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Представим себе шар, имеющий массу M грамм и пусть мы бросили этот шар, сообщив ему скорость v сантиметров в секунду. Механика учит нас, что при этом мы должны были затратить энергию, численно равную произведению квадрата скорости (т.-е. скорость умноженную самое на себя) на массу шара, деленную пополам или $\frac{Mv^2}{2}$. Представим теперь, что мы сильно зарядили электричеством тот же шар и опять бросили его с той же скоростью. Как указал впервые Томсон в 1881 году, нам придется в этом случае затратить больше энергии. В самом деле, движущийся, электрический заряд проявляет все действия электрического тока: он будет, например, отклонять магнитные стрелки, мимо которых мы заставим его пролетать, а на это требуется энергия.

Таким образом, приводя в движение заряженный шарик, мы должны сообщить ему больше энергии, мы должны одновременно „создавать" электро-магнитное поле с его энергией—электро-магнитное поле движущегося заряда. Так как скорость будет по предположению та же, что и раньше, а энергия должна быть больше, то вместо $\frac{MV^2}{2}$ нам придется написать $\frac{(M+m)}{2}V^2$, т.-е. дело происходит так, как будто при той же скорости масса стала больше: вместо M — M+m. Вот эта добавочная масса m и называется электромагнитной массой. Но эта электро-магнитная масса обладает удивительной особенностью, если мы вычислим ее, исходя из основных уравнений электро-магнитного поля, то оказывается, что она непостоянна, что она возрастает по мере возрастания скорости движения, а если эта скорость приближается к скорости света, то электромагнитная масса растет беспредельно стремясь к бесконечности...

Кроме того, если мы хотим летящий, заряженный шар подтолкнуть в том же направлении, в котором он двигается, нам придется преодолеть инерцию массы M+m, если же мы хотим подтолкнуть этот летящий шар под прямым углом к его движению, то дело будет происходить так, как будто нам приходится преодолевать инерцию не M+m, а M+m', где m' электро-магнитная масса „поперечная", которая меньше m—„продольной"; т.-е. эта масса различна, пытаемся ли мы ее продвинуть в сторону, куда она уже движется, или под прямым углом к ее прежнему движению. Но и это еще не все!

Опыты с электронами показали, что у них вся масса электромагнитная и никакой другой нет, что в книжках, за исключением Томсоновских, формулируется как доказательство не материальности электрона, как полный разрыв с механикой Ньютона, где нет никакой

продольной и поперечной или изменяющейся со скоростью массы, а есть одна постоянная и неизменная.

Постараемся теперь выяснить какую наглядную и простую картину нарисовал Томсон для этих таинственных, но строго установленных теперь фактов. Для этого рассмотрим сначала несколько простых примеров из области механики, примеров, имеющих некоторое сходство с упомянутыми выше фактами.

Пусть у нас имеется твердый шар, который погружен в воду и мы привели его в движение под водой, толкнув его в ту или другую сторону. Если бы вода удовлетворяла требованиям идеальной жидкости—не имела следов вязкости, то шар двигался бы по инерции с неизменной скоростью. Какую требуется сообщить энергию шару, чтобы заставить его двигаться в воде со скоростью v? Оказывается, что к массе шара M при расчете энергии надо добавить некоторую массу окружающей его воды: получится $\frac{M+m}{2}v^2$. Почему?

Потому что двигать шар в воде нельзя иначе, как двигая при этом воду. Шар будет толкать воду перед собой и она струйками будет обтекать его, заполняя прежде занятое им место, а для того, чтобы привести в движение воду, нужна энергия. Итак, масса воды увлекаемая движущимся шаром является аналогией электро-магнитной массе. Как мы увидим дальше, Томсон электро-магнитную массу так и считает за массу увлекаемой электроном среды—эфира. Но аналогию можно провести еще и дальше. Пусть шар у нас полый с очень легкими но вместе с тем прочными стенками, а из полости пусть выкачан воздух самым совершенным из существующих насосов.

Тогда мы приближаемся к случаю электрона, у которого вся масса—масса электро-магнитная, движущаяся масса практически сводится к массе воды, окружающей легкую шарообразную оболочку, а внутри шара будет пустое пространство.

В примере движущегося шара, из которого выкачен воздух, само собой разумеется нет никакого опровержения материализма: движется материя, а расположена-ли она внутри шара или снаружи—это конечно дела не меняет; к приведенному примеру очень близко подходит практически часто встречающийся случай—движение пузырьков воздуха в воде, так как воздух приблизительно в 1000 раз легче воды, то масса воды приводимая в движения пузырьком во много раз больше содержимого пузырька.

Представим себе теперь, что в воде находится не шар, а цилиндр и представим себе, что он двигается параллельно оси, т. е. торцем вперед: при своем движении он будет также двигать воду; таким образом, при расчете энергии потребной для приведения в движение цилиндра, надо принять в расчет не только его собствен-

ную массу, но и массу воды увлекаемой цилиндром—это и будет попрежнему аналогия электро-магнитной массы. Теперь предположим, что мы стали двигать под водой цилиндр в направлении, образующем прямой угол с его осью. При таком боковом движении он будет увлекать с собой больше воды: он не будет так легко „разрезать“ воду как при движении торцем вперед. Добавочная масса воды будет в этих двух случаях разная—вот, следовательно, пример из области механики на „продольную“ и „поперечную“ массу, опять таки не заключающий в себе ничего таинственного и непонятного.

Остановимся еще на одном примере из той-же области, который поможет нам разобраться в более сложных электро-магнитных процессах. Положим, что мы имеем ряд, погруженных, в воду цилиндров, которые движутся перпендикулярно к их осям и все расположены параллельно друг к другу; оказывается, что если цилиндры стоят близко друг к другу, они увлекают при своем движении больше воды, чем если они отстоят друг от друга на больших расстояниях. Таким образом количество воды, увлекаемое при движении твердого тела, погруженного в воду зависит от того двигаются ли рядом с ним другие тела и близко ли или далеко они расположены [1]).

Переходим теперь к основному вопросу о движении электрического заряда. Со времени Фарадея в науку введено понятие о т.-н. силовых линиях или силовых трубках. Эти линии на опыте наблюдаются следующим образом. В расплавленный парафин, к которому подмешана угольная пыль, опускают, подвешенный на шелковинке металлический, заряженный шарик. Дадим парафину затвердеть. Разрезая затем затвердевшую массу парафина по различным направлениям ножем, мы увидим, как вкрапленные в нем угольные пылинки располагаются по направлениям радиусов, погруженного в парафин заряженного шарика (см. рис. 1). Получается картина, как-будто из центра шарика по всем направлениям выходят эти, отмеченные угольной пылью, линии—это как раз направления, по которым действуют силы притяжения и отталкивания: для заряженного шара эти силы всегда направлены к центру или от центра. Фарадей приписывал этим линиям, заметным для нашего глаза, благодаря присутствию угольной пыли, реальное существование, а Томсон в 1881 году высказал предположение, что эти линии представляют собой род вихревых ниток в эфире, которые при своем движении увлекают с собой часть окружающего их эфира [2]) из которых в свою очередь они сами

[1]) J. J. Thomson „Elektricität und Materie“ p.25 Vieweg Braunschweig 1904.

[2]) В настоящее время даже Эйнштейн, отрицавший недавно существование эфира, заполняющего собой все пространство, считает его необходимым для своей теории „всеобщей относительности“.

состоят, на подобие воронкообразних вихрей, возбуждаемых в воде веслом. Эти силовые линии по Томсону, при своем движении увлекают эфир также, как твердые цилиндры увлекают воду в разобранных нами примерах.

Разобрав детально этот вопрос Томсон показал, что чем быстрее будет двигаться заряженный шарик или электрон, тем больше силовых линий соберется в области его экватора EQ (см. рис. 2). Здесь происходит примерно то же, что происходит с полуоткрытым зонтиком при ходьбе против ветра: зонтик сам открывается и совершенно ясно, что итти против ветра с полуоткрытым зонтиком легче чем с

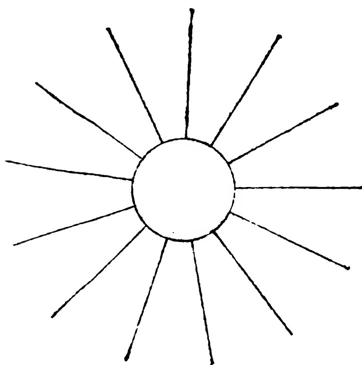

Рис. 1.

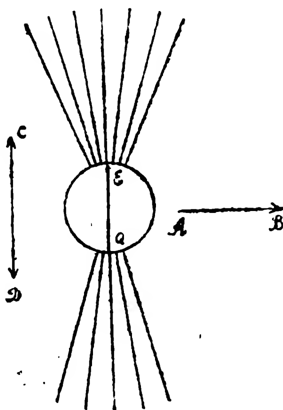

Рис. 2.

открытым: открытый зонтик больше увлекает с собой воздуха. Таким образом, по Томсону, наглядно объясняется таинственное возрастание электро-магнитной массы в зависимости от скорости. Чем быстрее движение, тем гуще в экваториальной области скучиваются силовые линии, так как в таком положении они оказывают большее сопротивление движению, а всякое тело движется именно так: сухой лист с дерева падает всегда плашмя, а не в разрез. С другой стороны, чем гуще расположены силовые линии, тем больше вещества каждая из них захватывает с собой из окружающей среды. Точно также наглядно объясняется разница между продольной и поперечной массой. Представим себе, что мы сделаем попытку сообщить добавочную скорость в направлении AB рис. 2. Нам придется привести в движение

гораздо больше вещества окружающей среды, чем если мы попытаемся продвинуть нашу систему в направлении СД, когда наши цилиндры—силовые линии скотавшиеся в области экватора должны будут двигаться почти все торцем вперед.

Это объяснение изложено Томсоном в целом ряде цитированных сочинений, удостоившихся самых похвальных отзывов, но нигде, кроме как у самого Томсона, такого изложения нет. Содержание его работ в несколько измененном виде, не изменяющем однако существа дела, обыкновенно излагается формально математически по рецепту Маха, рекомендовавшего пользоваться исключительно „точным описанием, составленным по принципу экономии", устраняя всякия попытки „метафизических объяснений"; а в результате, испугав читателя „продольными" и „поперечными" не материальными массами, ему говорят, что никакой материи не существует!

В заключение остановимся на затронутом в статье Дарвина вопросе о массе энергии. Этот вопрос был также подробно разработан Томсоном. Мы видим, что густота силовых линий определяет количество, захватываемой ими, среды—эфира, т.-е. того, что составляет движущуюся массу; но где гуще линии, там больше электрические силы—там больше энергия самого поля сил. Таким образом, если мы станем на точку зрения электрической теории материи и будем рассматривать энергию положения частиц, составляющих атомы, как энергию электрического поля, то каждому изменению взаимного расположения частиц, сопровождающемуся изменением энергии будут соответствовать изменения густоты сетки, связывающих отдельные заряженные части силовых линий, в ее различных частях, а отсюда и масса, увлекаемого этой сеткой, эфира. Теперь к этим вопросам подходят с другой стороны, исходя из принципа относительности; при этом совершенно утрачивается та ясная конкретная картина, которую нарисовал Томсон, пытаясь связать во едино эфир, материю и электричество...

Но самый сильный аргумент в пользу взглядов Томсона мы можем почерпнуть из истории науки за последние десятилетия: его взгляды опережали опыт; все же „новейшие толкования" [1])

---

[1]) Весьма характерно начало последней статьи I. I. Thomson'а в июньской книжке Philosophical Magazine 1920 года, развивающей точку зрения, принятую автором еще в 1881 г.

„Задачу настоящей статьи составляет попытка дать изображение физических процесов с помощью физических-же понятий. Это—попытка помочь тем, кто любит дополнять чисто аналитический прием обработки физических явлений еще и таким, который позволяет рассматривать физические процессы, как действия некоторых моделей. Эта статья написана для тех, кто, говоря коротко, при рассуждениях не менее охотно пользуется образами, чем символами".

тех же самых задач возникали после опытных исследований. Таким образом, наглядные рассуждения и образы, развитые Томсоном послужили толчком к той длинной цепи экспериментальных и теоретических исследований последних десятилетий, которыя дали нам новую теорию строения вещества и которыя представляют собой одно из самых блестящих завоеваний человеческой мысли.

А. Тимирязев.

* * * * * *

С крестом и богом против материализма.

„Они ищут пути на небо по той простой причине, что сбились с дороги на земле.

Г. В. Плеханов.

I.

О том, что материализм является революционной философией, всего упорнее помнит буржуазия.

И не мудрено.

Буржуазия на своем опыте прекрасно убедилась, каким могучим оружием для нового класса, стремящегося преобразить общество, является материализм.

Нужно только поражаться тому относительно слабому интересу, который проявляет пролетариат к этому испытанному в боях оружию.

В свое время буржуазия не так смотрела на дело. Она самые тяжелые и сокрушительные удары старому миру наносила именно этой палицей. Вспомните французскую буржуазию XVIII в., кануна и времен Великой французской революции? Весь ее передовой авангард сверху до низу был пропитан идеями последовательного материализма: у нее в мировоззрении не оставалось ни единого уголка для таинственного, для богов различных форм и видов, она, наряду с тем, была чистой воды атеистом.

Энгельс прекрасно изобразил в своем предисловии к английскому изданию „Разв. науч. соц.“, как материализм, в начале исключительно „аристократическая доктрина“, обнаружил вскоре же свой „революционный характер„ и стал доктриной буржуазии—„Французские материалисты не ограничивали своей критики областью религиозных вопросов; они подвергли также критике все научныя традиции, все политические институты своего времени“... Так материализм—в форме ли открытаго материализма, или в форме деизма—стал мировоззрением всего образованного молодого поколения Франции. Дело дошло до того, что в эпоху великой революции это учение дало французским

республиканцам и террористам теоретическое знамя и помогло им выработать текст „Декларации прав человека“ (сб. „Ист мат.“—стр. 174). Да и наша буржуазия, как она ни молода была, как ни ублюдочно было ее появление на общественную арену, а тоже начала с самого сокрушительного материализма. Вспомните Базарова и его друзей нигилистов. В поисках за оружием действующим наверняка молодая российская буржуазия ухватилась за точные науки, за материализм Молешата Бюхнера и др. Этот материализм 50-х годов страдает очень многими ошибками, однако он обладал одним несомненным достоинством—он был революционен. А этого только и искала наша буржуазия.

Бытие определяет сознание. Материалистическая теория побеждает и крепко водворяется в сознании буржуазии молодой, развивающейся, потому что ее практика выбивала почву из-под ног всякой теологии, всякой метафизики. Маркс совершенно правильно отмечает что жизнь буржуазии„ склонялась к непосредственной действительности, к земному миру, к мирским наслаждениям и к мирским интересам. Ее антитеологической, антиметафизической, ее материалистической практике должна была соответствовать антитеологическая, антиметафизическая, материалистическая теория. Метафизика практически лишилась всякого кредита“ („Л. Фейербах“—стр. 49). Тогда, в начале своего жизненного пути капитализм был революционен, революционное бытие вызывало к господству революционную теорию.

Но именно вследствие того, что материализм—революционная философия,—окончив свою революцию, буржуазия спешила похоронить его, дискредиретивать и обесценивать его, не безоснования, опасаясь, что в случае, если он дойдет до сознания народных масс, то ей не сдобровать.

Вслед за Великой французской революцией наступила эпоха жестокой реакции против материализма: добившись разрушения феодализма буржуазия призвала к своей защите бога, приправляя его самыми разнообразными соусами. Для простонародия он подносился в виде карающего за непослушание и нарушение „священных прав собственности“, для „просвещенных“, насквозь раз'еденных скептицизмом буржуа—в виде более утонченных систем идеалистической философии, где бог принимает попеременно то одно, то другое, приличествующее его сану прозвище.

После каждой революции наступало это „возрождение религии“. Было оно и после нашей революции 1905 г. Кто не помнит богоискательтсво и богостроительство и т. д. эпохи 908—910 г.г.?

Было бы ошибкой, однако, одинаково оценивать все послереволюционные походы против материализма.

Идеализм начала XIX столетия, явившийся реакцией против материализма XVIII в., был гигантским шагом вперед. Диалектический идеализм „изучал вещи в их развитии, в., их возникновении и уничтожении“ в противовес материалистам XVIII в, которые рассуждали как настоящие метафизики „рассматривающие и изучающие вещи отдельно и независимо одна от другой“. В применении к социальным явлениям диалектический метод произвел целую революцию. Можно без преувеличения сказать, что мы обязаны ему пониманием истории человечества, как закономерного процесса. (Г. В. Плеханов).

Не то теперь, когда современный материализм стал на научную почву. Впитав в себя диалектический метод Гегеля—современный материализм стал наукой, а всякая попытка идеалистических школ преодолеть его приводит их прямехонько в лоно теологии.

И не мудрено. После Великой революции буржуазия, победившая феодализм, развивалась с неудержимой силой—точка зрения развития была лишь идеологическим отражением фактически господствующей тенденции капитализма.

И в естественной истории и в общественных науках и, прежде всего, в философии, буржуазия настойчиво выдвигала точку зрения развития, движения, ибо на практике ей было куда двигаться, была в капитализме внутренняя сила, потенция развития.

После 48 года буржуазия начала бешеный поход против точки зрения развития, тем самым обнаруживая лишь, что она если не сознает, то ощущает близость своей гибели, близость „перерыва в развитии“. Проповедуя точку зрения покоя, она лишь возводила в степень истины свои желания.

Но это ее не спасет, как не спасет ее ни один бог, чем бы он ни был и кем бы он ни был выдуман, ибо точка зрения развития не погибла, как не прекратилось само развитие—ее унаследовал новый класс, в ком устремлений и напора ничуть не меньше, чем у буржуазии в лучшую молодую пору ее жизни, а перспективы—несравненно более далекие.

В дни войны и нашей революции буржуазия еще более чем когда бы то ни было убедилась в непрочности своего положения: „поэтому—и сегодня—она отнюдь не пренебрегает—„духовным оружием“, а ее идеологи употребляют все усилия для того, чтобы очистить философию от „разрушительных“ элементов“ [1]).

Все умственное движение Западной Европы сейчас идет под этим знаком. Под этим же знаком развивается мысль самой битой

[1]) Плеханов.

(еще не добитой, но уже достаточно битой) буржуазии—русской буржуазии.

Ее идеологи и за границей—в эмиграции, и по сю сторону границы, сегодня единодушно подняли руки к небесам, взывая о помощи и стремятся затуманить сознание народных масс фальсификацией науки.

Оба процесса ведут к одному и тому же—преодолению материализма, который все более и более охватывает сознание народных масс.

Поразительно ясным проявлением этой тенденции идеологов русской буржуазии,—борьбу с революцией начать с низвержения в сознании народных масс материализма,—является последний номер „Русской Мысли".

Мы не отозвались бы ни единым словом на этот журнал черной реакции, самой нелепой и оголтелой, если бы означенный номер не представлял из себя програму и, по нашему мнению, крайне характерный, для всей русской буржуазной интеллигенции, документ.

II.

Весь номер посвящен предметам высоко душеспасительным.

И рассказы, и стихи, и мемуары, и статьи, и заметки—все посвящено вопросу о боге, о безбожности нашей интеллигенции, о необходимости дать народу отнятую у него религию, о великой предстоящей роли православной церкви и т. д. и т. д.

Во всей этой хандру наводящей куче нас занимают лишь две—три статьи, наиболее яркие и характерные, хотя не одинаково ценные и талантливые.

Самая слабая со всех точек зрения статья—С. Метельникова посвященная теме „Материализм и мировая катастрофа"—является одной из самых симптоматических явлений последних месяцев.

Мы говорили, что статья С. Метельникова весьма слабая статья; она, кроме того и не умная статья, в ней столько самых ребяческих ошибок, что ради перечисления их мы должны были бы переписать половину его статьи. Это скучное занятие, мы ограничимся лишь несколькими примерами: говоря о роли и значении философского миросозерцания, он пишет: „Господствующее миросозерцание это есть тот духовный фундамент, на котором строится вся культура данной эпохи. На этом фундаменте строятся науки, исскусства, литература и даже современная мораль, и все человеческие отношения (разрядка моя—В. В.).

Это даже с точки зрения буржуазного ученого—не умно.

Вот еще один поразительный пример: „Ни одна наука не сде-

лала так много для утверждения научного и экономического материализма, как немецкая наука и немецкая социал-демократия. Нужно ли удивляться тому, что в самый ответственный и трагический момент мировой истории эта наука и господствующая немецкая партия оказались не на стороне права и человечности, а на стороне бронированного кулака" и т. д.

Это все доказывает как безнадежно ограничен наш автор и как мало он способен усвоить.

Однако и в своей ограниченности он способен говорить некую долю правды, а самое главное, он способен всего проще и без прикрас излагать программу действия в будущем.

„Ни для кого не секрет—пишет наш автор—что господствующим философским миросозерцанием изжитой эпохи был материализм. Вот уже более 70 лет, как материалистическое мировоззрение господствовало безраздельно во всех странах мира".

Это и верно и не верно.

Верно в том смысле, что наука за последнее столетие неустанно работала над обогащением багажа материализма, она каждый день приносила все новые и новые доказательства правильности материализма, она каждым своим новым открытием и изобретением все более и более изгоняла богов и неведомых сил из своего мировоззрения, не оставляя ни единого уголка для анимизма.

Вспомните вы только основные этапы развития естественной истории за последнее столетие—этот путь, проделанный естественными науками, может быть без всякого преувеличения назван путем от идеализма к диалектическому материализму, не осознанным учеными, но вполне усвоенным наукой.

Неверно в том смысле, что несмотря на такое победоносное шествие материализма в науке, идеологи буржуазии запирали все добытое ею в глубь, в лаборатории и из материалистической науки делали идеалистические выводы и построения, и вместо науки подносили народным массам обновленную теологию, фальсифицированную науку. Ученые—идеалисты подносили миру материалистическую науку в своем освещении, от чего наука далеко не выигрывала. „Быть философом и религиозным человеком считалось совершенно несовместимым с настоящим научным мышлением"—это опять-таки не то.

Буржуазная интеллигенция сама действительно думала о себе так, была (да и теперь есть) мало религиозна и философию заменила уже давно бухгалтерией. Но на ряду с этим она считала своей священной обязанностью поддерживать попов и поповщину в народной массе, резонно считая это надежной мерой против „бунтов" и анархии, против „беспорядков" и революций.

Буржуа имел основание так думать,—уже революция „санкюлотов“ его отрезвила весьма основательно. „Разве эпоха террора в Париже не показала что получается, когда у народа отнята его религия?“ (Энгельс).

Повторяем, расчет его был не безоснователен, однако буржуазия и ее идеологи упустили весьма незначительную малость из виду, что когда передовые идеологи высших классов „рекомендуют массам“ такие „истины“, над которыми сами же они насмехаются в своем кругу, тогда является та опасность, что их настоящий образ мыслей сделается, наконец, известным народу и распространится в его среде“ (Г. В. Плеханов.)

Так оно и случилось, но что задела Метельниковым до этого? Они ничему не научившись в первой попытке фальсифицировать науку—теперь предлагают ее фальсифицировать другой раз.

Наука до сих пор преодолевала религию и философию; об‘ясняя все явления природы, она область за областью вырывала у философии. Исторические взгляды Маркса нанесли смертельный удар философии в истории „как диалектический взгляд на природу делает ненужной и невозможной всякую философию природы. Теперь задача заключается не в том, чтобы п р и д у м ы в а т ь связь, существующую между явлениями, а в том, чтобы о т к р ы в а т ь е е в с а м и х я в л е н и я х. За философией остается, поскольку остается, лишь область чистой мысли“ (Ф. Энгельс).

Метельниковым это не нравится, они хотят вновь связать науку по рукам и ногам религией и философией, ибо „только благодаря этому обособлению от философии можно об‘яснить весь успех материализма в науке, так как в сущности уже давно материализм как философская система, потерял всякое (!) значение“—давно потерял „всякое значение“, а был „господствующим философским миросозерцанием изжитой эпохи“! Но не в этом дело. Дело в том, что Метельников желая обругать материализм, лишь похвалил его. По его мнению, как только наука отдаляется от философии и религии— она становится материалистической и что материалистическая философия обнаруживает тенденцию сливаться с наукой.

Это, по мнению Метельникова, порок материалистической философии, это, по нашему мнению, ее величайшее достоинство.

Сила материализма, по мнению нашего глубокомысленного автора, в его атомистической теории и механическом мировоззрении. Но отчего это самое механическое мировоззрение не может быть без атомистической теории? „Можно представить себе мир, в котором господствующим началом является, не атом, а разум, который нуждается для осуществления своих целей в материи и определенном механизме“. Отчего нельзя? Все можно; но прежде всего можно и должно

сказать, что господин Метельников ни бельмеса не смыслит не только в материализме—это бы дьявол с ним,—а вообще в философии. Атом, по учению материалистов, никаких целей не осуществляет. Атом для материалиста не бог, а рабочая гипотеза и поэтому-то наука отбросила как ненужную ветошь бога и разум и взяла для своих работ за основу теорию атомов.

Физика и химия, по мнению Метельникова, должны доказать, что атомистическая теория ложна, а биология—что дарвинизм—чепуха. Помилуйте, везде в результате этих теорий появились в мире такие страшные и дикие теории, как теория борьбы за существование и классовой борьбы: „борьба, звериная борьба, насилие, взаимное истребление, борьба класса против класса, сильного против слабого необходимы для общего прогресса“ так якобы думают люди воспитанные на учении Маркса и Дарвина.—Не приведи боже слышать, как ограниченный человек философствует:—у него всегда и все примет невероятно плоский вид. Что же нужно делать по его мнению благомыслящим защитникам священной собственности?

Нужно похерить материализм и дарвинизм и на его место вновь воздвигнуть... храмы божие, монастыри—вместо обсерваторий, часовни—вместо метеорологических станций, пустыни—вместо электрических станций, вместо громоотводов—кресты.

„Мы можем спорить о значении религии и морали в жизни общества и государства, мы можем сомневаться в существовании бога или даже просто отрицать его, но одно несомненно, что без религии в настоящее время народ жить не может“. (курсив мой В. В.)

Вы помните поговорку: если хочешь узнать тайну соседа, веди беседу с его дурашливым сыном? Господин Метельников—дурашливый сын буржуазии и выдает все сокровенные тайны своего класса, свои желания и помыслы.

Не так откровенны более умные и более хитрые идеологи буржуазии.

III.

Вот хотя для примера господин профессор П. И. Новогородцев,—этот не сболтнет, лишнего не скажет. Все у него отмерено, хорошо обдумано, взвешано. Как бы скользкая ни была тема—он все же никогда не скажет, подобно своему придурковатому брату: „ты хошь верь, хошь не верь, а народным массам внушай веру и божий страх, смирение и почитание богатых“.

Иностранный институт Аахенской высшей технической школы пригласил П. И. Новгородцева прочесть доклад на тему „православная церковь в ее отношении к духовной жизни новой России“. Уж

на что скользкая тема, какой-нибудь Метельников взял бы да и ляпнул какой-либо вздор, а вот П. И. Новгородцев шелковым голосом, мерно покачивая бородкой, доказывает своим иностранным слушателям, что в России „лучшие писатели, составляющие славу и гордость ее, действительно, обращали свои помыслы к православной церкви и под ее влиянием творили свои лучшие мечты“, что „для духовной жизни новой России православная церковь была самым ярким источником света: она была опорой для русского культурного идеала, и основанием для мечты о высшем об'единении человечества“. Он это говорит серьезно, внушительно, говорит так, что и слушатель и читатель вполне уверены, что он сам глубоко верует и почитает церковь и поповский сан. Он это говорит и забывает, что если за него невежество и неведение его слушателей-иностранцев, для которых Россия вряд ли не продолжает оставаться страной, где в городах по улицам среди бела дня ходят белые медведи—то против него русская история и литература.

„Лучшие писатели“,—а перечислил, так вышло, что в числе этих „лучших“ не оказалось добрых $^9/_{10}$ всей русской литературы, ибо по отношению к православной церкви свыше девяноста девяти сотых русской литературы были враждебны, во всяком случае совершенно независимы и ничем не обязаны ей. Ибо такова уже была православная церковь (как и впрочем всякая церковь. по-своему, в ином виде), что зависеть от нее, быть связанным с ней, означало зависеть, быть связанным с царским самодержавием; а ведь даже западно европейскому филистеру не безизвестен общий оппозиционный характер русской литературы.

Я не говорю об атеистах и социалистах—даже более религиозные люди гнушались церкви, как одним из царских департаментов.

Вспомните вы только имена Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова, Короленко, вспомните массонов в начале XIX в., разночинцев 30—40 гг., народившуюся молодую буржуазию 60—80 гг.

Я уже не упоминаю о русской прогрессивной интеллигенции, которая до первой русской революции была сплочена против православной церкви, о просветителях 40—60 гг., о народниках и иных.

Новгородцев плохо знает историю „новой России“.

Но он плохо знает и историю церкви.

Нынче любой школьник прекрасно знает, что с самого дня своего возникновения православная церковь была рабыней самодержавной крепостнически-феодальной власти. Начиная с времен Владимира до самого момента свержения Николая, православная церковь была лишь орудием в руках у самодержца, дворян и князей, и не только орудием в переносном, но и в прямом смысле этого слова, для обуздания масс, для затемнения их сознания. Да разве только затемне-

ние сознание народа? Кто же как не церковь была самой яростной поборницей введения крепостного права и самой бешенной противницей его упразднения?

Церковью пользовались нередко, как прекрасной агентурной сетью; „крамольников" ловили через попов на исповедях!

„Опора русского культурного идеала"!

До какой степени жалка была роль православной церкви в русской жизни, показывает между прочим и то обстоятельство, что в то время, как в Западной Европе буржуазия начала свой поход на феодализм с разрушения католической церкви, „великого международного центра феодальной системы" — русской буржуазии ни разу за все время своей борьбы с феодализмом и крепостничеством ни в одном вопросе не пришлось сталкиваться с православной церковью, даже вопросы о свободе вероисповедания российская буржуазия ставила и решала без заметного участия церкви.

И если „великая борьба европейской буржуазии против феодализма" началась с реформации и уже затем перешла в революцию, то только потому, что роль церкви на Западе была весьма значительная.

В нашей же благословенной стране в борьбе между „народом" и самодержавием церкви выпала на долю лишь роль мелкого пособника самодержавия, средоточия мракобесия, темноты и невежества, ибо ее роль в жизни была ничтожная.

Нас здесь не интересует почему это так получилось, какие специфические, экономические условия создали такую ситуацию — мы лишь констатируем факт.

И тот факт, что стоило только народу нашему несколько открыть глаза, как он так стремительно отшарахнулся от церкви—разве не доказывает лишний раз, как безнадежно далека была православная церковь от русского народа в своей близости к русским крепостникам и царям?

Такой ничтожный авторитет церкви в России и был причиной того, что в решительный момент роль церкви в деле защиты „священных прав собственности" была ничтожно мала и революционному русскому народу—его трудящимся классам разрушить церковь и ее оковы не стоило никаких трудов и жертв.

Проф. Новгородцев думает, что в революции больше всего повинен „коммунистический атеизм Маркса и Энгельса", охвативший широчайшие народные массы.

Он прав, конечно. Если это перевести с языка теолога на язык марксиста и социолога, то это означает, что из всех классов пролетариат всех более „повинен" в революции. В этом нет ничего нового, и в устах иного оратора это показалось бы банальностью, для Новгородцева это—свежая истина.

Но ведь „коммунистический атеизм“ пролетариата охватил широчайшие крестьянские слои,—самая казалось бы прочная опора церкви—где же, в каком углу остался еще носитель „искони-русской“ религиозности?

Это все не русское,—ровным голосом, с шелковыми переливами усыпляет своих заграничных слушателей господин профессор, — это все „ввозное“, „наносное“, „чужое“, это традиции нашего западничества, которое само представляет из себя ничто иное, как слепое поклонение перед Западом.

Против этого напора „европейского просвещения, с рационалистическим скептицизмом и равнодушием к религии“ в России была лишь одна сила, которая устояла против напора европейского просвещения и сохранила в своей первобытной неприкосновенности способность к развитию и росту“—православная церковь.

И в этом большая доля правды: за исключением православной (и других в неменьшей степени) церкви, вся русская жизнь европеизировалась и продолжает поныне перестраиваться на западный лад

Революция показала с очевидностью дня, как ничтожно мало это убежище темноты мракобесия и неподвижности. Ибо Россия до самой глубокой толщи оказалась „европеизированной“—не совсем, не до конца, но достаточно для того, чтобы отвернуться от своего прошлого к своему будущему, несмотря на церковь, которая действительно единственная „сила“ (если бы в ней была сила), которая устояла в своей консервативной косности страшному напору истории.

Но когда Новгородцев говорит: „характер русского благочестия со всей силой своей проявился именно за последние три года, когда в борьбе с привезенным с Запада марксистским атеизмом русская церковь не только не ослабела, но возросла и окрепла“, он несомненно обнаруживает в себе человека парижских кафе, но ни в какой мере не исследователя, русского эмигранта, мечтающего о том, когда же это „православие“ преодолеет марксизм и поможет буржуазии победить революционный пролетариат, но никак не безстрастного свидетеля... впрочем этого от него никто не ждал.

Было бы ошибкой думать, что Новгородцев считает только марксизм чуждым русскому духу (коренное свойство которого, по мнению почтенного профессора, „мистицизм и религиозность“). Все западническое крыло нашей общественной мысли об‘явлено чуждым русскому духу, носителями „навеянных со стороны идей“—вот что он говорит: „Не эти (западнические—В. В.) подражательные течения представляют собою подлинное выражение самобытного творчества русской мысли. Результат заимствования, плод преклонения перед Западом, не они дают представление о самостоятельном русском культурном идеале“. В розысках за

такими „самобытными“ он останавливает внимание своих слушателей на „носителях русского религиозного сознания“—Чаадаеве, Хомякове, Гоголе, Достоевском, Карташеве, (!) Булгакове (!) ...

Нельзя бороться с „коммунистическим атеизмом“, не преодолев западничество и его тенденции. Восстановить авторитет церкви, ее влияние на народные массы (без чего немыслима победа над революцией) можно лишь преодолев западничество, а последнее мыслимо лишь старыми лозунгами славянофильства...

Итак, борьба с марксизмом есть борьба с западничеством русской общественной мысли, марксизм ныне единственно законный наследник западничества и единственно истинный социализм. „Марксизм является самым настоящим и притом единственно настоящим социализмом“. Бороться с другими „видами“ социализма—пустая трата времени, они не опасны для буржуазии, лишь марксизм, последовательный диалектический материализм является реальной опасностью для буржуазии.

Итак, борьба с атеизмом и марксизмом есть борьба с западничеством, с традициями великой русской культуры, с Белинским, Чернышевским, Герценом, борьба под славянофильскими знаменами Хомякова, Гоголя, Достоевского и др., на которых чуть виднеется выцветшая надпись: „Православие... самодержавие... народность“.

Если этого еще прямо не говорит Новгородцев, то это совершенно открыто проповедует П. Струве.

IV.

В проспекте „Русск. Мысли“ на обложке сказано: „имя ее („Р. М.“ —В. В.) редактора достаточно определяет характер возобновляемого литературного предприятия“...

Такая самоуверенная реклама сделана не без весьма веского основания. П. Струве—„имя“, это знамя для целой эпохи и целого слоя русского народа. Тем больше значение его слов, как симптом, как „программа“ для битой, сброшенной на земь, но еще не добитой русской буржуазии.

Он не приемлет революцию. Для него все что сделано революцией—болезненно; „новой России“ нет, есть лишь „больная Россия“ которую нужно л е ч и т ь. Чем? Р е л и г и е й и и н т е р в е н ц и е й, восстановлением непрерывности „русской государственности“,—т. е. самодержавного строя и яростным искоренением материализма.

П. Струве говорят: „Вы не верите в русский народ“, не принять революцию, значит идти против воли русского народа; но Струве не возражает, что он против народа, но какого? „Метафизический народ - означает—народный дух, выражающийся в подлинных и проч-

ных мыслях и творениях. Это есть прочный элемент в потоке настроений, чувств и мысли".

Этот „метафизический народ" не содержит в себе ни единого конкретного человека, это не народ русских рабочих, крестьян, ремесленников и т. д. Это народ вообще, „его дух" который и выражается в таких высоко нематериальных вещах, как „прочные мысли" (т.-е. предрассудки—В. В.) и т. д. „... Установление этого понятия есть дело религиозно-метафизической мысли..." Этот народ Струве приемлет.

Но иное дело эмпирический народ, народ включающий в себя русских рабочих, крестьян и т. д. „Эмпирический народ—означает большинство либо всего населения, либо тех классов и слоев его, которые удостаиваются наименования народ".

„Эмпирическое понятие народа совпадает с тем, что в данный исторический момент приемлет, т.-е. положительно желает или же насильно претерпевает"... „Этот народ" большинства и меньшинства ничего общего не имеет с „подлинным„ народом.

„В чем выразился лучше и полнее дух русского народа, в согласии ли его на похабный Брест-Литовский мир и последующее разложение и расчленение Державы Российской под диктовку своих русских и инороднических коммунистов-интернационалистов или в том, что тот же русский народ своим стихийным напором под водительством исторической власти в течении веков строил великое государство и на основе государственной мощи созидал великую культуру?".

Этот эмпирический народ теперь не захотел работать „под водительством исторической власти" и решил большинством созидать свою культуру без „исторической власти", значит нужно это большинство подчинить „исторической власти"—эмпирический народ—метафизическому.

П. Струве выдумал себе прекрасную теорию: народ захотел решать свою судьбу сам?—расстреливать его, ибо этого требует... „метафизический народ".

„Только таким образом и можно спасти"... карманы банкиров, которым с таким рвением служит „истинно русский"—П. Струве! Но кроме физического уничтожения „эмпирического народа" у него есть одно средство—это уничтожить в этом эмпирическом народе всякую охоту смотреть вперед, жить будущим.

„Только через культ и идеализацию прошлого в его целом и его непрерывности может возродиться русский национальный дух. Самое злостное, самое ядовитое, самое ужасное в большевизме,—а большевизм во всех его выражениях есть подлинное существо ре-

волюции—есть преступный, отцеубийственный разрыв с великим национальным прошлым"...

Как видит читатель, я был прав. Лозунгом русской буржуазии стал лозунг: „Православие, самодержавие и народность"..

Мы начали статью с того, что констатировали поход на материализм „с крестом и богом", а пришли как-будто к тому, что за пазухой у буржуазии есть еще кое-какие камушки.

Однако это только кажется. Интервенция, как оружие борьбы за самодержавие („восстановление исторической непрерывности")—это лишь угроза битой картой.

В арсенале у русской буржуазии осталось лишь это—й последнее—оружие, против пролетариата и его миропонимания.

Сбитая с дороги на земле—ей ничего не остается как искать путь к спасению на небе.

Но эти „небесные пути" не безопасны рабочему классу, поскольку буржуазия и ее идеологи пути эти, в конечном счете, готовят для русского мужика и малосознательного рабочего.

Преодолеть буржуазию з д е с ь, на этом поприще, дело величайшей революционной важности, преодолеть же мы можем лишь упорной, настойчивой и систематической пропагандой материализма и атеизма.

Буржуазия не без основания считает в числе своих главных врагов на ряду с большевиками также и Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Лаврова и др. Русские просветители революционеры и на них рабочая молодежь должна учиться бить буржуазию. В наши дни занятие теорией считается „пустым" занятием: наши товарищи практики по горло занятые практической работой часто забывают какую величайшую роль сыграла наша марксистская теория в пролетарской революции. Они забыли прекрасные слова Г. В. Плеханова: „Товарищи-практики, не пренебрегайте нашей теорией, ибо она есть незаменимое средство практических успехов". Сегодня об этом же нам идут предостережения из вражеского лагеря.

Будем сражаться с врагами наиболее острым оружием: самое острое наше оружие—наша теория.

В. В.

* * * * * *

Нострадамусы XX-го века [1]).

С первого взгляда может показаться странным, что в нашей краткой заметке мы соединяем как будто бы такие несоединимые вещи, как „Мысль и Слово" Г. Шпета (напр. статью этого автора о скептицизме) с такими вещами, как сомнамбулические прорицания почтенного автора „Noctes Petropolitanac" проф. Карсавина, но что же делать, когда во всех поименованных выше изданиях красной нитью проходит идеалистическая философия, от которой так и хочется предостеречь всякого здорового читателя, особенно молодого. Мы, конечно, не можем подробно заниматься рассмотрением всех теологических измышлений ученых метафизиков, но за то должны хотя бы кратко указать на те бесподобные перлы, какими блещет российская академическая философия. Раскрываем книжку „Мысли" и находим здесь статьи таких столпов нашей университетской философии, как Э. Л. Радлов, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, обращаемся к книге „Мысль и Слово" и видим там такие имена, как Л. Шестов и Г. Шпет и, видя это, мы вправе задать себе вопрос, что она нового дала этим людям наша бурная, полная катаклизмов эпоха, какой факел истины несут они нам?

И вот когда обращаемся к этим людям науки и знания, то находим у них только средневековое мракобесие и сомнамбулическое бессмысленное бормотание. В самом деле, вот статья проф. Карсавина „ О свободе". Здесь (стр. 59) прямо нас отсылают сначала в церковь: „Всякая более или менее продуманная и глубокая философская система приводит нас к идее абсолютного бытия или Бога и мыслит это абсолютное бытие, как совершенное, простое всеединство"... Утвердившись в этой спасительной истине, проф. Карсавин продолжает: „Но если абсолютное бытие существует, а наше обладает хотя бы малейшей степенью реальности, наше будущее должно, как и прошлое и настоящее наше, в полной мере существовать в Боге и для Бога". Как человек последовательный и бесстрашный, проф. Карсавин признает и все выводы, вытекающие из только что приведенных утверждений, а именно „пророчества и видения будущего". На страницах нашего журнала уже отмечалось то удивительное явление, как этот почтенный ученый с бесстрашием и последовательностью договорился до того, что поверил сам и старается уверить других в том, что средневековые алхимики, философы, теологи и в частности Нострадамус совершенно правильно предсказывали будущее. Это уже известно читателю нашего журнала, как должно быть известно и то, что другой „столп" русской философии Н. Лосский, идя по стопам своего соратника проф. Карсавина, не только утвер-

[1]) („Мысль"—журнал петербургского философского общества Akademia.—Петербург. 1922 г. № 1. „Мысль и слово". Философский ежегодник, издаваемый под редакцией Г. Шпета II, 1. Москва 1918—1921 г. Изд. С. И. Сахарова).

ждает веру в истинного Бога, но просто служит литургию или панихиду смотря по обстоятельствам. В любопытной заметке „Д. В. Болдырев“ Н. Лосский, говоря о смерти этого ученого, повествует следующее: „Общение Дмитрия Васильевича с сверхчувственным миром придавало необыкновенную мощь его религиозным идеям и чувствам. Стоя у постели любимого отца в момент неотвратимо приближающейся смерти его, он читал над ним молитву с такою силою и спокойствием, какие может дать лишь вера в Царствие небесное, достигшая степени видения и постижения высшего, чем то, какое получается из знания вещей, наблюдаемых чувственным оком. За несколько минут до своей смерти Д. В. молился: „Пресвятая Богородица, спаси меня, я не хочу умирать. Я так молод еще, у меня жена и маленький ребенок, и неоконченный философский труд; когда я окончу его, тогда скажу: Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, и умру с миром“. Не знаю, как у кого, а у меня это место заметки почтенного философа вызвало умиление: ведь вот поди, подумали, некоторые прочие философы надевают рясу, как напр. о. Сергий, а зачем это, когда и в мире и без рясы подобно Лосскому и Болдыреву можно общаться с сверхчувственным миром и Пресвятой Богородицей? Но быть может это общение с сверхчувственным миром свойственно теперь только петербургским профессорам философии, а что касается московских ученых, то они не склонны к литургийным действам? Увы! И московские философы не уступают в этом отношении петербургским. Обратимся к московскому ежегоднику „Мысль и Слово“. Раскрываем книгу на стр. 76 и находим там статью М. Гершензона. Она так и называется „Видение поэта“. В этой статье автор занимается изучением „неисследованных еще наукою глубин человеческого духа“. Эти „глубины“, оказывается, и составляют „природу смутного стремления“ находящегося в душе поэта. Это стремление „точнее всего... может быть очерчено терминами Платоновской философии. Платон учит, что душа до ее рождения в теле обитает в мире непреходящих сущностей; там она созерцает чистые образы, забываемые ею в момент рождения. Всякое знание человека, выражающееся в понятиях, есть не что иное, как воспоминание души о виденных ею когда-то образах. И вот, когда в земной своей жизни душа, вникая в понятие, вспоминает свое первичное созерцание, ею овладевает жгучая тоска по ее небесной родине, по тому миру неизменных идей, в котором она жила некогда и в который должна вернуться; эту тоску Платон называет любовью, эросом. Перечитывая наших великих лириков, можно подумать, что все они изучали Платона и усвоили его учение об Эросе“.

„...Это гениально выразил Лермонтов в стихотворении „Ангел“: звук песни, которую пел ангел, неся молодую душу на землю, остается в душе „живой, но без слов“, и она томится на свете, потому что скучные песни земли не могут заменить ей тех небесных звуков. Все творчество почти представляет как бы непрерывное усилие припомнить забытые слова небесной песни“. Мы извиняемся перед читателем за длинную выписку, но мы при-

вели ее здесь, чтобы читатель сам убедился, что существенной разницы между петербуржцем Лосским и Болдыревым, совершающим некое литургическое действо, и Гершензоном, представляющим поэта по Платону, право, нет никакой. Что это действительно так еще виднее из другой статьи „Ophis'a" помещенной в том же сборнике Г. Шпета. Статья эта носит название „Огненное слово" и суть ее состоит в том, что „в схоластических теологических схемах и построениях Эригены легко найти решения вопросов, волнующих современность. Теофания утверждает тожество конечного и бесконечного в самосознании. В нем обретают окончательную действительность дотоле отвлеченные понятия творящей и сотворенной природы. Диалектика этого понятия есть целость и синтез дотоле нами разобранных проблем и решений (философии Гераклита, Лейбница и Гегеля В. Н.) Поскольку теофания не есть простое явление, но Богоявление т.-е. обнаружение абсолютной субстанции мира, постольку Бог знаем. В самосознании идеальное и реальное совпадают". Читатель, надеемся, уже понял, что по сути дела между петербургским Лосским и московским Ophis'ом нет никакой разницы, ибо ведь по мнению московского журнала Скот Эригена не только опережает до него живших мыслителей, но его теофания разрешает и жгучие проблемы настоящего. А чтобы ясней было, почему Эригена возводится на такую недосягаемую высоту, напомним только, что Скот Эригена, живший в IX веке учил, что все происходит от Бога и все в Боге.

Теперь ясно, что нет никакой разницы между мракобесием проф. Карсавина, признающего истинность предсказаний Нострадамуса, и московским журналом, утверждающим, что в 20-веке философская мысль не подвинулась дальше учения средневекового схоластика.

Читатель понимает, что, пожалуй, и не следовало бы заниматься такой чепухой, как описания Радлова, Лосского и Ophis'а, если бы не одно маленькое и поучительное обстоятельство.

Обстоятельство это заключается в том, что современная буржуазная не только философская, но и вообще научная мысль переживает глубокий кризис, при чем кризис этот, перелом знаменует не преддверие новых научных достижений, а как нам кажется, бесповоротную и решительную гибель буржуазной науки. Когда мы пишем слово наука мы разумеем не физику, химию, математику и вообще естествознание, а область так называемых гуманитарных дисциплин. Впрочем даже область естествознания умирающая буржуазия пытается повернуть назад, стоит только вспомнить, напр , знаменитую теорию относительности Эйнштейна и попытки на ней укрепить уже поколебленное здание идеализма или, напр., Богдановские схемы, построенные на идеалистических основах Маха и Авенариуса. (См. напр., вывод Н. Морозова, к которому он пришел, излагая принцип относительности: „значит, единственно абсолютной мерой всяких величин в окружающем нас мире являемся мы сами и всякая конечная функция f (x), формулирующая любое явление в природе, есть функция нашего сознания и больше ничего" стр. 87 статьи

Н. Морозова „Принцип относительности и абсолютное“. Также и последние выводы самого Эйнштейна насквозь идеалистичны, как это видно из его статьи об аксиомах геометрии).

В области же общественных и философских дисциплин ныне господствует исключительная тяга к самым отдаленным истокам теологии. И за что бы ни брался современный буржуазный ученый, за философию, историю, психологию, этику—он в конечном счете приходит к Господу Богу и, без сомнения, критике социализма. Взгляните в маленькую книжечку Э. Л. Радлова „Этика“. И здесь вы находите рядом с критикой социализма—возвращение в лоно Господа Бога. „Единую цель,—говорится в этой книжечке на стр. 55-ой,—в отличие от разнообразных, преследуемых человеком, целей, мы найдем лишь в том случае, если поймем смысл жизни; смысла же искать в конечном—дело безнадежное; все указывает на связь жизни с трансцендентным“. Нас поэтому не удивляет, что Радлов, признающий трансцендентное т.-е. в конечном счете метафизическую функцию, на стр. 13 заявляет, что „современный социализм, утверждающий, якобы, новое жизнепонимание, в действительности представляет синтез античной и христианской морали“ и потому „главный недостаток социалистического синтеза заключается в том, что проповедуя рай на земле, он тем самым подсекает главный стимул для совершенствования человека“; нас не удивляет, что Г. Шпет помещает в своем ежегоднике старую (правда появляющуюся впервые) статью Вл. Соловьева, критическую заметку о работе Л. М. Лопатина „Положительные задачи философии“; во всем, и в работах Вл. Соловьева, и в тех же „Положительных задачах философии“ Л. М. Лопатина под прикрытием ученой фразеологии проглядывает все та же метафизика и, стало быть, в конечном счете все они, и покойные Вл. Соловьев, и Лопатин, и здравствующие пр. Карсавин и Ophis скатываются либо в об'ятия к Пресвятой Богородице, либо в об'ятия Эригены с его теофанией.

(См. напр. признание Лопатина о своей философии, что „в ней идет речь о трансцендентных допущениях и предположениях знания“... Предисловие ко второму изданию магист. дис. Лопатина „Положительные задачи философии“, ч. I.)

Нас даже не удивляет, как могут ужиться в одном доме все же разнообразные сочетания, как Ophis, Гершензон и Г. Шпет со своей, во многих отношениях интересной статьей о скептицизме.

Статья Г. Шпета „Скептик и его душа“, действительно, во многих отношениях интересна; в ней довольно подробно и оригинально разсмотрен и проанализирован fundamentum скептицизма, при чем автор исходит из рассмотрения пирроновых положений Секста Эмпирика, не касаясь в подробностях аргументации позднейших представителей скептицизма.

Нас это не удивляет, ибо кризис переживаемый наукой, так же велик, как и тот кризис, который захватил самые основы буржуазного общества.

Этот кризис буквально подтачивает все основы буржуазной науки; нет

области, в которой бы буржуазная наука не бросалась не только у нас в России, но и на Западе, назад, к самому чистейшему идеализму и даже теологии.

Шпенглер, Макс Шеллер, пытающийся заложить „первое основание систематическому построению естественной теологии", Розенцвейг, по которому философия и теология становятся неразрывными, Карсавин, дошедший до средневекового суеверия—все это явления одного и того же порядка, результат колоссального потрясения, переживаемого миром.

Нельзя рассматривать средневековые обедни Карсавина, как, скажем, плод расстроенного воображения профессора, поверившего в шабаш ведьм и средневекового козла; один человек может свихнуться, но когда рядом с проф. Карсавиным другой, не менее его ученый академик Бехтеров, как это нам уже пришлось отмечать ранее, серьезно уверяет, что есть связь между количеством солнечных пятен и большевистским переворотом, когда он серьезно убежден, что можно создать политический гороскоп; когда такой деятель, как бывший марксист, Бехтерев в своей социалогии, отрицая Маркса, приходит к источникам уже превзойденной и разлагающейся буржуазной науки, когда Эйнштейн и Н. Морозов, опираясь на данные естествознания, каждый по своему упираются в метафизику, мы начинаем понимать, что здесь нечто большее, чем литургийное или панихидное действо какого нибудь чудака Болдырева или Лосского.

Очевидно, тот сдвиг, какой переживает мир, потряс до основания и все устои буржуазной мысли. Думается, что тот хаос, который царит теперь в буржуазном мире, пожалуй, можно сравнить с тем хаосом и падением цивилизованного общества, которые наблюдались в эпоху великого переселения народов, когда разлагающаяся римская цивилизация трещала по швам под могучими ударами новой, только что возникавшей цивилизации. Ведь тогда и теперь менялись самые основы общества, его экономика.

Тогда на место рабского хозяйства выдвигалась феодальная собственность, теперь на смену капиталистическому миру, частной собственности идет новый мир, коммунистический. Происходит колоссальный сдвиг экономических основ, а это отражается в головах одних, как гибель, а в головах других, как торжество новых начал. Действительно, в борьбе буржуазии с феодалами были все же меньше затронуты самые основы общества, чем ныне, когда не должно остаться камня на камне от старого мира.

Вот это сознание неминуемой гибели, эта мысль, что нет возврата к старому и порождает даже в головах буржуазных ученых такие неожиданные результаты, как возврат к теофании Эригены рядом с такими колоссальными достижениями, какие совершаются, скажем, хотя бы в области электротехники.

Вот как характеризовал умонастроение высшего, т.-е. образованного римского общества за несколько десятков лет до его окончательной гибели, современный писатель Аммиан Марцеллин, умерший в конце IV века.

Описав разврат и порочность знати, он продолжает: „К тем постыдным порокам присоединяется у них смешное суеверие, оскорбительное для здравого смысла. Они доверчиво выслушивают предсказания гадателей, которые думают открыть знаки их будущего величия и счастья во внутренностях жертвы; большая часть их не осмелится взять ванну, пообедать, выйти на прогулку, не посоветовавшись с правилами астрологии о положении Меркурия или вида луны. Забавно встречать такое суеверие в людях, зараженных возмутительным скептицизмом и осмеливающихся отрицать или подвергать сомнению существование всемогущего Бога".

Как человек эпохи перехода от старого римского мира к новому феодально-буржуазному обществу, когда рушились, как карточные домики, целые царства, когда рушились самые, казалось, незыблемые устои, когда над хаосом, царившим внизу в сфере экономических отношений, царил хаос и в области идеологии, как человек той эпохи беспомощно то хватался за самую крайнюю мысль скептицизма, то с покаянием повергался в прах перед старыми богами отцов, так и современный буржуа, чувствуя, как под его ногами колеблется самое основание здания, где он живет, замечает колебание и его идеологии и беспомощно то хватается за самые непреложные выводы естествознания, то устремляется в мрачные тайники средневековья и, надевая на себя рясу, начинает петь гимн теофании, приемлет Нострадамуса, сочиняет политический гороскоп или попросту без затей шепчет в молитвенном экстазе: „Пресвятая богородица, спаси нас". Гибелью, тлением, средневековым мракобесием веет ныне от буржуазной философской мысли. Философия мертвой реакции—вот как можно назвать все писания буржуазных философов нашего времени. Классу будущего, даже если его ждут временные поражения и неудачи, нечего ждать и брать от этой философии в такие моменты. И чем обширнее и солиднее научный арсенал, каким располагает буржуа-философ, тем хуже и тем опаснее для пролетариата. Всенощное бдение, которое служит проф. Карсавин или литургийное действо, совершаемое Лосским и Ophis'ом, легко распознает самый неискушенный в метафизической терминологии пролетарий; куда труднее разбирать, а значит и опаснее такие учения, которые опираются якобы на науку, фактически стоят на той же почве, что и открытый идеализм.

Мы, приветствуя откровенность проф. Карсавина и его собратий по духу, вместе с тем, указывая на русских последователей Маха, Авенариуса и прочих идеалистов, наших эмпириомонистов и подобных им „последовательных марксистов", должны сказать пролетариату: „бойтесь данайцев, приносящих дары".

В. Невский.

* * * * * *

„Бессмертная пошлость“ и „Похвала праздности“.

(Заметка о мистических экстазах Ю. Айхенвальда.)

Юлий Айхенвальд в литературе фигура хорошо известная и своеобразная, по крайней мере так уже издавна принято думать. У него есть свой психологический подход к выяснению различных литературных моментов и явлений. Он избегает шаблонов и к каждой теме пытается подойти как-нибудь особенно, непохоже на других. Временами он оригинален, временами парадоксален, временами бесплодно цветист. Всем этим он привлекает к себе внимание, особенно буржуазной молодежи.

Недавно Айхенвальд выпустил книжку „Похвала праздности“. Это сборник, в который вошло девять статей, перепечатанных автором из разных газет и сборников. Каждая статья в отдельности, да и сборник в целом, не несет вклада в жизнь. Со страниц его веет старым, старым мистицизмом, который опять начинает просачиваться в жизнь, насаждаемый буржуазной интеллигенцией. И он особенно вреден теперь, когда в силу многих экономических условий переходного времени приходится считаться со многими пережитками прошлого, в том числе с идеализмом и мистицизмом, которые мешают росту и развитию новой жизни, новой идеологии и психологии. Это историческая необходимость. Прыжок в царство свободы, о котором писал Ф. Энгельс, сопряжен с величайшими трудностями, особенно в нашей земледельческой стране он не так быстр, как думалось и хотелось нам, и на наших новых одеждах мы несем в новое царство много праха, которого не успели и не сумели стряхнуть. Не оригинальность сборника, а сознание необходимости борьбы с чуждыми новой жизни течениями, рожденными еще в недрах мрачного прошлого, заставляет нас писать об Айхенвальде. Мы не будем останавливаться на всех статьях сборника, особенно с чисто литературной окраской, а попытаемся в схематических контурах дать идеологический и психологический портрет автора и показать, куда он сам идет и куда других зовет.

В центре мира Айхенвальд ставит человека. Судьба его печальна; если ему не суждено окончательно и бесповоротно погибнуть в сетях обывательщины, мещанства, грубо материальных интересов, то он поднимется на высоту духа в бесконечно отдаленные времена. Судьба поставила человека в довольно глупое положение, которое автор характеризовал словами „бессмертная пошлость“. Человек принадлежит „двум царствам, — царству свободы и царству необхо-

димости". Он состоит из духа и плоти. „Он — и то, и се, ни то, ни се".

На протяжении многих страниц автор безнадежно бьется над поставленной проблемой, спрашивая у своего читателя: „кто может по совести, по умственной совести, научно определить, где специфичность и где примат человеческий—в матерьяльном или в идеальном, в стихийном и сознательном начале нашего бытия".

Айхенвальд мог бы найти научный ответ; он имеется и не составляет непроницаемой тайны, но, к сожалению, автор с сознанием своего превосходства гордо отвернулся от целого мировоззрения, которое охватило значительную часть передового человечества и которое покорит весь мир. Мы говорим о материализме. Но для таких людей, с такой „тонкой душой", как Айхенвальд и ему близкие, материализм—цинизм, хотя и поднимающийся до величия. „Материализм, как известно (по утверждению смелого автора), не выдерживает самой снисходительной критики, его вдребезги разбивает теория знания". Айхенвальд—спиритуалист. Для него принципиально неопровержимо, что сознание определяет бытие, а не наоборот — сознание определяется бытием. Он исступленно твердит: Cogito egro sum. Вне спиритуализма он видит только нигилизм.

Мы не только не разделяем этой точки зрения, но и считаем ее глубоко пагубной. Она не дает возможности не только вырешить, но и правильно поставить проблему.

Идея дуализма, души и тела, в известной мере санкционирована не только идеалистическим направлением мысли, но и материализмом. Дю Буа-Реймон, исходя из материалистических предпосылок, доказывал, что первичные ощущения не есть результат движения атомов. А Оствальд, заменив материю энергией, пришел к признанию особого вида энергии, „психической энергии". В действительности дуализма духа и тела нет, нет двух параллельных рядов, материального и духовного. Мы отрицаем учение о психо-физиологическом параллелизме. Есть один ряд. Передовые современные физиологи это прекрасно сознают. Макс Ферворн, применяя принципы дарвиновского учения к психическим явлениям, пишет: „если психические процессы в самом деле обусловливаются морфологическими и физиологическими свойствами мозга, то они в качестве органических функций его должны обусловливаться теми же факторами, которые господствуют над всем органическим развитием". Раз так, то и ассоциации мыслей находятся в полном соответствии с опытом. Кант доказывает, в учении об ассоциациях, что „соединение не дается вещами, не может заимствоваться у них восприятием и лишь затем приниматься рассудком"; мы отвергаем это положение и вместе с М. Ферворном утверждаем, что „наше логическое мышление разви-

валось в теснейшей связи с явлениями внешнего мира и продолжает находиться под его постоянным, неусыпным влиянием“ [1]).

Мы далеко не во всем согласны с М. Ферворном в его философских построениях, но нам достаточно было сослаться на его физиологические исследования механики душевной жизни, чтобы парализовать поэтические фантазии Айхенвальда о дуализме тела и духа, фантазии рожденной в весьма отдаленные от нас времена.

Не смотря на явно дуалистическую точку зрения, Айхенвальд силится уверить читателя, что он монист. Мы можем согласиться с одним только, что он хочет быть монистом, так как по его философским соображениям „монизм—отвага, дуализм—робость; монизм—стиль, дуализм — бесстильность; монизм художественнее дуализма, потому что монизм, это—скорость; дуализм, это — растянутость“. Эта поэтическая аргументация так же мало убедительна, как и все остальное. Автор является спиритуалистом дуализтом. Он сам сознает топорность своего противопоставления души и тела, но он не хочет „расщеплять и утончать понятия и испытывать их на оселке теории познания“. Да если бы он и попытался, то дело не поправилось бы. У всякого мировоззрения есть своя логика. Трагедия человеческого бытия остается. Своим сознанием, духовным началом человек стремится в высь, к небу, к Ариэлю, особенно поэты, художники, философы, но „мать-сыра земля тянет его к себе“, Калибан не пускает в лазурную высь. И хотя человек не опускается ниже предельной черты пошлой материальности, и даже понемногу, медленно, медленно приближается к Ариэлю, все-таки он осужден, как маятник, на качание между Калибаном и Ариэлем. Эта трагедия Айхенвальда вызывает у него много громких фраз. Разве не унизительно, спрашивает он, сознавать себя частицей вселенной? В силу этого „человек не может быть не пошл,—в этом наше несчастье“. Человек, действительно, есть только часть вселенной, но не вся вселенная, и в этом мы не видим абсолютно ни трагедии, ни пошлости, ни безысходности положения. Если бы автор в своих суждениях исходил не из оды „Бог“ Державина, отражающей весьма грубое примитивное миреотношение человека, а из положений диалектического материализма и хотя бы чуть-чуть проникся соответствующими блестящими страницами, например, Г. Плеханова, он не выдумывал бы от нечего делать несуществующих трагедий и не вынуждал бы писать статей.

„В моменты мистического экстаза“ автор восполняет себя „до Целого, до Абсолюта“, но „экстаз озарение кончается“, и он возвра-

---

[1]) М. Ферворн. „Развитие человеческого духа“. Одновременно мы хотели бы обратить внимание на статью Потовье „О развитии форм мышления“.

щается „на относительную тусклую землю“. В доказательство своей „истины“ Айхенвальд ссылается на поэта Тютчева:

О, смертной мысли водомет,
О, водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорно преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Фонтан имеет свою трагедию. Его вода поднимаясь в высь, падает на землю. Есть эта трагедия и у автора. Его слова часто поднимают его до мистического экстаза, но всякий раз он валится на „относительную землю“. Но ведь Айхенвальд не человечество, и пути развития человечества не движение фантазии, хотя бы красивое, но бесплодное. Это легко понять, чуть-чуть припомнив историю развития человеческой мысли и вообще жизни. Человек живет „в эмпирически данной необходимости“, общий характер его эпохи определяет его деятельность. Это сторона необходимости; „но раз,—как писал тот же Плеханов,—его общественное положение выработало у него именно этот, а не другой характер, он не только служит орудием необходимости и не только не может не служить, но и страстно хочет и не может не хотеть служить. Это страна свободы и притом свободы, выросшей из необходимости, т.-е., вернее сказать,—это свобода, отождествившаяся с необходимостью,—это необходимость, преобразовавшаяся в свободу“ [1]). Это не глупое, пошлое трагическое положение фонтана, а положение творческое, активное, вечно подвигающее человечество вперед и вперед, к преодолению несовершенных форм человеческого общежития, к познанию и одолению природы. Границы нашего познания не ограничены, путь тернист, но мы идем per aspera ad astra, а не как фонтан, бьемся бесплодно на одном месте.

Словом выдуманная Айхенвальдом трагедия бытия человечества не существует, она реальна только для автора. Верный и покорный сын капиталистического общества, твердо блюдущий его символ-веры, глубокий индивидуалист, он носит в себе ту болезнь спиритуалистического дуализма, которая задерживает развитие человечества, но которая преодолена значительно материализмом. Мы можем посочувствовать больному но не в силах его вылечить,—болезнь вековая, застарелая. Мы же, материалисты и марксисты, чувствуем себя великолепно; выдвигая на первый план не личность, а массу, мы умеем

---

[1]) Г. Плеханов. К вопросу о роли личности. Сборник „За двадцать лет“.

ставить личность в нужное взаимоотношение с окружающим. Эти частицы создают великое целое, которое нас радует, поднимает, дает экстаз не мистический, а самый действенный, и он в свою очередь двигает нас все выше, все ближе и ближе к Ариэлю.

Основное противоположение духа и материи и порабощение первого начала вторим естественно влечет за собой целый ряд других ошибок и нелепостей в поэтической философии Айхенвальда. Он убеждает нас со своей абсолютной точки зрения, установленной еще богом в раю, до изгнания оттуда первых людей, что „духовной личности человека подобает больше покой, чем труд, больше игра, чем усилие". Он даже берет смелость утверждать, что „в сознании человечества труд, это—кара, а не первоначальное естественное состояние человека". Мы, конечно, знаем, что конечный идеал не физический труд, тяжелый и непомерный; путем техники мы стремимся превратить его в игру, но мы не можем согласиться, что наше идеальное состояние покой. Покой ведет к остановке жизни. Этого не хочет даже сам автор. Он хочет труда-игры, а это не покой. Создавшееся противоречие в „системе" автора об'ясняется его непониманием, что такое труд. Он не определяет труда с физиологической точки зрения, но признает два вида труда: физический в грубом смысле и умственный, творческий, радостный. В этом старом противопоставлении много путаницы и предрассудков. И грубо физическая деятельность и умственная есть деятельности физические, связанные с определенным расходованием нервной системы, с радостью и гнетущим переутомлением. Физический труд, даже не будучи игрой, может приносить великую радость, и умственный труд, который далеко не всегда игра, может быть очень тягостным, механичным. Мы предпочитаем делить труд на другие две категории: организаторский и исполнительский труд. Чисто исполнительский труд нуден, скучен, тяжел, организаторский, наоборот, дает радость, удовлетворение. Мы стараемся их сблизить, возложив все тяжелое и механическое на плечи стального раба—машины. Но покой тут, конечно, не причем.

Мы целиком присоединимся к утверждению автора, что „предрассудок, будто один лишь труд и прилежание воспитывают наш нравственный мир". Это верно как дважды два—четыре. Но когда автор говорит, что „белоручка не должен непременно обладать темной душой", мы считаем долгом раскрыть смысл этой мистической фразы. Что значит темной душой? Безнравственной. А что такое нравственность? Чем она создается? Бытием. И вот это бытие белоручки дает ему такую „нравственность", такую светлую душу, что он, употребляю сравнение В. О. Ключевского, как тульский помещик подвержен космополитизму, читает соответствующие книжки, а в промежутки времени, в часы отдыха, ходит на конюшню смотреть, как

порют провинившихся девок. Это светлая или темная душа? Не только темная, но даже и черная.

Но ведь Айхенвальд все это знает; он мечтает труд переложить на машину, а себе оставить творчество. А творчество разве не труд? Разве оно не требует физического напряжения, разве оно не сопряжено с утомлением, с радостным и тяжелым? И как примирить творчество с ленью? А ведь автор, пытаясь восстановить положение, установленное в раю, заявляет, что „наше обычное состояние—лень, и не то ли в природе—сила энергии, что в душе—сила в лени“ И не противоречит ли эта чехарда мыслей и слов другим утверждениям автора, где он развивает мысль, что „под игрою надо понимать труд (курсив наш) в удовольствие, труд без труженичества и напряжения, способный настолько взволновать и заинтересовать, что в этом качестве своем, т.-е. как труд именно, он уже больше не ощущается.“ Все это чепуха. Полное игнорирование законов физиологии, пустая, никчемная и даже не поэтическая игра в слова.

„Вольный сын эфира“, человек, хочет именно вольности и покоя; так думает Айхенвальд, как и всякий буржуа,—но он ее не найдет ни в наши дни, ни в далеком будущем. Настоящая вольность ему непонятна и ненужна, он против нее протестует, а покой неосуществим, потому что „все течет“, как утверждает в согласии с Гераклитом сам автор.

Окончательный вывод из всех этих суждений автор сделал довольно странный: он за восьмичасовой рабочий труд. Это как будто не соответствует ходу его рассуждений. Он, очевидно, надеется, что, начав с 8-часового рабочего дня, человек постепенно придет к абсолютному покою, к лени—к первоначальному своему состоянию в раю.

Путаница основных положений в мировоззрении Айхенвальда накладывает свой отпечаток на все частные его суждения по тем или другим отдельным случаям.

Выясняя роль писателя и читателя, он, например, утверждает, что „до слова нет бытия“. Значит, мир существует только в представлении человека. Давно оставленная философия, за исключением людей неисправимых, застывших. Или может быть, это поэтический образ к теме: „Мир загадка; слово—разгадка“. Но если согласиться с автором, что „человечество словами расставляет вехи на своих строительствах, старается вывести себя из лабиринта мировой запутанности“, мы должны констатировать, что принимая слова как известную систему взглядов, как рабочую гипотезу, автор не добирается до основной причины разгадки мира, до развития производительных сил, до базиса, а все время витает в эмпиреях поэтического словоизлияния.

В вопросе об искусстве и морали он, естественно, восхваляет Влад Соловьева, который утверждал, что красота, это лишь наиболее обязательная и очевидная форма добра и истины. И дальше автор пошел носиться по волнам бесконечной поэзии. Он не может не только разрешить, но ему даже не приходит в голову поставить вопрос: что такое добро, истина, красота, искусство. Он игнорирует исторический факт, что каждая эпоха имеет свои взгляды и вкладывает свое содержание в эти слова. И не только эпохи, но каждый класс внутри данного общества имеет свои особые представления об истине и красоте. И что красиво и истинно для буржуа, то отвратительно и лживо для пролетария. Живая действительность дает много этому примеров, и мы не будем их восстановлять в памяти, чтобы не раздражать противников, хотя мы и не страдаем излишней снисходительностью и не дорожим покоем.

Выясняет автор вопрос о самоубийстве, и тут он остается в заколдованном порочном круге своих слов. „Если жить не хочется, то с этим ничего не поделаешь"... „Но если бы люди прониклись уверенностью, что самоубийцы прошлые коленопреклоненно стоят вокруг Жизни, которую они когда то отвергли, и славят ее, и убежденно, больше, чем когда либо, взывают: да будет благословенна жизнь!", тогда не было бы самоубийств. Сколько тут убогости мысли, трюизма. Почему же автор не попытался анализировать, чем об'ясняется потеря жажды жизни, и даже тягота, отвращение к ней? Автор образован, умен, остроумен, прекрасно владеет пером. Ему мешает точка зрения, пресловутый спиритуализм дуалистический. В этом его великая трагедия бытия. Он может написать еще много статей, но из них ничего путного не выйдет при данной точке зрения, только понапрасно растратится человеческий талант.

И, наконец, нам хочется отметить заключительный аккорд сборника. Человек состоит из души и тела. „А где душа, там Гамлет, духовный из духовных, разумный из разумных, в венце своих идей, ореоле своих размышлений, в красоте своих монологов, которым не перестают внимать очарованные партеры мира."

Мы ничего не можем возражать против увлечения гамлетизмом буржуазией, но мы категорически заявляем и знаем, что Гамлет не пролетарский идеал, а следовательно и не общечеловеческий, ибо только пролетарские замыслы становятся общечеловеческими. Но эта тема для особой статьи, и мы ограничимся одним замечанием.

Перед нами сборник в 155 страниц, и автор его талантлив, а со страниц книжки веет смертной скукой, бессодержательностью при наличии глубоких тем; и все потому, что автор не осознал, что **бытие определяет сознание**, а не наоборот. Усвой он эту точку зрения, перед ним развернулся бы новый мир, яркий, красочный, солнеч-

ный, исчезла бы „бессмертная пошлость“, пропала бы „лень“, а стремление к покою сменилось бы жаждой к труду, великому, творческому, без мысли об усталости.

Беспредельный порыв, анемистический экстаз, охватил бы его душу, сделав ее светлой и действенной.

А теперь, действительно, одна безысходная пустота.

Валерьян Палянский.

* * * * * *

Об эволюции ругани.

(*Заметки*).

Английская пословица разрешает осужденному в течение 24-х часов после приговора ругать своих судей. История милостивее английской пословицы: она позволяет осужденной исторической группе ругаться длительнее. Русская, обслуживающая буржуазию, интеллигенция ругается вот уже скоро пять лет. И чем дальше, тем ругань становится замысловатее, утонченнее, шире по охвату и глубже по об‘екту.

Прошли времена, когда для выражения обуревавших их чувств к рускому народу почтенные профессора и утонченнейшие литературные дамы (в роде г-жи Гиппиус) не брезговали пользоваться жаргоном юнкерских пирушек. Этот жаргон был особенно в ходу тогда, когда интеллигенция считала источником всех бед персональный состав большевистской партии. На личностях „большевистских главарей“ сосредоточивалась тогда вся ненависть интеллигенции. Люди поумней скоро, однако, поняли, что на ругани одних большевиков далеко не уедешь. Монархист Шульгин открыл в большевиках „волевую концентрацию нации“; Б. Пильняк нашел для этого открытия красочную формулу „Большевики? Кожаные куртки... Могут энергично функционировать!“

Вторым этапом в эволюции ругани был момент, когда оскорбленная в лучших своих чувствах интеллигенция сообразила, что собственно во всех ее бедах повинны не столько большевики, сколько экипировавшие их германцы. Памятником этого момента останется первый выпуск Милюковской „Истории революции“, в которой этот почтенный историк, сидя в Киеве, под охраной гетмана Скоропадского, продолжительно и смачно ругает „немца“ за насланную последним на русскую интеллигенцию напасть. Но и это был только переходный момент.

Теперь даже „Русская Мысль“ г. Струве сообразила, что афоризм—„большевики присланы немцами в запломбированном вагоне“—совершенно равноценен с афоризмами—„Луну делают в Гамбурге“ и „жиды делают революцию“—и что все три афоризма могут быть достаточны лишь для весьма вульгарной „философии русской истории“ [1]).

Да и самому Милюкову не удалось удержаться на этой позиции. Второй выпуск той же своей „Истории“ Милюков озаглавил „Корнилов или Ленин“. Не „Керенский или Ленин“, не „Демократия или Ленин“, не „Учредительное собрание или Ленин“, а именно „Корнилов или Ленин“. Такая постановка вопроса свидетельствует, что г-н Милюков понял, что реально вопрос стоял таким образом: буржуазия могла победить только под знаменем Корнилова, рабочие и крестьяне могли победить только под знаменем большевизма. А раз так, то об‘ектом интеллигентской ругани должны были естественно стать и стали уже не немцы и даже не большевики сами по себе, а сами народные массы.

„Взбунтовавшиеся рабы“ г-на Керенского, „охлос“, „чернь“ г-на Чернова,—это самые мягкие из всех выражений, которыми народолюбивая интеллигенция клеймила свой народ.

Упершись лбом в столь обширный об‘ект своей ругани, интеллигенция неизбежно должна была задуматься. Часть ее действительно усумнилась и наконец то решила поставить перед собой вопрос—кто же прав: ругающаяся ли на народ интеллигенция или выбившиеся наконец на свой собственный путь развития народныя массы?

Другая и гораздо более значительная часть интеллигенции тоже задумалась. Если в действительности виноваты не немцы и не большевики, а сами народные массы, то не следует ли искать основных причин „грехопадения“ сотен тысяч и миллионов русских Иванов и Петров в каких-либо недостатках самого мироздания? Могла ли действительно оскорбленная интеллигенция успокоиться на констатировании виновности народа? Не повинны ли тут некие „высшие“ и не поддающиеся земному контролю силы? Не есть ли крушение русской буржуазной интеллигенции и ее надежд проявление некоего имманентного миру зла? Можно ли говорить о каком либо прогрессе в мире после крушения барона Врангеля и проф. Струве? И стоит ли проклинать русский народ, если проклятия должны быть направлены против всего мироздания?

„С обычной оптимистической верой в прогресс этот ход вещей (ход русской революции) совершенно не вяжется. Но нужно, наконец, иметь мужество признать, что прогресс вовсе не обязателен для человечества, что зло есть в жизни космоса и человечества такое же

---

[1]) „Русская Мысль“. Март 1922 г., стр. 171.

самостоятельное реальное начало, как и добро, что из-за человека в человечестве и в его истории борются Бог и дьявол".

Вот как далеко ушла „философия русской истории" от вульгарных афоризмов о запломбированном вагоне!

Но послушаем дальше: „Вот почему такими фразами, как „крушение царизма" и „торжество социализма" нельзя исчерпывающим образом охарактеризовать те огромные события и столкновения, которые произошли в России. Произошло не только крушение одного строя и торжество другого. Внешним столкновением двух сил и двух порядков в сущности открывается лишь внутренняя борьба двух духовных строев, для которых отнюдь не самое существенное является их отношение к тому или другому внешнему политическому или социальному порядку жизни".

Эти формулы не только результат праздного языкоблудия много ученого и весьма религиозного врангелевского министра г-на Струве. Это—последний окоп, куда укрылась русская буржуазная интеллигенция и откуда только и осталось ей обстреливать русскую революцию.

Как далеко ушла эта формула от тех времен, когда мироздание было прекрасным, прогресс неизбежно торжествовал и на этом фоне лишь маленькой, временной и случайной черной точкой были большевики! Торжествует не Ленин над Корниловым, а дьявол над богом и мировое зло над „благою волею Творца"!

Угол падения равен углу отражения. По глубине пессимизма и отчаяния в мировоззрении г-на Струве и его соратников можно судить о широте размаха и о величии под'ема русских народных масс.

Как видим, об'ект ругани российской интеллигенции расширился до пределов всего мира и всего хода его развития.

Немудрено, что проклиная мир и зло в космосе они должны были проклясть и в русской истории все, что служило духовному и материальному освобождению человечества.

Первым, кажется, г-н Маклаков, бывший министр бывшего Временного правительства и бывшего адмирала Колчака открестился от Льва Толстого и проклял его за то, что Толстой, будто бы, был предшественником большевиков. Но это были только первые шаги. Спасители „русской культуры", хранители ее ценностей пошли дальше.

„Если поставить себе,—пишет ныне „Русская Мысль",—в некотором роде литературно-бактериологическую задачу проследить в истории русской общественной мысли тот момент, когда зародился „вибрион" большевизма, то с совершенной точностью можно указать на эпоху Белинского. Именно тогда, когда этот властитель дум современных ему людей, со свойственной ему фуриозной изменчивостью бросился от увлечения Гегелем к Фейербаху и завопил „кланяюсь вашему философскому колпаку Егор Федорович, какое мне дело до

абсолютного духа, когда страдает мужик,"—вот в тот самый момент зародился „вибрион" большевизма. Тут оборвалась одна культурная нить романтического идеализма русской общественной мысли и началась другая—противокультурная нить материалистической и позитивно-рационалистической мысли через Герцена, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, Лаврова, Михайловского, дошедшая до нас." Кого же оставляют себе „поборники русской культуры", отдающие со столь преувеличенной щедростью большевикам Белинского и Герцена, Добролюбова и Чернышевского? „Славянофилов, Достоевского, Леонтьева, Влад. Соловьева и Розанова"— отвечает г-н Струве, да еще „духовное творчество более ранних эпох, выражавшееся главным образом в церковно-религиозной жизни".

Пожалуй достаточно! Что к этой схеме заграничных „вольных мыслителей" могут прибавить наши домашние Изгоевы, Бердяевы и Франки? Начали проклятием большевикам, кончили проклятием всему миру и человеческому прогрессу, начали противопостановлением демократии и большевизма, кончили противопоставлением Белинского и архимандрита Фотия. Приятно видеть врага уродом!

Л. Каменев.

* * * * * *

ТРИБУНА.

О задачнике по политической экономии.

Идея составления задачника дана на одном из семинариев на курсах при Социалистической Академии; она принадлежит т. Рязанову. Как многое из заслуживающего внимания, мысль о задачнике брошена им „между прочим“, без дальнейшего развития.

Некоторые товарищи, поскольку мне удалось выяснить из частных бесед, мыслят себе задачник чуть ли не как переделку Верещагина на марксистский лад. *Не о таком задачнике должна итти речь*; нужно другое, а именно такое пособие, которое приучило бы нас *наблюдать* и *об‘яснять неисчерпаемую многогранность действительности, на основах простых, абстрактных, математически-точных марксовых понятий.*

Лучшим марксистом считается обыкновенно тот, кто проглотил побольше книг Маркса и о нем. Это положение представляет собою один из вреднейших предрассудков. Необходимо, конечно, учить и изучать марксисткую литературу, но не в форме сплошного книгоглотания и цитатозубрения. Нужно иное: научиться *связывать марксистскую теорию с окружающей действительностью*; для этого нужен задачник: *сборник вопросов, решаемых на основании положений политической экономии с максимальным приближением к научной верности числового вычисления.*

Доказывать необходимость задачника—ломиться в открытую дверь. Здесь же я хочу остановиться только на некоторых методологических сторонах его

Руководящей нитью для изучения действительности в многообразии ее проявлений являются данные Марксом, *абстрактно-упрощенные* категории, законы—*понятия*. Что же представляют собою эти „абстракции“ по отношении к действительности?—их нельзя рассматривать, как нечто абсолютно отвлеченное от действительности. Не находя нигде среди реальных экономических отношений своего *полного, конкретного* проявления они, в то же время, выражают *сущность* их, их закономерно-действующие доподлинные *тенденции*. До элементарности упрощенные в своей внешней форме, абстрактные понятия и положения выявляют *жизненное многообразие* экономических процессов. Будучи статическими, они тем не менее характеризуют процесс *беспрерывного движения*.

Как же впрячь этот двуликий Янус „абстракции“ в ту колесницу, которая ведет к научному пониманию действительности? — Надо для этого *научиться ставить абстрактные положения в соответствующую им конкретную связь действительности*. По пути к уста-

новлению этой связи мы наталкиваемся на неисчерпаемый ряд трудностей. Причины последних коренятся во многом.

Одну из этих причин следует усмотреть вот в чем. Марксизм не только научная теория. Он представляет теорию революционной практики не в меньшей мере, чем „об'ективной учености". Могут ли при таких условиях все, танцующие от марксисткой печки (а кто не охоч до этого в настоящее время?) изолировать себя от умышленных и неумышленных телеслогических поползновений? Можно на всех перекрестках и во всю мощь грамофонной трубы ругать телеологию, будучи в то же время сам размененным на мелочи телеологом. Именно, не в обширно—философском смысле этого понятия, а в смысле пригвождения „защищаемой" теории целиком и в частях к тому, что кажется в данную минуту целесообразным.

Из применяемых в таких случаях „научных методов" особенно распространен метод выдергивания цитат из их общей связи, т.-е. текстуальные и логические насилия.

Для того же, чтобы понять, усвоить и научиться применять на практике марксистние положения, следует: 1) запомнить то, что Маркс говорит, 2) в какой определенной связи он говорит то, а не иное, 3) отделять теоретические положения Маркса от их конкретного иллюстративного материала, 4) изучить все важнейшие моменты данного конкретного, исследуемого явления, 5) научиться находить те моменты из теории, которые соответствуют исследуемым моментам действительности и диалектически применять первые для об'яснения вторых, а вторые—для проверки и углубления понимания первых. Все это должно дать самое основное: 6) уменье понимать всю полноту и отдельные проявления действительности по Марксу и Маркса—на основании наблюдаемой и изучаемой жизни.

На помощь этому призван задачник по политической экономии. В общих чертах, ему предстоит на ряде конкретных примеров проделать путь от абстрактных простых теоретических положений к явлениям реальной и сложной действительности.

1. Из наблюдения и изучения действительности Маркс выводит простые абстрактные категории и понятия. С них задачник должен начаться. Составленный либо отвлеченно-математически, либо в самой тесной связи с действительной историей хозяйственных форм, ряд примеров призван способствовать усвоению основных категорий политической экономии (формы стоимости, товар, цена, рента, формы перенаселения и т. д.); это еще не задачи, а лишь самые элементарные примеры. Можно первую часть так и назвать: основные категории, или элементарные понятия.

II. Чем проще данная задача, чем меньше категорий, понятий и законов она затрагивает, тем многочисленнее и сложнее весь тот комплекс категорий и законов, от которых условие и решение задачи абстрагируется.

(Здесь сугубо необходимо оговорить, по возможности, все моменты отвлечения. Напр., если в задачах этого типа фигурирует „прибавочная стоимость" и „постоянный капитал", то нужно подчеркнуть, что условия рынка и множество условий производства приняты, как „прочие равные", что цена совпадает со стоимостью и т. п. упрощения).

Это—первая ступень для выяснения различий и вместе с тем общности, существующих между теорией и действительностью.

III. „Чем проще данная задача, тем сложнее абстракция". Далее начинается усложнение задач и упрощение абстракций. Мы проделываем путь от теоретически—упрощенных категорий и законов к дей-

ствительности в ее полном об'еме. Путь этот лежит через усвоение тенденций, закономерности взаимодействий между двумя, несколькими и всеми категориями и законами капиталистической действительности, действующими одновременно. Рассматривая анализируемые здесь категории статически, выявляя на ряде исторических примеров их закономерное взаимодействие, следует с возможной полнотой отметить сразу их влияние.

IV. Как и предыдущие, четвертая часть берет исходным пунктом явления действительности в их статической, но еще не динамической сложности. Соответствующие категории и законы из теории рассматриваются здесь не в абстрактной изолированности друг от друга, а в возможной полноте и разносторонности взаимодействия.

V. До сих пор мы, в составлении задач, имели в виду, что все соответствующие категории и законы проявляются одновременно, только в один момент: мы игнорировали процесс исторического развития. Сделаем теперь иного порядка шаг в приближении от теории к действительности. Обратимся к историческому развитию отдельных категорий, законов, явлений.

VI. Предыдущая часть рассматривает историческое движение категорий, но берет эти категории в самом ограниченном количестве. Под рубрикой же четвертой мы имели многообразие моментов, но рассматривали их статическое взаимодействие. Продвигаясь дальше от теории к действительности, мы должны связать обе эти рубрики, ибо: 1) каждый исторический процесс во всех моментах его проявления, таит в себе все многообразие одновременно действующей действительности, 2) сложность и многообразие действующих сил данного момента представляют собою продукт предшествующих исторических процессов. Сюда могут войти и такие сложные вопросы, как историческое развитие и взаимодействие причин падения курса русского рубля.

Удастся ли задачнику достичь своего предела: охватить теоретическим светом всю совокупность экономической действительности? Думаю, что нет. И по нескольким основаниям. Нужно здесь отметить только одно из них. Устремление за полнотой картины действительности и за теоретическим освещением ее ведет за пределы намеченной нами темы: в область описания и теории всех тех „надстроек“ действительности, с которыми „экономическая жизнь“ органически сочетается. Политическая экономия вступает здесь в область полной и всесторонней „анатомии общества“, которая, повидимому, ждет и своего „задачника по марксистской социологии“ или чего-нибудь в этом роде. Мы же, не выходя за пределы темы, набросав схему задачника по политической экономии, отметив, что сфера его находится между элементарностью застывшей абстракции и необ'ятным монизмом исторического развития, запомнив что связующим звеном между ними является стройная марксисткая теория и ее методология,—малым сим и ограничимся.

Р. Вайсберг.

* * * * * *

О Г. В. Плеханове и его литературном наследстве.

В качестве душеприказчика литературного наследства Г. В. Плеханова считаю нужным отозваться на небольшую заметку, помещенную в № 3 „Под знаменем марксизма", в отд. „Библиография". Автор ее—Р. Ковнатор высказывает в ней некоторые пожелания, относительно которых я могу коечто сообщить. Но предварительно замечу следующее.

Как верный ученик и последователь Маркса, Г. В. придерживался правила быть точным в своих сообщениях, ссылках и пр. Этого же приема он, по примеру великого нашего учителя, всегда требовал и от других. В особенности, полагаю, этого правила должны придерживаться лица, участвующие в журнале, посвящающем себя проповеди марксизма. Между тем, к сожалению, нельзя этого сказать об авторе указанной заметки. Так, он пишет:

„Четыре года. И кажется, что кроме двух рецензируемых статей во всей нашей литературе не появилось ничего о Плеханове" (стр. 128).

Это совершенно неверно: в год смерти Г. В. в том же „Былом" были напечатаны о нем две статьи,—моя: „Молодость Г. В. Плеханова", другая—А. Н. Потресова. Тогда же журнал „Дело" посвятил ему целый номер; также в ряде провинциальных городов, — мне известны: Киев, Тамбов, Баку, Одесса—появились сборники с воспоминаниями (в их числе были и Любави Аксельрод в „Труд. Единстве"), а также номера газет со статьями о нем. Если можно еще об'яснить незнакомство Р. Ковнатора со всеми этими произведениями, то совершенно непонятно, что он, очевидно, ничего не слыхал о „Литературном сборнике памяти Г. В. Плеханова—революционера", со статьями Г. Зиновьева, А. Луначарского, Л. Троцкого и Д. Рязанова, вышедшем в 1918 г. в Госиздательстве [1]).

Р. Ковнатор также отдал дань неверному изображению настроения Г. В. Плеханова перед смертью: „по злой насмешке истории,—пишет он,—Г. В. умер чужим и даже враждебным (—?Л. Д.) рабочему классу и его партии" (стр. 129.).

Я находился у постели умиравшего почти до самой его смерти, но я не слыхал от него решительно ничего такого, что давало бы основание заключить, что Г. В. умирал „враждебным рабочему классу". Но, допустим, что Р. Ковнатор совершенно правильно изображает настроение и отношение Г. В. перед его смертью,—тогда, естественно, является вопрос: уместно ли делаемое Ковнатором центральным органам Советской власти и коммунистической партии предложение — „предложить семье покойного вернуться в Россию и все то, что осталось после смерти Г. В., сделать достоянием тех, кто больше всего имеет на это право" (стр. 129).

---

[1]) К слову, не могу обойти молчанием, что в статьях перечисленных лиц не только много неточностей, но и прямых поклепов на умершего.

Но, кто же последние? Надо полагать, что таковыми Р. Ковнатор считает „рабочий класс и его партию“. Но от него же мы узнаем, что Плеханов „умер чужим и даже враждебным“ этим слоям,—как же может он, после этого, рассчитывать, что семья покойного согласится предоставить „все то, что осталось после него“, тем, к кому Г. В. относился „враждебно?“ можно-ли, держась такого взгляда, обращаться с подобным предложением к близким людям умершего?

Рядом с заявлением о „враждебности“ Г. В. к. „рабочему классу“. Р. Ковнатор признает его „талантливейшим и прекраснейшим представителем „воинствующего марксизма“, с которым „давно уже настало время „помирить“ рабочий класс“. Но нам кажется одно из двух: или, признавая „враждебное отношение Г. В. к рабочему классу“, не следует стремиться „помирить“ последний с ним, или не надо взводить на умершего того, от чего он был очень далек.

Лев Дейч.

* * * * * *

Письма в редакцию.

I.

Уважаемый товарищ!

Помещенный в № 1—2 „Под знаменем Марксизма“ отзыв по поводу опубликованных мною в журнале „Дела и Дни“ „Писем Плеханова к Лаврову“ вызывает крайнее изумление.

Не говоря уже о том, что автор этой заметки, против общепринятого правила, ни единым словом не упомянул, что эти „Письма“ снабжены моими, а также и А. Бема, „примечаниями и Приложением“, раз'ясняющими непонятные места, обстоятельства и имена, он в заключении пишет:

„Еще несколько замечаний о датах писем. Некоторые из них без дат, и Л. Дейч, восстановливая их по компетентному указанию Д. Б. Рязанова, сделал ряд ошибок. В собрании сочинений, куда они войдут, даты нужно установить более точные“.

В виду того, что журнал „Дела и Дни“ очень мало распространен, я опасаюсь, что преобладающее большинство читателей вашего журнала сделает из этих „нескольких (?) замечаний“ автора рецензии то ошибочное заключение, будто я ограничился только „восстановлением дат“, да и в этом „сделал ряд ошибок“.

Если-бы последнее было верно, меня это могло бы компрометировать, а, следовательно, огорчило бы; по счастью, это совершенно не так.

Автор заметки не потрудился указать не только „ряда ошибок“, но хотя-бы **одну**: он, как мы видели, удовольствовался упоминанием об „указании“ этого „компетентным Д. Б. Рязановым“, даже не сообщив, **кому** и **где** последний сделал таковое.

Не смотря на давнее мое знакомство с Д. Б. Рязановым, я впервые из этой заметки узнал, что он является человеком „компетентным“ по вопросу о „датах“, пропущенных Плехановым в письмах, отправленных им 40—42 г. тому назад.

Относительно моих приблизительных указаний времени,—а не дат", как неправильно пишет автор отзыва,—могу сообщить следующее:

Не мною одним были эти моменты установлены, а сообща с вдовой Георгия Валентиновича и с Верой Ивановной Засулич. Мы руководствовались при этом воспоминаниями, сообщениями и сопоставлениями разных, иногда очень мелких, фактов и обстоятельств, которые были известны лишь нам троим, жившим в то время (с 1881 по 1884 г.г.) вместе с Плехановым в Швейцарии. Эти соображения никак не могут притти на ум не только лицу, бывшему тогда подростком, но и взрослому человеку, не жившему вместе с Г. В. и не бывшему в числе его близких, к которым, как известно, Рязанов никогда не принадлежал.

6—IV—22. *Лев Дейч.*

* * * * * *

II.

Дорогой товарищ!

Если бы я знал, что Вы из моих беглых замечаний по поводу недавно опубликованной переписки Плеханова сделаете такое употребление и вважете меня в совершенно ненужную полемику, то я уже с самого начала просил бы Вас предоставить мне место в Вашем журнале, чтобы поделиться с читателями моими впечатлениями.

Но раз Вы меня уже впрягли в этот гуж, приходится тянуть. Я не буду об'яснять уважаемому тов. Дейчу, что мне не было никакой необходимости родиться лет на двадцать раньше, чтобы, даже при беглом просмотре, констатировать некоторую—как бы это выразиться почтительнее?—скажем неосторожность издателей этих писем. Для этого достаточно только того, что так настоятельно рекомендовал покойный Плеханов—знание обстоятельств времени и места.

Возьмем письмо № 6. Издатели смело пишут: „без даты, но несомненно летом 1880 г.! А я утверждаю, хотя и был тогда подростком, что это письмо написано несомненно не летом 1880 г. и даже не осенью, а или до марта или в начале апреля 1881 г. Для этого достаточно прочитать внимательно письмо.

Письмо № 7 написано не раньше мая 1881 г. В нем говорится о волне еврейских погромов „чуть ли не по всей матушке России". А они начались во второй половине апреля. Киевский погром начался в конце апреля, одесский—в первых числах мая. Оба письма относятся к этому периоду, когда Плеханов работал над своей статьей о „Новом направлении в политической экономии". Кстати, помнит ли тов. Дейч, что Плеханов в марте 1881 г. был в Париже и первый сообщил Лаврову известие об удачном покушении на Александра II?

Письмо № 9. Если верить издателям, это письмо написано в конце 1881 г. Но в этом письме Плеханов сообщает Лаврову, со слов Михайловского, что его статья будет помещена в ноябрьской книжке. И действительно она помещена в „Отч. Записках" за 1881 г. в № 11. Уже одно это указание давало возможность определить более точно дату письма. Оно, вероятно, написано в первой половине октября, и письмо № 8 является более поздним ответом на поздравление Лаврова с успехом.

Письмо № 10 наши издатели относят к зиме 1881—82 г.г.! А между тем достаточно было заглянуть в Плехановское издание Коммунистического манифеста, чтобы узнать, что предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию Манифеста подписано 21 января 1882 г. А из письма № 13, которое еще более неосторожно датировано „весной 1882 г." (!?), издатели могли

узнать, что Плеханов в этом письме, в ответ на известие, что Маркс болен, вносит предложение относительно обращения к Энгельсу с просьбой написать „предисловие“. В этом же письме Плеханов пишет: „Манифест будет готов недели через полторы“. А так как в письме № 11, которое носит почтовый штемпель 6 февраля 1882 г., Плеханов просит Лаврова сообщить членам редакции Соц.-Рев. Биб., что он „не исполнил обещания относительно доставки перевода через полторы недели“, то ясно и несомненно даже для тех, которые родились позже тов. Дейча лет на двадцать пять, что письмо № 13, по его мнению написаное весной 1882 г., предшествует по времени письму, на котором имеется почтовый штемпель 6 февраля 1882 г. и, следовательно, писано в январе, да еще до получения согласия Энгельса написать предисловие к русскому переводу манифеста. Таким образом, письма №№ 13 и 11 должны поменяться местами и превратиться в письма №№ 11 и 12. А письмо № 12, хотя и не написанное несомненно „ранней весной“ (!), как уверяют неосторожные издатели, должно быть поставлено одним номером „повыше“.

Думаю, что этих примеров достаточно, чтобы показать, что лицо, бывшее подростком в 1880—1882 г., имеет основание усомниться в точности показаний и вычислений, принадлежащих людям, несомненно бывшим тогда взрослыми, несомненно жившим тогда вместе с Плехановым, несомненно принадлежавшим к числу его близких!

С коммунистическим приветом

2 мая 1922 г.

Д. Рязанов.

* * * * * *

БИБЛИОГРАФИЯ.

Вальтер Ратенау: „Новое Государство“.—Перев. с нем. с предисл. Я. М. Букшпана. Книгоиздат. „Берег“—Москва, 1922 г.

Вальтер Ратенау—„крупный промышленник, инженер“, (обстоятельства которые приводят Я. Букшпана в умиление), его отец „организатор и учредитель „крупнейших промышленных предприятий в Германии... дал ему надлежащее (!—В. Т.) воспитание,... и вывел его в люди большого государственного стиля“.

Вообразите себе, читатель, такого породистого буржуа, получившего „надлежащее“ воспитание, и имеющий весьма „солидное“ прошлое в капиталистической практике и унаследовавший все предразссудки своего класса вместе с тугим кошельком—в обстановке величайших исторических катаклизмов наших дней: в России рабочий класс свергнул капитализм, принялся за ломку всего общественного уклада и за год слишним успел наделать много „бед“ (речь идет о конце 1918 и начале 1919 г., когда Ратенау написал свою брошюру), германская революция развивается и расширяется, временами принимая явно „российский“ уклон, война кончена, но мира нет, над Европой носится призрак мировой революции...

Что должен чувствовать такой породистый буржуа? Каковы будут его дела и думы?

Если он глуп—с точки зрения своего класса—он предастся эпикурейским наслаждениям: „сегодня живы, а завтра умрем, трать награбленное!“; если в нем заговорило классовое сознание, но он не способен глядеть в будущее, близорук безрассуден—он пустится в авантюру, вспышкопускательства—самый не практичный вид борьбы, и наконец если он умен и дальновиден, то попробует бить врага его оружием, попробует перенять у своего противника наиболее острое его оружие и им будет вооружаться, готовясь к решительным сражениям.

В. Ратенау—из числа последних. Он умен—„философ—публицист, государственный деятель, дипломат“. Написал не одну пару объемистых книг по экономике и философии—он дальновиден и одарен ясным классовым сознанием: он прекрасно сознает, что нужно буржуазии сегодня: ей нужно преодолеть революционный напор рабочего класса, который грозит снести с лица земли весь буржуазный строй. Как это сделать?

Прежде всего необходимо пересмотреть свой старый багаж, свои старые представления о государстве, о демократии, об управлении и посмотреть нет ли доли правды в критике врагов.

Он пересматривает и при этом подвергает жесточайшей критике буржуазную демократию. Особенно достается парламентам, этим собраниям „излюбленных посредственностей“; они совершенно бессильны творчески, лучшее что является предметом их „тупых и принципиальных обсуждений“ суть продукт бюрократического творчества. Они не выражают подлинную волю

избирателя, а всеобщее голосование—плохая гарантия: „допустим, что англичане проводят в немецкой восточной Африке народное голосование, разумеется со включением женщин. Кто будет избран, и что будет решено? Как раз то, чего хочет правительство и чего хотят белые и при том без малейшаго следа насилия или подкупа".

„С Востока идет на нас темный порыв, плохо обоснованный противоречивый и все таки глубоко чувствительный: „ради свободы выступить против демократии". „У нас и в остальной Европе отныне уже не прекратятся требования уравновесить буржуазную демократию системой советов"... буржуазная демократия „не создана для эпохи эмансипации масс"...

Для такой эпохи нужно нечто новое, дополняющее, а быть может заменяющее привычную буржуазную демократию.

Быть может система советов? Нет „система советов означает одностороннюю механизацию, потому, что она не знает иного народного представительства кроме, диктаторского представительства рабочих", такая система могла быть введена лишь в стране расслабленных славян, а в стране гордых пруссаков...—„Германия останется духовно слишком богатой и многообразной, чтобы подчинить все свое творчество такому однотипному подходу"

Так как же быть? В. Ратенау сам признает, что трудящимся нужно и при демократии добиваться органов отражающих их интересы (трибунатов), ему нравится и кажется плодотворной идея борьбы с бюрократизмом путем непрерывного притока свежих сил в государственную машину из низов—а советская система ему не по вкусу.

Выход он предлагает простой: „превратить безжизненные пирамиды бюрократии в создании аналогичные государству, в иерархическую систему органов самоуправления" иными словами из затруднения он предлагает выход через „систему ведомственных государств"—этим будет спасено пруссачество от расслабляющаго влияния революции для будущей Германии и будет выбит козырь у рабочего класса.

Опора новой Германии не рабочий класс, не городская буржуазия а деревня и крестьянство: „немецкая деревня, устойчиво держась естественно данного, сохраняя старые обычаи и нравы, есть наше лучшее достояние и в будущем будет нашей силой. Если бы нашему востоку была дана в удел немецкая свободно-крестьянская деревня, то отвлеченное пруссачество преобразилось бы в живое германство".

Теперь, спустя три года после германской революции, когда капитализм чувствует себя несколько прочней, чем тогда, В. Ратенау занимающий пост министра иностранных дел вероятно не пытается осуществить свой план нового государства — создание государства иностранных дел, государства торговли государства просвещения и так далее. Ведомственное государство забыто, из всей его системы осталась в живых лишь идеализация пруссачества и вера в охранительную силу немецкого крестьянина. Гр. Я. Букшпан думает, что В. Ратенау поможет ему „понять смысл нашего кризиса в связи с судьбой западно-европейской культуры"— напрасны надежды! – Плох учитель, но и ученики, нечего сказать, хороши! Пять с лишним лет кипели в огне революции и ждут, чтобы какой либо западно-европейский „умник" им объяснил смысл нашего кризиса. В. Ратенау умнее букшпанов во сто крат, но и он не имеет сказать что либо утешительного нашим „расслабленным интеллигентам, как „нашим" капиталистам— умным и не умным—нечего сказать утешительного своим западным друзьям.

Капиталистический строй безнадежно обречен на гибель и никакой ум не поможет — вот чего не понимают наши интеллигенты и западноевропейские породистые и не породистые буржуа.

В. Т.

Акад. В. Н. Перетц. „Краткий очерк методологии истории русской литературы“.—Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования.—Academia—Пбг., 1922 г., стр. 164.

Несомненно почтенный академик был прав, назвав свое произведение „справочником“. В нем масса советов, указаний, объяснений, в меру библиографии, в меру наставлений.

Как и приличествует справочнику, составленному профессором и академиком—„Кр. оч. методологии“ носит на себе все следы попыток его автора быть „объективным“.

Мы это отмечаем не в качестве похвалы—мы никогда не были сторонником профессорского объективизма, в котором лицемерия больше, чем действительно объективного,—а для того, чтобы указать на полную неудачу попыток академ. Перетц.

Остановимся на вопросе о методах изучения истории литературы. Акад. Перетц перечисляет таких „методов“ одиннадцать: „эстетический, этический, публицистический, историко-политический, исторический, историко-психологический, культурно-исторический метод Тена, эстопсихологический, сравнительно-исторический, эволюционный и филологический“. Эти одиннадцать методов делятся на две категории: „субъективные и объективные (иначе догматические и критические)“, при чем к первой категории принадлежат четыре первых метода, а к объективным—остальные.

И тут вы к вашему удивлению узнаете, что „Белинский, Добролюбов и др.“—субъективисты, равно как и марксисты („литературная критика, отражающая разнообразные партийные воззрения и программы“), а в „объективисты попали такие „маститые знатоки истории литературы“, как... Н. Кареев и его друзья. Акад. Перетц, как будто, намерен совершить некую революцию, однако менее подходящего места и случая никак нельзя было выдумать: справочник—и революция!

Академ. Перетц не хочет считать Белинского историком русской литературы, он находит, что „Белинский, Добролюбов и др.“ представляли русскую летературную критику, приучившую „русскую публику к этическим оценкам литературных явлений“.

Это положительно не верно. Начиная от Белинского и кончая марксистской школой, русская „литературная критика“ (которая не хотела отделить себя от „истории русской литературы“ и не без большого резона) искала для себя объективного критерия для суждений о художественных произведениях, одновременно пытаясь создать объективный метод изучения истории вообще, истории литературы в частности. Поиски, начатые гениальным критиком, закончились марксистами. Уже Белинский в конце своей литературной деятельности видел „последнюю инстанцию для критики в историческом развитии общественных классов и классовых отношений“ (Плеханов). Но то, что делал он непоследовательно, было сделано марксизмом последовательно и до конца. Вот почему попытки акад. Перетц изобразить трафаретно-школьно нашу западническую критику 40-х и 60-х годов, как направление, стоящее на „морально-утилитарной точке зрения“, ни в каком смысле нельзя считать ни объективными ни, сугубо-научными.

Прав господин академик, когда, критикуя точку зрения „морально-утилитаристов“, напоминает им, что самый этический критерий не определенен и не постоянен: „каждая историческая эпоха, каждый класс, каждый культурный слой имеет свои нравственные понятия“, но в непонимании этого положения наши просветители повинны лишь отчасти, не нужно забывать, особенно не следует этого забывать при составлении „справочника для студентов“—что наша западническая мысль проделала, на гораздо большем протяжении, чем на Западе, тот же путь от диалектического идеализма к диалектическому материализму, что и западно-европейская передовая мысль.

Другой грех, что, по мнению академ. Перетц, делает наших критиков 40 и 60 г.г. „субъективистами"—это их пристрастие к публицистике: „явления жизни и литературы приемлемы для такого критика и историка-публициста постольку, поскольку отвечает тому или иному общественному идеалу и поскольку помогает его осуществлению", но общественных идеалов столько, сколько классов и групп, естественно „суждение публициста всегда будет зависеть от интересов и мировоззрения той общественной группы, к которой он принадлежит и—намеренно или ненамеренно—которой интересы представляет. Так у нас слагалась литературная критика типа эстетически-аристократического, демократически-разночинского, а позже—наблюдаем литературную критику, отражающую разнообразные партийные воззрения и программы".

Эту длинную цитату мы привели не без умысла; в ней очень много правды и одна неправда.

Неправда то, что можно написать историю и критику литературы, не стоя на точке зрения того или иного класса, как неправда то, что в классовом обществе мыслима неклассовая точка зрения на общественные явления. Самая попытка почтенного академика отрешиться от „исторически-преходящих критериев" может быть социологически объяснена.

Из этой неправды вытекает и другая неправда: будто „для прогресса науки—они („публицистически построенная история литератаратуры", точка зрения общественного идеала) отнюд, не благоприятны: как всякое догматическое построение, взывающее к „вере" и „чувству", внушающее нечто готовое, уже будто бы достигнутое и завершенное,—такие истории литературы убивают интерес к дальнейшим изысканиям, ибо адресуются к слепому доверию, а не к свободному размышлению и критике"—что ни слово,—то путаница и „неправда".

На самом деле. Во-первых, самая попытка об'единить под одним общим названием Белинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго с нигилистами, марксизм с народничеством и т. д. безусловно ошибочна. Публицистический элемент, якобы об'единяющий все эти направления, на самом деле отнюдь не являются существенной особенностью метода всех перечисленных групп и критиков: литературная критика 40-ых и 60-ых годов не могла обойтись без публицистики ибо для передовых людей того времени это было единственно возможная форма пользования печатным словом. Необходимо при решении вопроса о том, каков был метод исследования и научнаго изыскания, отрешиться от этого момента; затем, доказать, что „историк публицист в итоге неизбежно оказывается идеологом своего класса или общественной группы и борцом за их интересы"—уважаемый академик еще ничего не доказывает, ибо, повторяем внеклассовой точки зрения в гуманитарных науках, метод, который был бы чужд классовой окраски—не бывает; чтобы свести концы с концами, он должен был бы доказывать, что есть такой метод, который делает изследователя свободным от идеологии того или иного класса. Наконец, почему это точка зрения „общественнаго благо", „убивает интерес к дальнейшим изысканиям" и т. д.? Наоборот для представителей молодых растущих классовой, для которых общественное блага равнозначуще его благу—благу этого прогрессивного класса, точка зрения „общественного блага" будет стимулом к самым зубодробительным пересмотрам изысканиям, изследованиям с новой точки зрения. И наша и всемирная история, и история литературы знают ровно столько таких примеров, сколько классов поднималось с „низов" к господству. Возьмем хоть того же Писарева, которого господин академик зачислил в утилитаристы и от котораго попытался отделаться несколькими словами. Он был идеологом растущей российской буржуазии. Он стоял на точке зрения „догмы" и однако же с каким он „интересом" взялся за „пересмотр" всяких догм! То же с Белинским, Черышевским, марксистами, которых академику

Перетц больше всего резону назвать догматиками. Очевидно соль совсем не в том на что напирает наш уважаемый академик.

„История русской литературы“ это не „история образования земной коры“. Пользуясь эволюционным методом—вдоль и поперек филологически изучить литературные явления и памятники это еще не значит изучить историю русской литературы, в лучшем случае это будет история смены литературных направлений. „Это и есть история литературы“—говорит господин академик (стр. 10).

Нет это не есть история литературы.

История литературы не только регистрирует „смены литературных вкусов и направлений“ но и об‘ясняет этот процесс.

Коль скоро это так, а это безусловно так, то вопросом подлежащим разрешению является вопрос о том, чем же в конечном счете об‘ясняется развитие литературы, смена „чередование литературных спросов и предложений“.

И не те являются суб‘ективистами, которые умеют ответить на этот вопрос („суб‘ективный метод... имеет своим критерием ту или иную готовую предпосылку, принимаемую за аксиому“) а об‘ективисты, которые не знают что ответить и не умеют ставить этой основной проблемы („Пользуясь об‘ективными методами мы имеем дело лишь с материалом служащим нам предметом наблюдения и изучения и с приемами, помогающими классификации и анализу этого материала по заключающимся в нем самом признакам“—30 стр.).

А совсем в ином месте следует искать признаков для определения какой метод об‘ективен и какой-суб‘ективен: можно искать причины смены литературных направлений в человеке, можно ее искать вне его.

Направление, которое начинается Белинским и через Чернышевскаго завершается марксизмом—рассматривало литературу как непрерывно развивающуюся и искало об‘яснения этому развитию в причинах лежащих в конечном счете вне человека (как писателя так и читателя), поэтому оно и носило до сих пор название об‘ективного.

Эта причина лежит вне человека, но не вне человеческаго общества, это та самая причина, которая двигает все человеческое общество, которая определяет в конечном счете развитие всех общественных отношений—развитие производительных сил.

Этот об‘ективный метод исследования уважаемый академик забыл включить двенадцатым в свой список „методов“ да и один ли этот? если последовать примеру г. академика можно было бы набрать несравненно больше „методов“ чем он удостоился перечислить.

Смешивать метод диалектического материализма, рассматривающаго развитие литературы, подобно развитию иных форм идеалогии, как диалектический процесс, обусловленный в конечном итоге экономикой общества,—с публицистической—это ли не мудрость академика и об‘ективность профессора?

Книга эта имела бы себе оправдание, если бы хоть сколько нибудь удовлетворяла требованиям, пред’являемым „справочнику“. Такое требование она не удовлетворяет, большого она дать не сможет—студентам во всяком случае книга эта бесполезна; исследователям и преподавателям может быть полезной.

В. Р.

П. Стучка. Революционная роль права и государства. Часть первая. Общее учение о праве. Государственное Издательство. 1921 г.

Среди безбрежного буржуазного книжного моря, выдержанная и серьезная марксистская литература по праву занимает весьма скромное место, вот почему мы должны с особой теплотой приветствовать появление новой

марксистской книги, посвященной праву. Вышеназванный труд представляет собой чрезвычайно ценный вклад в марксистскую литературу.

Книга представляет первую часть задуманного труда, распадается на девять глав, в которых автор подвергает анализу и всесторонней критике право.

Отвечая на вопрос „что такое право", автор находит, что нет и не может быть общечеловеческого права, ибо само общество, если не считать первобытную родовую коммуну, не представляет собой целого, оно расколото на части, оно на базе частной собственности в процессе исторического развития расслоилось на классы, друг другу враждебные, антагонистичные.

Досоветское право не есть наука, ибо по существу является застывшей категорией, отсутствует развитие, нет историзма, идеологи его глубоко реакционны, они несмотря на всю свою „ученость" являются рыцарями имущих господствующих классов.

„Право—это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т.-е. этого класса)".

Первобытная родовая коммуна не знала никакого права, в ней не было господства и власти человека над человеком, вся жизнь и деятельность осуществлялась привычкой, навыками и т. д. Только с отрицанием первобытного коммунизма, заменой его обществом, основанном на почве частной собственности, рождается—вместе с властью—право.

На множестве исторических примеров и чрезвычайно ярких цитат автор показывает как на грани социальных эпох. В борьбе за власть идеологи революционно-восходящего класса близко подходили к правильной постановке и научному выражению вопроса.

Перед читателем проходят различные юридические школы в свете ортодоксально-марксистской критики, и все они по существу представляют иллюстрацию того, как в буржуазном обществе мы имеем „полное владычество мертвой нормы над живым человеком, где человек существует для права, а не последнее для первого".

Все этапы, которые проходит право диктуются классовыми интересами.

Здесь генетически рассматривается государство,—его становление, развитие, все этапы вплоть до диктатуры пролетариата.

Глава пятая—„право революции"—одно из лучших мест книги.

В ней мы находим, на ряду с убийственной критикой буржуазных взглядов на пролетарскую революцию, анализ буржуазного права, нарождающегося во время и после революционной победы над феодальным строем, его значение вначале, в процессе развития и его резко контр-революционный характер на закате капиталистического строя. Каждое положение выводится из производственных отношений, право рассматривается как идеологическая надстройка, как производная.

В дальнейшем мы имеем главу „право и закон", в которых дается исторический обзор вопроса, определяется их взаимоотношение, дается перечень и названия отделов советского права переходного времени. Последние три главы посвящены вопросам истории нашего правопонимания, разграничению отраслей права и заканчивается книга историческими заметками о советской организации власти.

Книга должна быть прочитана и усвоена каждым сознательным членом партии, каждым сознательным рабочим. Она требует подготовленного читателя. Такой читатель у нас есть в марксистских кружках, комячейках, рабочих клубах и т. д. Надо только приблизить к нему эту книгу. Но в настоящем, чрезвычайно неряшливом издании, читать ее—задача не из легких.

Б. Пинсон.

Новое издание „Коммунистического Манифеста" *).

Хотя основные положения „Коммунистического Манифеста" сохраняют все свое значение и по настоящее время, но $^3/_4$ века, отделяющие нас от момента его появления в свет, придают ему характер исторического документа. „Манифест" в эпиграмматической форме, в мастерски отчеканенных выражениях, дает квинт-эссенцию научного социализма: читатель найдет здесь и теорию классовой борьбы, и сжатую формулировку исторического материализма, и изложение основных тенденций развития капиталистического общества, и характеристику буржуазного государства, словом, все основные ингредиенты учения Маркса-Энгельса. Но после всех выдающихся творений, вышедших из под-пера наших великих учителей после 1848 года, и после того, как интерпретация их учения вызвала в свет огромную литературу, „Коммунистический Манифест" едва ли можно рассматривать, как источник для изучения основ научного социализма. В наши дни это—прежде всего документ, характеризующий определенную ступень в развитии рабочего движения и один из важнейших этапов в идейной эволюции основоположников научного социализма.

Такая точка зрения на „Коммунистический Манифест" давно уже вызывала настоятельную потребность в соответствующем историческом комментарии. Проф. Шарль Андлер лишь отчасти мог заполнить этот пробел, и не только потому, что он буржуазный профессор, но и потому, что целый ряд материалов, теснейшим образом связанных с „Манифестом", был ему неизвестен. Работа тов. Рязанова появилась поэтому как нельзя более кстати.

Тов. Рязанов совершенно правильно определяет те условия, которым должен удовлетворять комментарий к „Манифесту": „Во-первых, он должен дать историю того социально-революционного движения, которое вызвало к жизни „Манифест", как программу первой международной коммунистической организации; во-вторых, он должен проследить генезис, происхождение всех основных идей „Манифеста" и определить, таким образом, его место в истории человеческой мысли, указов все действительно новое, что дано в нем Марксом и Энгельсом по сравнению с их предшественниками; в-третьих, он должен показать, в какой степени „Манифест" выдержал критику истории, в каких частях своих он нуждается в исправлениях и дополнениях". Руководствуясь этими соображениями, тов. Рязанов дает ряд примечаний, занимающих около $^1/_3$ всей разбираемой книжки, при чем эти примечания носят троякий характер: в одних приводятся цитаты из работ Маркса и Энгельса (написанных как до, так и после 1848 г.), характеризующие эволюцию их взглядов на то или иное положение „Манифеста" [1]); в других даются пространные исторические справки, относящиеся, главным образом, к истории социализма и рабочего движения; наконец, в-третьих, сообщаются статистические данные и факты, раз'ясняющие и подтверждающие ряд тезисов.

Примечания тов. Рязанова охватывают почти все, требующее комментариев, и дают колоссальный теоретический и исторический материал огромной ценности [2]). С каждой страницы так и брыжжет многосторонней и не-

---

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. „Коммунистический Манифест". Перев. с нем. под ред. и с примечаниями Д. Рязанова. Коопер. Издат. „Московский Рабочий". Москва 1922 г.

[1]) К сожалению, не всегда указывается работа, из которой заимствуются цитаты.

[2]) Из мест, оставленных т. Разановым без комментариев, я бы отметил рассуждение авторов „Манифеста" в предисловии к русскому изданию 1882 г. относительно возможной роли русской общины в коммунистической революции. Без той оценки, которую мы находим в полемике Энгельса с Ткачевым („Sobiales aus Russland" 1875 г., а также „послесловие" 1894 г.) и в переписке с Николаем—оном, указанное место может смутить нашего читателя.—Недостаточно раз'яснена и так наз. теория обнищания, которая вызвала впоследствии столь отчаянную полемику.

исчерпаемой эрудицией автора примечаний. Читатель знакомится с историей изобретений, и с развитием мировой торговли, и с историей первоначального накопления, и с чартистским движением, и с Карлейлем, и с Гессом, и с Прудоном, и с целым рядом других явлений и лиц, так или иначе затрагиваемых „Коммунистическим Манифестом".

Русский читатель будет, конечно, крайне благодарен тов. Рязанову за его примечания, но если его спросят, удовлетворен ли он в полной мере новым комментарием к „Манифесту", то он, мне кажется, не даст на этот вопрос вполне утвердительного ответа. Он сошлется прежде всего на недостаточную систематичность примечаний и потребует ряда дополнительных данных, которые тов. Рязанов почему-то не счел нужным включить в настоящее издание. Я говорю: потребует, потому что тов. Рязанов не сообщил читателю многих необходимых фактов, и при том таких, которые он один только, в качестве лучшего из ныне здравствующих знатоков жизни и деятельности Маркса и Энгельса, и мог бы дать. Читатель прежде всего спросит тов. Рязанова, почему он при изложении истории „Союза Коммунистов" и „Манифеста" счел возможным ограничиться всего только несколькими словами, в то время как он, например, феодальному социализму уделяет чуть ли не семь страниц? Историю „Союза" мы знаем по очерку Энгельса (введение к „Разоблачениям" Маркса), написанному по памяти в 1885 г., т.-е. спустя почти сорок лет после выхода Манифеста, и заключающему в себе ряд фактических ошибок и неточностей [1]). Мало кто знаком с первым наброском „Манифеста", составленным Энгельсом [2]). Еще меньше известна в России переписка Маркса и Энгельса, также дающая кое-какой материал по истории „Манифеста". Наконец, русский читатель совершенно не знаком с любопытнейшим документом, опубликованным проф. Карлом Грюнбергом в 1921 году [3]). Я говорю о журнале „Kommunistische Zeitschrift", вышедшем в сентябре 1847 г., т.-е. между первым и вторым с'ездами Союза Коммунистов,—о журнале, на котором еще за полгода до выхода „Манифеста" красовался лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Этот документ, бросающий яркий свет на период организации Союза Коммунистов, упоминался Георгом Адлером и Нетлау, но ни тот, ни другой никогда не видали его. Недавно названный коммунистический журнал был открыт Густавом Мейером и Карлом Грюнбергом—первым в секретном берлинском государственном архиве, вторым в библиотеке Антона Менгера. Грюнберг и сделал его достоянием гласности.

Тов. Рязанов, однако, ничего этого не использовал. Почему? Быть может, „Kommunistische Zeitschrift" не была ему известна? Отнюдь нет! Он нашел ее давно. По крайней мере в 1914 году она, как это явствует из его примечаний к письмам Маркса и Энгельса, которые начали печатать в „Современном Мире", была ему хорошо известна. Это тем более относится к другим названным документам. Я мог перечислить некоторые недостаточно использованные или вовсе не принятые тов. Рязановым во внимание источники только потому, что они опубликованы и лежат предо мной. Но ведь кроме тов. Рязанова никто, повидимому, не знает, какие неведомые миру документы имеются в его распоряжении. Автор примечаний к „Коммунистическому Манифесту", по всей вероятности, имеет намерение преподнести читающей публике немало подарков из своей сокровищницы, но комментарии к „Манифесту" свидетельствуют о том, что он отнюдь не спешит.

---

[1]) См. K. Marx. Enthüllungen über den Kommunisten prozess in Köln. Vierter Abdruck mit Einleitung und Anmerkungen von Franz Mehring. Berlin 1914 (вошло в третий том полного собрания сочинений Маркса и Энгельса).

[2]) См. Briefwechsel, т. I, стр. 84.

[3]) Die Londoner Kommunistische Zeitschrift und andere Urkunden aus den Zeiten 1847—48. Leipzig. 1921.

Говорю обо всем этом не только для того, чтобы в качестве читателя рецензируемой работы потребовать от тов. Рязанова помещения в следующем издании „Манифеста" 1) истории „Союза Коммунистов", 2) коммунистического журнала 1847 г. и в 3) наброска Энгельса с надлежащим разбором, но, главным образом для того, чтобы, воздействуя на наше партийное общественное мнение, побудить тов. Рязанова к усилению его литературной деятельности. Мы желаем тов. Рязанову долгие годы жизни на благо коммунистической науки, но ведь давно сказано: „сегодня льстит надежда лестна, а завтра где ты, человек?" Между тем тов. Рязанов почти все, что ему известно на основании архивных и библиографических изысканий, хранит в своей памяти. А это обстоятельство, наряду с законным нетерпением получить по возможности новые сведения о наших учителях, заставляет нас требовать от тов. Рязанова, чтобы такие факты, как случаи с „Kommunistische Zeitschrift" больше не повторялись.

Новое издание „Манифеста" следует, конечно, рекомендовать самым настоятельным образом. К сожалению, оно слишком трудно, чтобы предложить его тому кругу читателей, на который рассчитывало издательство, напечатав 200.000 (!) экземпляров вместо 15—20.000.

Ш. Дволайцкий.

Проф. М. И. Боголепов.—Валютный хаос. К современному положению Европы. Центральное т-во „Кооперативное Издательство", Петербург, 1922 г.—Москва. 72 стр.

Брошюра известного финансиста проф. М. И. Боголепова посвящена животрепещущему вопросу о валюте, который в настоящее время волнует весь мир. Она несомненно вводит читателя в курс современного боевого вопроса, и потому издание ее можно считать вполне своевременным. Автор приводит массу свежих данных (до конца 1921 года) о так наз. благородных валютах, к каковым в настоящее время можно причислить только очень немногие, в том числе американский доллар, английский фунт и швейцарский франк. При этом оба последних сильно пострадали от военной бури, и только Сев.-Амер. Соединенные Штаты оказались единственным из воевавших государств, сохранившим в неприкосновенности свою золотую валюту. Далее говорится о бумажных валютах—французском и бельгийском франке и германской марке, потерявших значительную часть своей ценности и, наконец, об австрийской кроне и польской марке, которые автор считает превратившимися в бумажное ничто. Международное значение этого всеобщего потрясения войны хорошо характеризуется словами бывшего английского канцлера казначейства—Мак-Кенна: „Мы теряем в Англии вследствие безработицы двух миллионов людей более того, что мы когда-либо получим от Германии в течение 30 лет. Я предпочел бы видеть свой народ занятым производством, нежели получающим через час по столовой ложке богатства из Германии за счет своей безработицы". Он выражает сомнения „правда ли, что германские платежи по восстановлению—благодеяние для Англии, и не будет ли скорее проклятием, а не благословением уплата союзнических долгов". Далее идут вздохи, что падение германской марки подрывает и американскую внешнюю торговлю (стр. 32).

Вообще изложенные факты очень интересны и могут кое-что дать читателю. Менее интересна заключительная глава о мерах борьбы с валютной разрухой.—Автор, глубоко уверенный в незыблемости основ капиталистического строя, как-будто не хочет замечать, что все эти глубокомысленные проекты, протежируемые пресловутой Лигой Наций, представляют собой жалкие заплаты на ярко выразившейся картине полного развала капиталистических валютных и кредитных отношений. Сам автор признает, что обыч-

ные меры борьбы с расстройством валютных отношений оказываются бессильными и недействительными (стр. 55). Он надеется, что экономическая солидарность, без которой указанные проблемы неразрешимы—составит музыку будущего. И только эта, ни на чем не основанная надежда, позволяет ему серьезно относиться ко всякого рода проектам разрешения валютной проблемы, в роде пресловутой схемы Тер-Мюлена и затрудняет понимание невозможности для запутавшегося в своих собственных сетях капитализма найти действительный выход из положения. Потому главным достоинством разбираемой брошюры является обилие свежего фактического материала, что же касается освещения вопроса, то здесь можно о многом поспорить с автором. В общем прочтение брошюры будет полезно для лиц интересующихся острыми вопросами современности.

Д. Боголепов.

Проф. М. И. Боголепов. Бумажные деньги. Изд. „Коопер. Издательство". Петербург, 1922, Москва. 111 стр.

Вопрос о бумажных деньгах в истории народов является в настоящее время весьма своевременным. Поэтому следует приветствовать появление книги проф. М. И. Боголепова. Она написана для широкой читательской среды и имеет по словам автора, своей главной задачей познакомить с основными законами, фактами и практикой денежного обращения, не прибегая к чисто теоретическому изложению, а представляя их на исторических опытах из жизни различных народов. В начале автор дает общее понятие о деньгах, не ставя себе целью изложение теории денежного обращения или законы денежного обращения. Задача книги, по словам автора, гораздо уже: „она заключается в том, чтобы показать читателю, каким образом различные народы нашей эпохи выходили из того положения, в которое сами себя ставили, когда, под влиянием финансовой нужды, они вынуждались портить свои денежные системы" (стр. 5). Поэтому в введении автор дает самое общее понятие о деньгах и об'ясняет некоторые термины. В дальнейшем изложении автор знакомит с видами так наз. порчи денег и затем дает сведения о трех возможных результатах бумажно-денежного хозяйства—об аннулировании бумажных денег (опыт Франции и Соединенных Штатов), о поднятии их курса до паритета (опыт Англии, Соед. Штатов и Франции) и о девальвации их номинальной стоимости (русский и австрийский опыты). Современный опыт с бумажными деньгами в Китае не затрагивается.

Такая постановка вопроса делает книгу безусловно полезной для лиц, желающих понять вопросы современности. Автор признает, что деньги—безусловно историческая категория и поэтому считает невозможной абсолютную теорию денег, но—утверждает он—думать, что деньги получат новое бытие можно только в том случае, если предположить, что все народное хозяйство выйдет на совершенно новую дорогу, в чем автор, конечно, сомневается.

Изложение основных понятий в общем удовлетворительно, если принять во внимание, что автор избегает вопроса об общих законах и дает только определения различных видов денег. Однако понятие о банкнотах и об их отношении к золотым запасам значительно уступает изложению М. В. Бернацкого (в его статье—О Гос. Банке, в „Изв. Пол. Инд." за 1912 г.).

Главное содержание книги составляет изложение различных финансовых реформ. Очень интересен французский опыт аннулирования денег (кстати, автор в указанной им литературе по вопросу почему-то пропускает книгу С. А. Фалькнера „Бумажные деньги Французской Революции"). Интересны также примеры восстановления ценности денег, какие, по мнению автора, возможны только в богатых странах. Более бедные страны (в роде Австрии и России) должны прибегать к девальвации, которая представляет собой частичное государственное банкротство.

Едва ли, однако, можно вполне согласиться с точкой зрения автора, что выбор между тем или другим типом денежной реформы зависит исключительно от состояния народно-хозяйственных сил. Несомненно, интересы различных классов оказывают большое влияние в выборе типа реформы и в методе ее проведения. Сам автор в одном месте указывает, что во всех странах, где совершались крупные денежные реформы, всегда были общественные классы и профессиональные группы, которые противились реформе определенного типа или даже всякой реформе. „Класс задолженных землевладельцев, интересы, связанные с вывозом товаров за границу, протекционисты,—все они против исправления денежной системы, так как извлекают из испорченной денежной системы немалые выгоды" (стр. 81). Автор полагает, что „только народно—хозяйственая точка зрения и общий государственный интерес способны дать руководящую линию при оценке различных денежных реформ„ (там же). Под этим общим государственным интересом очевидно разумеется линия буржуазии, которая далеко не совпадает с линией пролетариата, об интересах которого в своей книге автор не говорит ни слова. Несомненно, иногда интересы и буржуазии и пролетариата здесь могут совпадать в противовес интересам агрария, но далеко не всегда Так напр. современная политика так наз. дефляции, нужная буржуазии для получения процентов по займам в твердой валюте, резко противоречит интересам пролетариата. Далее сам автор признает, что накопление золотых запасов есть нередко просто военная мобилизация финансовых сил, что опять-таки резко противоречит пролетарским интересам. Вообще роль золотого обеспечения при финансовых реформах несомненно нуждается в лучшем освещении. При всех указанных недостатках, книга проф. М. И. Боголепова, дающая богатый и хорошо изложенный фактический материал, несомненно найдет дорогу к широким кругам читающих масс.

Д. Боголепов.

Собрание сочинений Н. Ленина.

Одной из самых крупных литературных работ по коммунизму является издание сочинений Н. Ленина в двадцати томах, предпринятое по постановлению IX с'езда Р.К.П.

Руководящая партия русской революции—коммунистическая. Ее идеолог и вождь Н. Ленин. Собрание его сочинений дает исчерпывающей полноты картину борьбы за партию, сначала против народничества, позднее против „экономизма" и „легального марксизма", потом против меньшевизма за революционную партию пролетариата; против „ликвидаторства", в которое выродился меньшевизм в годы реакции; наконец, против социал шовинизма во всех его видах в мировом масштабе за интернационал, против соглашательства, за диктатуру пролетариата и международную революцию. Если в первом томе „Собрания сочинений" мы находим первые статьи Н. Ленина, написанные им для петербургских рабочих, спропагандированных в подпольных кружках „Союза борьбы за освобождение рабочего класса", то в XVI—XX томах читатель найдет его речи, произнесенные на мировых конгрессах III интернационала по основным вопросам мировой революции.

В настоящее время, когда русская революция из узких национальных рамок вышла на путь международной революции, сочинения Н. Ленина приобретают огромный теоретический интерес. Н. Ленин ни одного слова не прибавил к Марксу, но он научил понимать его и его теорию превращал в могучее оружие пролетарской революции. В этом смысле предпринятое издание имеет колоссальное значение для молодых заграничных коммунистических партий, еще недавно вступивших на путь революции. Большин-

ство томов „Собрания сочинений“ должны быть переведены на главнейшие иностранные языки и такие переводы уже делаются (напр., перевод на немецкий, финский XIV тома и др.).

В „Собрание сочинений“, по намеченному плану, должно войти все написанное и сказанное Лениным, т.-е. все его статьи и речи, поскольку последние в свое время были зафиксированы. Двадцать томов издания охватывают период с 1894 г. по 1921 год, но даже и за этот период „Собрание сочинений“ менее всего можно назвать полным. Вся личная переписка и все документы, связанные с деятельностью Ленина, как председателя Совета Народных Комиссаров, в издание не вошло. Ни личный архив Владимира Ильича, ни архив Совета Народных Комиссаров для издания не обследовался. Это обследование требует колоссального труда и, без сомнения, даст материал, которого хватит для новых двадцати томов не меньшего интереса, чем первые двадцать. То же самое следует сказать и относительно архива Ц К.Р.К.П., в котором имеются сокращенные, „секретарские“ записи речей Владимира Ильича и резолюции, предложенные им, намечающие поворотные пункты русской революции. Точно также для издания не могли быть использованы многочисленные листки и прокламации, написанные Лениным в первый период его деятельности и хранящиеся в недрах архива Департамента полиции, ныне архива русской революции. Они могут быть отысканы и авторство их установлено только по мере общей разработки материалов Департамента полиции.

Главным препятствием для подготовки „Собрания сочинений“ является недостаток старых заграничных изданий в России и недоступность русских эмигрантских библиотек в Швейцарии и Франции, в которых хранится большинство этих изданий. Эти библиотеки, представляющие колоссальную историческую ценность, давно можно и должно целиком перевести в Россию и приходится жестоко пожалеть, что социалистическая академия этого не сделала. Для многих газетных статей как в легальной, так и в нелегальной прессе, очень трудно установить авторство. Ближайшие сотрудники Владимира Ильича настолько сжились и сработались с ним, что статью Ленина не всегда можно с уверенностью отличить от статьи, принадлежащей одному из ближайших его друзей. Только характерный язык Владимира Ильича и некоторые привычные для него методы логических построений иногда, но далеко не всегда, могут служит ключем. Нет сомнения, что при всей тщательности работы в изданные томы вкрались две-три статьи, не принадлежащие Ленину, а с другой стороны, несколько статей, принадлежащих ему, опущено.

Подготовка издания ведется одновременно за два периода. Разрабатываются годы первой (1903—1907 гг.) и второй (1917—1921 гг) революций. До настоящего времени вышли 5 томов, или 7 полутомов, так как некоторые тома не могли войти в одну книгу и разбиты на части. Напечатаны тома IV („Искра“), VI (1905 г. до октября) и VII (от октября 1905 г. до выборов во вторую Думу, в двух частях), охватывающие период первой революции. Вышли также из печати две части XIV тома (с февраля по 25 октября 1917 г.). Находятся в печати тома XV (1918 год), XVI (1919 год) и XVII (1920 год). Тома, касающиеся эпохи первой революции, разработаны В. А. Пановым. Тома XIV—XVII, охватывающие период второй революции, подготовлены Н. Н. Овсянниковым и, отчасти, К. П. Новицким (некоторые материалы XIV тома). Особняком стоит XIX том, посвященный национальному вопросу и подготовленный И. П. Товстухой. Все издание, снабженное многочисленными примечаниями, помогающими уяснить современному читателю текст, выходит под общей редакцией Л. Б. Каменева и печатается в количестве 20 тыс. экземпляров.

[illegible] 1 г.

и 1907—1914 гг. Томы А („Развитие капитализма в России"), Х („Марксизм и эмпириокритицизм") и XIII („Мировая война 1914—1916 гг.") [1]) выйдут в последнюю очередь, так как имеются их отдельные, некомментированные издания. Все издание предполагается закончить в течение 1923 г. Работа тормазилась в период „военного коммунизма" („старая экономическая политика"—тоже) полным развалом типографского дела в Москве.

Одновременно с двадцатитомным комментированным изданием „Собрания сочинений" ведется работа по изданию отдельных статей и монографий Н. Ленина. В ближайшее время в издании Московского Совета („Московск. Отделение Госиздата") выходят три книжки Ленина, подготовленные к печати Овсянниковым: „Что делать" (1901 г.); „Две тактики" и „Победа кадетов и задачи пролетариата" („Вопрос о диктатуре в первой русской революции" 1905—1906 гг.); „Основные задачи Советской власти" и „Левое ребячество" (1918 г.). Две первые книжки издаются, как пособия для партийных школ; последняя, снабженная новым предисловием Ленина, имеет актуальное значение и имеет непосредственное значение для выяснения теоретических основ „новой экономической политики" и истории недавнего „военного коммунизма".

Указатель нелегальных соц.-дем. изданий 1883—1905 гг.

(Русская политическая литература за-границей, вып. 1: **Социалдемократические издания.** Указатель социалдемократической литературы на русском языке 1883—1905 г.г.—Составлен под ред. Л. Каменева. Гос. Изд. 1922, стр. 60. Ц. 60 к. д.)

Это не новый „Указатель". Он вышел за границей в 1921 г. и Истпарт сделал великолепное дело переиздав его. Эмигрантская литература, почти целиком политическая, по эту сторону границы была хорошо известна. Старое поколение нашей партии воспитывалось на ней. Не имея абсолютно никакой возможности внутри страны легально или хотя бы полулегально поставить печатную агитацию и пропаганду, партия всю свою энергию тратила на развитие издательства за границей и провоз ее в Россию. Это обходилось чрезвычайно „дорого" нашей партии, она тратила неизмеримо больше сил и энергии, средств и времени, чем это понадобилось бы даже при нормально-буржуазных условиях, но несмотря на это эмигрантская литература исполнила свою роль великолепно; в деле свержения самодержавия, революционного воспитания рабочего класса, в деле развития его классового самосознания и организации его сил—роль эмигрантской литературы весьма почетная.

Ни один историк нашей страны не может обойти молчанием этот фактор. Историю рабочего движения нельзя писать минуя вольную русскую революционную прессу, никто, серьезно изучающий историю общественной мысли России второй половины XIX века и начала XX века, не может ее понять и правильно осветить без нашей зарубежной революционной литературы.

Я не говорю уже об историках революций и революционных партий нашей страны, для которых заграничная литература—основной материал.

Точная регистрация, опись и систематические указатели этой литературы тем необходимей, что громадная часть ее теперь представляет огромную библиографическую редкость, а многих и многих из революционных изданий у нас совершенно не имеется.

Мы именно потому и приветствуем появление „Указателя" т. Каменева, который плюс к тому же дает массу материалов по истории социал-

---

[1]) Сборник „Против течения".

демократии в России, целый ряд интересных дат, раскрывает очень много псевдонимов, под которыми вынуждены были скрываться многие и многие наши товарищи.

Интересно расположен материал,—он дает ясную картину развития идейной борьбы внутри нашей партии и ее литературное отражение. Обильные данные о периодической партийной печати с подробным содержанием представляет огромную ценность справочного характера.

Аппарат справок—алфавитный указатель авторов—прекрасный, наводит, справки, быстро разыскивать нужную статью какого-либо автора—можно с минимальной тратой сил.

Повторяем, указатель вышел весьма своевременно и восполнил очень ощутимый пробел.

Но мы здесь не можем не указать на ряд дефектов „Указателя“.

Система регистрации ни в какой степени не может быть названа удовлетворительной.

Два—три примера достаточно для подтверждения правильности нашего замечания.

Указатель регистраций:

1891 Г. Плеханов. Ежегодный всемирный праздник рабочих.

1892 Г. Плеханов. Всероссийское разорение.

1903 Н. Ленин. К деревенской бедноте. С приложением проекта программы, и т. д. все в том же роде.

Само собой разумеется, это не удовлетворит пользующегося услугами Указателя.

Чтобы стало возможным действительное пользование с максимумом пользы Указателем, нужно было точно регистрировать, с указанием места печатания, год, типографию, чье издание, какая серия и т. д.

Те же самые брошюры должны были бы быть зарегистрированы примерно так:

1891 Г. Плеханов. Ежегодный всемирный праздник рабочих. Рабочая библиотека. Вып. 5. Женева, 1891. Тип. „Социал-Демократа“, 16°, стр. 31.

1892 Г. Плеханов. Всероссийское разорение. Отдельный оттиск из № 4 „Социаль-Домократа“. Женева, 1892, тип. „Социаль-Демократа“. 8°, стр. 37.

1903 Н. Ленин. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. С приложением программы Р. С.-Д. Р. П. Женева. 1903, тип. Лиги Рус. Рев. С.-Д. 16°, стр. 92 и т. д.

Последняя система тем более удобна, что каждый раз не придется читателю делать изыскания, когда, где и кем издана данная брошюра.

Далее Указатель не привел перечень, хотя бы краткий, изданий целого ряда серий, как-то „Библиотека современного социализма“, „Рабочая библиотека“, „Библиотека научного социализма“ и т. д. Все брошюры, входящие в эти серии проведены в хронологическом порядке, но следовало бы в конце приложить и систематические списки изданий, входивших в такие серии, как вышеуказанные, которые играли немаловажную роль в истории развития и распространения с.-д. идей в России.

Еще два—три замечания об авторах неподписанных статей: в сборнике „Соц.-Дем.“ от редакции написано Г. В. Плехановым, судя по последнему абзацу и по стилю; в № 4 „Соц.-Дем.“ за 1892 г.: „Рабочее движение в 1891 г.“ также несомненно принадлежит Г. В. Плеханову. „Доклад русских с. д. на Международном конгрессе в Лондоне в 1891 г.“ написан Г. В. Плехановым и А. Н. Потресовым, последнему принадлежит глава о рабочем движении в Петербурге, а Плеханову—остальное. В № 50 „Искры“

статья „Победа итальянских социалистов"—вероятно (судя по стилю) принадлежит Г. В. Плеханову, автором статьи „Богословский съезд итальянских социалистов" (Искра, № 63), является несомненно Г. В. Плеханов.

Все наши замечания, однако, ни на йоту не должны умалить огромное значение „Указателя". Мы бы только думали, что в дальнейшем, предпринимая составление новых указателей, либо переиздавая старые, наши товарищи и организации должны считаться с тем, что библиография—наука, требующая педантичной точности и нельзя ни в каком случае ограничиться простой регистрацией там, где следует тщательная опись.

В. Р.

„Библиотека коммуниста". Кооперативное Издательство „Московский Рабочий" при М. К. Р. К. П. составило программу Библиотеки Коммуниста, которая будет выходить под редакцией т. Д. Рязанова.

Кроме вышедшего в свет „Коммунистического Манифеста" в эту серию входят:

Г. В. Плеханов. Очерки из истории материализма.
Плеханов. Основные вопросы марксизма.
Энгельс. На русские темы.
Плеханов. Предшественники Маркса и Энгельса.
Энгельс. Л. Фейербах и конец немецкой классической философии.
Плеханов. Теория и практика синдикализма.
Эккариус. Против Д. С. Милля.
Плеханов. Анархизм и социализм.
Лафарг. Памфлеты.
Энгельс. Письма к Беккеру.
Лафарг. Экономические очерки.
Маркс. 18-ое Брюмера.
Маркс. Классовая борьба во Франции.
Энгельс. На международные темы.
Маркс и Энгельс. Революция и контр революция в Германии.
Энгельс. Развитие научного социализма
и ряд других произведений классической и марксистской литературы.

* * * * * *

Изд. К-во „Материалист". Отв. редактор. Тер.

КНИГОИЗД-ВО
"МАТЕРИАЛИСТ"